

Марк Туллий Цицерон

О ПРИРОДЕ БОГОВ

Книга I

I. (1) Как ты, Брут¹, прекрасно знаешь, много еще есть в философии вещей, до сих пор не получивших достаточного объяснения, а в особенности трудным и темным является вопрос о природе богов², вопрос, который в высшей степени и для познания духа важен, и для устройства религии необходим. По этому вопросу учеными мужами были высказаны столь различные и столь противоречивые мнения, что это уже само по себе должно служить сильным аргументом в пользу того мнения, что причиной и началом философии должно быть незнание³. И мудро поступают академики⁴, которые воздерживаются выражать одобрение вещам сомнительным. Ведь, что может быть постыднее недомыслия? Что безрассуднее? Что недостойнее твердости и постоянства мудрого мужа, чем придерживаться ложного, или, ничуть не сомневаясь, защищать то, что недостаточно исследовано и продумано?

(2) Так и в этом вопросе. Большинство думает, что боги существуют, — это ведь и правдоподобнее, и сама природа всех нас к этому приводит⁵. Однако Протагор⁶ сомневался, а Диагор Мелосский⁷ и Феодор из Кирены⁸ считали, что вовсе нет никаких богов. А те, которые

признавали существование богов, настолько расходятся в суждениях, что все их мнения даже трудно перечислить. Многие говорят и о наружности богов, и об их местопребывании, и образе жизни, и обо всем этом между философами величайшее разногласие в спорах. Главное же в этом вопросе: живут ли боги в полном бездействии, ни во что не вмешиваясь, совсем не заботясь о мире и об управлении им, или, напротив, они с самого начала и все сотворили, и установили, и всем в мире до бесконечного времени (*ad infinitum tempus*) управляют, и все приводят в движение. Вот о чем особенно велико расхождение во мнениях; и если все это не рассудить, то неизбежно пребывать людям в крайнем заблуждении и невежестве относительно вещей наиважнейших.

II. (3) Есть и были ранее философы⁹, которые считают, что боги совершенно не пекутся о человеческих делах. Если их мнение истинно, то какое может быть благочестие (*pietas*)? Какая набожность (*sanctitas*)? Какая религия (*religio*)? Ибо все то, что должно быть чисто и свято воздаваемо богам, имеет смысл, если только они замечают это и если есть роду человеческому от бессмертных богов некое воздаяние. Если же боги и не могут нам помочь, и не хотят, и совсем не пекутся о нас, и не обращают внимания на то, что мы делаем, и если с их стороны не может быть никакого влияния на жизнь человеческую, то для чего нам воздавать бессмертным богам какое-то поклонение (*cultus*), почести, обращаться к ним с молитвами?

Как другие добродетели, так и благочестие не может состоять только во внешних лицемерных проявлениях. А если не будет благочестия, то вместе с тем неизбежно исчезнут и набожность и религия. Если же и эти исчезнут, то последует великий переворот всей жизни и великое смятение (4), и, пожалуй, с исчезновением благочестия к богам не устранился ли также вера (*fides*) и человеческое сообщество (*societas generis humani*), и самая совершенная из всех добродетелей — справедливость (*iustitia*)?

Есть и иные философы¹⁰, и притом великие и благородные, которые полагают, что весь мир умом и рассудком (*mente et ratione*) богов руководится и управляется, и что, мало того, жизнь людей также богами предвидится и опекается. Ибо эти философы считают, что и плоды земные, и остальное, что земля порождает, и изменения погоды, и смену времен года, и перемены в небе, от которых зависит рост и созревание того, что родит земля, — все это бессмертные боги производят для рода человеческого. И они (о чем будет еще сказано в этих моих книгах) приводят в качестве доводов много такого, что порой кажется будто боги бессмертные все устроили [намеренно] на потребу людям. Но Карнеад¹¹ выдвинул против этих философов столь многое, что во всяком человеке неленивого ума возбудил желание отыскать истину (5), ибо это такой вопрос, по которому расходятся во мнениях не только неученые люди, но также и ученые. Мнения же эти столь различны и столь противоречивы, что, весьма возможно, все они ложны, верным же, конечно, может быть не более одного.

III. Обсуждая этот вопрос, мы можем и доброжелательных критиков успокоить, и злобных порицателей опровергнуть, так что одни пожалеют, что нападали на меня, а другие порадуются, что научились. Ведь тех, кто по-дружески делится своими сомнениями, нужно учить; тех же, кто враждебно нападает на нас, следует отражать (6). Знаю я, что о моих книгах, которые я выпустил в большом числе за короткое время, было много разговоров и были различные суждения. Одни удивляются, откуда у меня возникло такое рвение к философствованию (*philosophandi studium*), другие хотят знать мое мнение по тому или иному предмету; а многим кажется удивительным, что я отдаю предпочтение той философии, которая, де, отнимает свет и как бы окутывает вещи некоей тьмой, и почему я неожиданно взял под покровительство давно уже брошенное и оставленное учение¹². Однако вовсе не внезапно я стал заниматься философией, и не мало затратил я труда и забот на нее со времен ранней юности, а более всего тогда, когда казалось, что я совсем мало занимаюсь философией. О чем свидетельствуют и речи мои, изобилующие высказываниями философов, и близкие отношения

с учеными людьми, чем всегда славился дом наш, и то, что я обучался у известнейших [учителей]: Диодота¹³, Филона¹⁴, Антиоха¹⁵, Посидония¹⁶ (7). А поскольку все философские предписания применимы к жизни, то, полагаю, я и в общественных, и в частных делах поступал так, как предписывают рассудок (ratio) и наука (doctrina).

IV. Если же кто спросит, что побудило меня так поздно взяться за письменное изложение всего этого, то нет ничего легче, чем дать на это ответ. Когда меня утомила бездеятельность, а состояние республики было таким, что ею по необходимости должен был управлять и о ней заботиться только один человек¹⁷, то решил я, во-первых, что ради самой республики следует изложить нашим людям философию, ибо я полагал, что важно и для украшения, и для славы нашего государства, чтобы столь важные и славные вещи были изложены также и на латинском языке (8). И ничуть я не жалею о затраченном труде, потому что вижу, что мой пример возбудил во многих желание не только изучать, но и самим писать [о философии]. Ведь очень многие римляне, изучившие греческие науки, не могли передать усвоенные ими знания своим согражданам по той именно причине, что не верили, будто воспринятое ими от греков можно изложить на латинском языке. Я же в этой области, как мне кажется, настолько продвинулся, что не уступлю грекам даже в богатстве слов.

(9) Побудила меня также обратиться к этим занятиям душевная скорбь¹⁸, вследствие великого и тяжкого удара судьбы. Если бы я мог найти большее утешение от какого-нибудь другого занятия, я предпочел бы прибегнуть к нему, [а не к философии]. А тем средством, к которому я прибегнул, я не мог воспользоваться лучше, чем отдавшись не только чтению книг, но также изучению всей философии. А все ее разделы и все части легче всего узнать, если эти вопросы изложить письменно, ведь во всем этом есть удивительная последовательность, так что одно кажется связанным с другим в одну цепь, звенья которой между собой соединены и переплетены.

V. (10) Но те, которые спрашивают, что я сам думаю о том или ином предмете, проявляют любопытства более, чем следует. Ведь при обсуждении следует, конечно, больше придавать значения силе доказательств, чем авторитету. Так что, по большей части, желающим научиться авторитет учителя приносит даже вред, потому что они перестают сами рассуждать и считают бесспорными только суждения того лица, которого они почитают. Я не одобряю того, что известно о пифагорейцах, которые, когда что-то утверждают при обсуждении и при этом у них спросишь: «Почему так?» — обычно отвечают: «Сам сказал!». «Сам» — это значит — Пифагор¹⁹. Столь великой оказалась сила предвзятого мнения, что авторитет стал действовать даже без доказательств.

(11) А тем, которых удивляет, почему я предпочел стать последователем этого учения [академиков], я, кажется, достаточно ответил в четырех моих книгах об этой школе²⁰. И вовсе я не принял под свое покровительство школу, покинутую и оставленную. Ибо со смертью людей не погибают также и их мнения, им, может быть, только не хватает [того] сияния, [которое исходило от их] авторов. Так обстоит дело и с методом (ratio) этой школы в философии — все оспаривать и ни о чем не высказывать определенного мнения.

Этот метод получил свое начало от Сократа²¹, был возобновлен Аркесилаем²², подкреплен Карнеадом и дожил до наших дней, хотя я признаю, что в самой Греции он почти осиротел. Но я полагаю, что это произошло не по вине Академии, а от тупости людей. Ибо, если великое дело — усвоить отдельные учения, то насколько же большее — изучить все! А это необходимо сделать тем, которые ради отыскания истины поставили себе целью выступить и против всех философов, и за всех. (12) Я не утверждаю, что многого достиг в этом столь важном и столь трудном деле, но что я к этому стремился — признаюсь. Впрочем, и не может быть, чтобы придерживающиеся этого метода в философии не имели ничего, чему бы

следовали. Об этом я говорил в другом месте более обстоятельно²³, но так как некоторые люди слишком непонятливы и забывчивы, то им, видимо, нужно чаще напоминать. Мы не из тех, которым кажется, что нет ничего истинного, но из тех, которые утверждают, что ко всему истинному присоединено нечто ложное, и притом настолько подобное истинному²⁴, что нет никакого признака для правильного суждения и принятия. Из чего также следует, что есть много вероятного, такого, что хотя и не схватывается умом, но, поскольку выглядит и выразительным и ясным, может руководить жизнью мудрого человека.

VI. (13) Но пора уже мне, чтобы избавиться от всякого злословия, общедоступно изложить мнения философов о природе богов, как бы созвав их всех вместе, чтобы они сами рассудили, какое из их мнений верное. Вот тогда уже Академия будет в моих глазах выглядеть упрямой, если окажется, что либо все философы сойдутся на одном мнении, либо найдется из них кто-то один, который откроет, что истинно. Итак, я могу воскликнуть наподобие того [влюбленного] в «Синэфебах»²⁵:

«О бессмертные боги, о граждане все, о все юноши,
К вам о защите взываю, кричу, молю, требую»,

но не о таком пустяке, на который тот жаловался, что, мол, поистине «творятся в государстве беззакония»:

«Распутница от милого дружка не хочет денег взять...»,

(14) а чтобы философы, собравшись вместе, рассмотрели бы и обсудили, что должно думать о религии, благочестии, набожности, обрядах, вере, клятве, что о храмах, святилищах, торжественных жертвоприношениях, что о самих ауспциях, которыми я теперь руковожу²⁶, — ведь все это также относится к вопросу о бессмертных богах. И наверное, разногласия по этому важнейшему вопросу между учеными людьми заставят усомниться даже тех, которые считают себя знающими об этом что-нибудь достоверное.

(15) Я часто наблюдал подобное, и в особенности однажды, когда у друга моего Г. Котты²⁷ состоялось очень обстоятельное и подробное обсуждение этого вопроса — о бессмертных богах. Это было во время Латинских праздников²⁸. Я пришел к нему по его просьбе и приглашению и застал его сидящим в гостиной (exedra) и беседующим с сенатором Г. Веллеем²⁹, которого в то время эпикурейцы ставили на первое место [среди своих]. Там был также Кв. Луцилий Бальб³⁰, сделавший такие успехи в стоической философии, что его сравнивали с самыми знаменитыми греческими стоиками. Увидев меня, Котта говорит: «Ты пришел очень кстати. У меня как раз началась беседа с Веллеем по очень важному вопросу, при которой тебе с твоей склонностью [к подобного рода обсуждениям] будет совсем не лишним присутствовать».

VII. (16) «И мне, — ответил я, — тоже кажется, что я пришел, как ты говоришь, кстати. Потому, что здесь сошлись вы — три главы трех главных школ [в философии]³¹. И если бы здесь еще присутствовал М. Пизон³², то ни одна философская школа, из тех, по крайней мере, которые сейчас в почете, не осталась бы без своего представителя». На это Котта возразил: — «Если книга нашего Антиоха³³, которую он недавно прислал Бальбу, говорит правду, то у тебя нет никакого основания сожалеть об отсутствии твоего друга Пизона, потому что, по мнению Антиоха, стоики с перипатетиками³⁴ по существу согласны, а расходятся только в словах. Хотел бы я знать, что ты, Бальб, думаешь об этом сочинении?». «Что я думаю? — ответил тот, — я удивлен, что Антиох, человек весьма проницательного ума, не заметил большой разницы между стоиками, которые различают между нравственно достойным (honesta) и удобным (commoda) не по названию только, а по роду (non nomine, sed genere) и перипатетиками,

смешивающими нравственное с удобным, так что они различаются по величине и как бы по степеням, но не по роду. А это ведь не маленькое разногласие, в словах, а весьма большое, по существу. (17) Но об этом в другой раз, а сейчас, если угодно, мы вернемся к тому, с чего мы начали обсуждение».

«И я так думаю, — сказал Котта, и, взглянув на меня, добавил, — а чтобы он, пришедший позже, не остался в неведении, о чем идет речь, — скажу: о природе богов. Этот вопрос мне всегда казался и кажется чрезвычайно темным, и мне хотелось узнать от Веллея, какого мнения об этом Эпикур. Поэтому, Веллей, если тебе не трудно, повтори, с чего ты начал. «Я повторю, хотя он пришел помощником не мне, а тебе, — сказал, улыбаясь, Веллей. — Ведь вы оба учились у того же Филона ничего не зная», «Чему мы учились, — заметил я, — это пусть покажет Котта. Я же хотел бы, чтобы ты считал меня не помощником ему, а слушателем³⁵, и притом беспристрастным, который может свободно решать и не связан необходимостью волей-неволей присоединяться к какому-то определенному мнению».

VIII. (18) Тогда Веллей³⁶ очень самоуверенно, по обыкновению этих людей³⁷, более всего, видимо, опасаясь как бы не подумали, будто он в чем-то сомневается, и с таким видом, словно он только что покинул собрание богов и спустился из эпикуровых междумирий³⁸, сказал: «Выслушайте же не пустые, ложные мнения, не о платоновом боге из «Тимея»³⁹, мастеровом, строителе вселенной, не о вещи старухе стоиков — *πρόνοια*⁴⁰, которую можно на латинском назвать “*providentia*” («провидение»), и не о самом мире, [будто бы] наделенном душой и чувствами, — шаровидном, пылающем, вращающемся боге⁴¹ — диковинных вымыслах бредящих, а не здравомыслящих философов. (19) Ибо какими глазами смог увидеть ваш Платон мастерство бога в столь великом деле? Какова была подготовка к этому делу сооружения вселенной? Какими орудиями бог пользовался? Какими рычагами? Какие применял машины? Кто были богу помощниками в столь великом сооружении? Каким образом могли слушаться и повиноваться воле зодчего воздух, огонь, вода, земля? И откуда произошли те пять форм⁴² (*formae*), из которых образовалось все остальное, которые, удачно сочетаясь, производят душу и порождают ощущения? Долго бы пришлось говорить об этих вещах, более похожих на желаемое, чем на открытое разумом. (20) Но вот, что у Платона заслуживает наградного венка: он, утверждавший будто вселенная не только возникла, но почти сделана рукой, говорит также, что она, эта вселенная, будет существовать вечно!⁴³ Можно ли видеть в нем человека, который, как говорится, хотя бы чуть-чуть отхлебнул от естествознания (*physiologia*)⁴⁴, если он утверждает, что нечто, однажды родившееся, может быть вечным? Есть ли такое соединение, которое никогда не распадается? Или разве есть что-нибудь, имеющее некое начало, но не имеющее никакого конца? Если ваша Проноя, Луцилий, такова же, как бог Платона, то я задаю тебе те же вопросы, какие только что задавал: о помощниках, машинах, об организации и подготовке всего этого великого дела. Если же Проноя нечто иное, то почему она создала мир смертным (*mortalem*), а не вечным, каким его сделал бог Платона?⁴⁵

IX. (21) Наконец, от обоих вас я хотел бы узнать, почему создатели мира внезапно проснулись, после того, как проспали бесчисленные века? Ведь, если не было никакого мира, века-то были? Я сейчас говорю не о тех веках, которые состоят из дней, ночей, годов, ибо сознаю, что всего этого без круговращения мира быть и не могло. Но существовала же с бесконечного времени некая вечность, которая никакими единицами времени не измерялась, а какова она была длительностью, можно себе представить⁴⁶, потому что и в сознании не вмещается, что было какое-то время, когда никакого времени не было. (22) Вот я и спрашиваю тебя, Бальб, почему ваша Проноя в течение этого огромного промежутка времени медлила? Труд избегала? Но к божеству ведь это не относится. Какой труд, если все стихии повиновались божеству — небо, огонь, земля, моря? И что могло возбудить в боге, словно в эдипе⁴⁷, столь сильное желание украсить вселенную звездами и светилами? Если для того,

чтобы ему самому стало уютнее жить, то до этого он, видимо, в течение бесконечного времени жил в потемках, точно в лачуге какой-то. А после, надо полагать, бог стал радоваться той перемене, какая наступила на небе и на земле, украшенных так, как мы их сейчас видим? Но какая это могла быть радость для бога? А если была, то ведь не может быть, чтобы он был лишен ее столь долгое время. (23) Или, как вы обычно говорите, бог все это устроил ради людей⁴⁸? Ради мудрецов? В таком случае он затратил столь много усилий для [весьма] малого числа людей. Или для глупцов? Но, во-первых, не было у бога оснований оказывать добрую услугу недостойным людям. Затем, чего же он этим достиг, если все глупцы, без сомнения, несчастнейшие люди больше всего оттого, что они глупы, ибо что можно считать более достойным сожаления, чем глупость? И потом, есть так много бедствий в жизни, которые все же мудрому легче переносить, потому что он умеет разумно уравновесить их благами жизни, глупцы же не могут ни уклониться от будущих бедствий, ни переносить уже наступившие.

Х. Те же, которые утверждали, что сам мир одушевлен и разумен, никак не могли представить себе, какую форму может принять природа разумного духа (*animi natura intelligentis*). Об этом я еще буду говорить немного позже, (24) а сейчас только выражу удивление тупоумию этих людей, которые утверждают, что существо одушевленное, бессмертное и вместе с тем блаженное должно иметь форму шара⁴⁹ и только потому, что, как утверждает Платон, нет этой формы прекраснее. А мне, например, кажется красивее цилиндр, или куб, или конус, или пирамида. А какой образ жизни приписывают этому шарообразному богу? Он вечно вращается и при том с такой скоростью, равную которой и представить себе невозможно. Не вижу, как с этим может сочетаться твердый разум и блаженство⁵⁰. Почему то, что, даже незначительно воздействуя на наше тело, как, например, холод или солнечный жар, воспринимается как неприятное, не должно считаться неприятным также для бога? А земля, конечно, поскольку она является частью вселенной, есть также часть бога. Между тем на земле, как мы знаем, есть огромные области необитаемые и невозделанные, потому что одни из них иссохли вследствие близости к солнцу от жары, а другие окоченели под снегом и инеем из-за того, что солнце далеко от них. Но если вселенная — бог, то выходит, что у бога часть членов раскаленные, а часть — окоченела от холода?

(25) Вот, Луцилий, каковы ваши! Что касается взглядов других, то я обращусь к первому из прежних философов. Фалес Милетский, который первый исследовал эти вопросы, объявил, что начало всех вещей — вода. А бог — это тот ум (*mens*), который из воды все образовал. Но если боги могут быть без чувства и разума, то зачем Фалес присоединил к воде ум, а к уму воду, если сам ум может существовать безо всякого тела (*vacans corpore*)? Мнение Анаксимандра, что боги рождаются, появляясь через долгие промежутки времени, и также умирают, и они суть бесчисленные миры. Но мы, можем ли мы представить себе бога иначе как вечным? (26) После него Анаксимен решил, что воздух является богом, что он рождается, что неизмерим, бесконечен и всегда в движении. Как будто воздух, не имеющий никакой формы, может быть богом, а ведь богу преимущественно подобает иметь образ (*species*) и не какой-нибудь, а прекраснейший, или как будто не все то, что рождается, должно подлежать смерти.

XI. Далее, Анаксагор, который принял учение от Анаксимена, первый из всех утверждал, что устройство и движение вещей обусловлены и совершаются силою и рассуждением (*vi ac ratione*) бесконечного ума (*mentis*). При этом он не понял ни того, что в бесконечном не может быть никакого непрерывного и связанного с чувством движения и вместе с тем способности чувствовать⁵¹, ни того, что вообще не может быть никакого чувства (*sensus*), с помощью которого сама природа ощущала бы внешнее воздействие. Далее, если Анаксагор представлял себе этот «ум», как некое одушевленное существо (*animal*), то должно быть внутри него нечто такое, отчего оно может быть называемо одушевленным. Но что может быть внутри ума⁵²?

Итак, он должен быть облеченным во внешнее тело. (27) Но так как это [Анаксагору] не угодно, то остается ничем не прикрытый, простой ум, не связанный ни с чем, посредством чего он мог бы ощущать. Наш разум, как мне кажется, этого не в состоянии понять.

А Алкмеон из Кротона, который приписал солнцу и луне, и остальным звездам, и, кроме того, душе божественность, не подумал о том, что он приписал смертным вещам бессмертие⁵³. И Пифагор, полагавший, что есть охватывающая всю природу и проникающая во все ее части душа, из которой берутся и наши души⁵⁴, не видел, что бог, от которого отрываются человеческие души, этим самым раздирается на части, подвергается растерзанию. А когда человеческие души бывают несчастны, что случается с весьма многими, то, значит, несчастной бывает часть бога, а этого быть не может. (28) И почему бы душе человеческой не быть всеведущей, если бы она была богом? И еще, каким образом, этот бог, если он не что иное, как душа, был всажен или влит в мир?

Затем Ксенофан, который утверждал, что, так как все (omne) обладает умом и вдобавок бесконечно, все есть бог. Что касается ума, то Ксенофану можно возразить то же, что и остальным. А относительно бесконечности можно возразить еще больше, так как не может быть, чтобы в ней существовало нечто чувствующее и присоединенное.

Далее, Парменид — этот создает своим воображением нечто похожее на венец⁵⁵, что он и называет «венцом» (на их языке στεφάνην — круг), от которого непрерывно исходит жаркое сияние и который опоясывает небо, и он называет это богом. Но что это за бог, в котором ни облика божественного, ни сознания (sensus) нельзя себе представить? И много еще он допускает чудовищного, обожествив войну, раздор, страсть и другое в том же роде, что или болезнью, или сном, или забвением, или давностью уничтожается. То же он говорит о звездах⁵⁶, что, как опровергнутое в другом месте, здесь может быть опущено.

ХП. (29) Эмпедокл, погрешающий во многом другом, позорнейшим образом ошибается также, рассуждая о богах. Ибо он считает четыре стихии⁵⁷, из которых, по его мнению, состоит все, божественными. Но ведь ясно, что они, стихии, возникают и исчезают⁵⁸ и лишены всякого чувства. И Протагор, который заявил, что у него нет совсем никакой ясности в вопросе о богах — есть они или нет их, и каковы они, — по-видимому, также испытывал сомнения относительно самой природы богов. А Демокрит, включавший в число богов то разгуливающие кругом «образы», то ту природу⁵⁹, которая эти образы источает из себя и испускает, то наше знание и разумение, разве не впал в величайшую ошибку? А утверждая, что нет ничего вечного, так как ничто не остается всегда в одном состоянии⁶⁰, разве этим самым Демокрит не уничтожает совершенно бога, так что о нем и мнения никакого не остается?

А воздух, который Диоген из Аполлонии использовал в качестве бога, какое воздух может иметь чувство (sensus)? Какой облик, приличествующий богу?

(30) Слишком долго было бы говорить о непоследовательности Платона, который в «Тимее» утверждает, что отца этого мира невозможно назвать⁶¹, а в «Законах» — что не следует и доискиваться, что такое бог⁶². А так как, по мнению Платона, бог не имеет никакого тела, как греки говорят ἄσώματος, то вообще невозможно понять, какой он может быть. Ибо [в таком случае] он необходимо должен быть лишен способности чувствовать, лишен также мудрости, неспособен испытывать удовольствия, а ведь мы все это связываем с понятием о богах. Но тот же Платон в «Тимее» и «Законах»⁶³ говорит, что и вселенная — бог, и небо, и звезды, и Земля, и души наши, и те божества, которых мы признаем по установлению наших предков⁶⁴, каковые мнения и сами по себе ложны, и между собой вступают в сильнейшие противоречия.

(31) Так же и Ксенофонт грешит почти тем же, хотя и менее многословно. Ибо в своих книгах, где он излагает беседы Сократа, Ксенофонт заставляет Сократа говорить, что не следует доискиваться, каков облик бога, и что и солнце и душа — это бог⁶⁵, и то он говорит об одном боге, то о многих. Это те же самые ошибки, которые мы указали у Платона.

XIII. (32) Да и Антисфен в той книге, которая называется «Физик» (Physicus), утверждая, что народных богов много, но природный (naturalis) только один, уничтожает этим самым силу и природу богов. Почти так же Спевсипп⁶⁶, следуя своему дяде, Платону, говорит, что есть некая одушевленная сила, которая всем управляет. Этим он старается вырвать из душ познание богов. (33) И Аристотель в третьей книге «О философии»⁶⁷ много напутал, не расходясь во мнениях со своим учителем. Ибо он то приписывает всю божественность разуму, то говорит, что сам мир — это бог⁶⁸, то ставит во главе мира кого-то другого⁶⁹ и возлагает на него обязанность неким своим круговращением направлять и сохранять движение мира; то он называет богом небесный огонь⁷⁰, не понимая, что небо это только часть мира, который он в другом месте сам же назначил богом. Но каким же образом небо при такой скорости вращения может сохранить божественное самочувствие (sensus)? И потом, где находятся эти столь многочисленные боги⁷¹, если и небо считать богом? Если же он считает, что бог не имеет тела, то этим он лишает его всякого чувства, как и мудрости. Далее, каким образом бестелесный бог может двигаться⁷² или же каким образом он сам, пребывая в постоянном движении, может быть спокоен и блажен⁷³?

(34) Да и Ксенократ⁷⁴, тоже ученик Платона, не благоразумнее его в этом вопросе. В своих книгах о природе богов⁷⁵ он совсем не описывает божественный облик. Он говорит, что богов восемь: из них пять — те звезды, которые называются блуждающими, и один, который состоит из всех, вместе взятых, остальных звезд, неподвижно прикрепленных к небу, как будто так просто представить себе одно цельное божество, состоящее из рассеянных членов. Он еще добавляет седьмого бога — солнце и восьмого — луну. В каком смысле эти боги могут быть блаженными — понять невозможно. Из той же школы Платона Гераклид Понтийский наполнил свои книги детскими сказками. Он также считает божественными то мир, то разум. Божественностью он наделил также планеты, а у бога отнимает способность чувствовать и приписывает ему изменчивую форму. В той же книге и Гераклид относит к богам небо и землю.

(35) А непостоянство Теофраста⁷⁶ просто невозможно вынести. Он то ставит на первое место по божественности ум (mens), то небо, то небесные созвездия и звезды. Не следует также слушать и его ученика Стратона, прозванного «Физиком»⁷⁷. Этот считает, что вся божественная сила заключается в природе, и в ней же содержатся причины рождения, увеличения, уменьшения всех вещей, но нет в ней совсем ни чувства, ни облика.

XIV. (36) Зенон же (теперь я перейду уже, Бальб, к вашим) считает божественным естественный закон, который обладает силой повелевать справедливое и препятствовать противному. Как он делает этот закон одушевленным существом⁷⁸, мы не можем понять, хотя нам, конечно, желательно, чтобы бог был одушевленным. Но этот же философ в другом месте называет богом эфир⁷⁹, если только можно представить себе бога, который ничего не чувствует и не отвечает нам ни на молитвы, ни на желания, ни на обеты.

А в других книгах он считает, что некий разум (ratio), простирающийся на всю природу, наделен божественной силой⁸⁰. Он же приписывает то же самое звездам, затем годам, месяцам, сменам времен года. А когда берется толковать теогонию Гесиода, т. е. происхождение богов⁸¹, то совершенно уничтожает привычные нам и принятые представления о богах. Ибо он не причисляет к богам ни Юпитера, ни Юнону, ни Весту, ни какое-либо

другое божество, имеющее собственное имя, но учит, что этими именами были наделены в аллегорическом смысле неодушевленные, немые объекты природы.

(37) Не менее крупную ошибку допускает в своем суждении ученик Зенона Аристон⁸², считающий, что невозможно познать, какой вид имеет божество⁸³. Он говорит, что богу не присуще чувство (*sensus*), и сомневается даже, живое ли существо бог. А Клеанф, который вместе с вышеназванным слушал Зенона, то говорит, что сам мир есть бог, то наделяет этим названием ум (*mens*) и душу (*animus*) всей природы, то решает, что истинный бог — это небесный огонь, самый удаленный и выше всего находящийся, со всех сторон окружающий, все обвивающий и все охватывающий, огонь, который называется эфиром. Он же, словно бредящий, в тех книгах, которые написал против чувственного наслаждения, то измышляет некий образ и облик бога, то всей божественностью наделяет звезды, то считает, что нет ничего божественней разума (*ratio*). Получается, что у него нигде совершенно не обнаруживается то божество, которое мы познаем нашим умом, стремись, чтобы понятие о нем совпадало с тем, что, словно отпечаток, заложено в нашей душе⁸⁴.

XV. (38) А Персей, слушатель того же Зенона, говорит, что богами стали признавать людей, которые придумали нечто очень полезное для украшения жизни. И сами полезные и спасительные вещи были также названы именами богов⁸⁵, так что он даже говорит, что эти вещи не только придуманы богами, но и сами являются божественными. Но что может быть бессмысленнее, чем наделить божеским достоинством грязные и безобразные вещи⁸⁶, или уже уничтоженных смертью людей причислить к богам, причем все почитание их будет состоять в проявлении глубокой скорби?

(39) А уж Хрисипп⁸⁷, который считается хитроумнейшим толкователем бреда стоиков, собирает великую толпу неведомых богов⁸⁸, причем настолько неизвестных, что мы не можем даже по догадке их вообразить, хотя наш ум, кажется, может мысленно вообразить что угодно.

Он еще говорит, что божественная сила заложена в разуме (*ratio*), а также в душе (*animus*) и уме всей вселенной (*universa natura*). И сам мир (*mundus*), говорит он, — это бог и вездесущее разлитие его духа. Он уверяет, что бог — это главная сущность мира, которая заключается в уме (*mens*) и разуме (*ratio*), которая все совокупно содержит в себе и все охватывает и проникает. А еще он говорит, что бог — это фатальная сила и необходимость будущих событий. Кроме того, он уверяет, что бог — это огонь и то, что я раньше назвал, — эфир. Затем все то, что по природе своей может течь и распространяться⁸⁹, как, например, вода, и земля, и воздух; что бог — это также солнце, луна, звезды, вселенная, которая содержит в себе все, а еще — люди, достигшие бессмертия⁹⁰. (40) Он же утверждает, что эфир — это то, что люди называют Юпитером, а тот воздух, что распространяется над морями, — это Нептун. А земля — это то, что называется Церерой. Подобным образом он толкует имена и остальных богов. Он еще говорит, что сила постоянного и вечного закона, которая как бы является руководителем жизни и наставником в обязанностях, — это Юпитер, а также называет Юпитером фатальную необходимость (*fatalis necessitas*) и извечную истинность (*sempiterna veritas*)⁹¹ будущих событий. Во всем этом, однако, нет ничего такого, в чем мы могли бы видеть наличие божественной силы. (41) Эти все утверждения можно прочесть в его первой книге о природе богов. Во второй же книге он пытается побасенки Орфея, Мусея⁹², Гесиода и Гомера согласовать с тем, что он сам написал в первой книге о бессмертных богах, согласовать так, что может показаться, будто эти древнейшие поэты, сами того не подозревая, были стоиками. Следуя ему, Диоген Вавилонский⁹³, в книге озаглавленной «О Минерве», относит рождение Юпитером и происхождение богини-девы к области естествознания, отделив это от басен.

XVI. (42) То, что я изложил, — это скорее похоже на бред безумцев, чем на мнения философов, но не на много ведь безрассуднее и то, что распространили голоса поэтов и причинили тем больший вред, чем пленительней их язык. Ибо они вывели богов воспламененных гневом и безумствующих от похоти, заставили нас увидеть их войны, сражения, битвы, раны; кроме того, — их ненависть, раздоры, разногласия, рождения, смерть⁹⁴, ссоры, жалобы, проявления самой необузданной страсти, супружеские измены, заключения в цепи, сожительство со смертными и в результате — рождение смертного потомства от бессмертных.

(43) К заблуждениям поэтов следует присоединить еще вымыслы магов⁹⁵, безумства египтян в этом же роде, затем также представления невежественной толпы, которые вследствие незнания ею истины крайне непостоянны. Тот, кто рассудит, насколько все эти мнения и непродуманны и безрассудны, должен благоговейно преклониться перед Эпикуром и отнести его к числу тех самых [богов]⁹⁶, о которых сегодня идет речь. Так как прежде всего он один только усмотрел, что боги существуют потому, что сама природа в душе каждого человека запечатлела понятие о них. Есть ли такое племя или такой род людей, который бы без всякого обучения не имел некой антиципации о богах (anticipatio)⁹⁷ — того, что Эпикур называет *πρόληψις*, т. е. некоторые предвосхищенные душою представления о вещах, представления, без которых никому невозможно ни понять, ни исследовать, ни рассудить. Силу и пользу этого выдвинутого Эпикуром положения, мы узнаём из известной книги божественного Эпикура «О критерии, или Канон»⁹⁸.

XVII. (44) Итак, вам теперь совершенно ясно, что нами уже заложено твердое основание для дальнейшего обсуждения затронутого вопроса. Ибо если следует считать истинным то мнение, которое основано не на каком-то предписании, или обычае, или законе, а на единодушном и твердом согласии всех, то необходимо признать, что боги существуют именно потому, что знания об этом заложены в нас (*insitae*) или, лучше сказать, являются врожденными (*innatae*). То, в чем все от природы согласны, необходимо должно быть верным. Итак, должно признать, что боги существуют. И так как это почти общее мнение не только философов, но людей неученых, то признаём также и то, что в нас есть, как я ранее сказал, «антиципация» или предварительное знание о богах, «предзнание» (*praenotio*) (новым понятиям ведь приходится давать новые названия, как сам Эпикур назвал *πρόληψις* то, что раньше никто этим словом не называл), и на том же основании мы будем считать, что боги блаженны и бессмертны.

(45) Ибо та же самая природа, которая вложила в нас представление о самих богах, запечатлела также в наших умах, чтобы мы считали их вечными и блаженными. А если это так, то справедливо также известное изречение Эпикура⁹⁹, что то, что вечно и блаженно, ни само не имеет никаких хлопот, ни другому их не доставляет. Так что ему чужды и гнев и милосердие, потому что все подобное есть проявление слабости.

Если бы мы ничего другого не добивались, как только благочестивого почитания богов и избавления от суеверий, то и сказанного было бы достаточно. Ибо совершенная природа богов уже потому должна бы благочестиво почитаться людьми, что она и вечная и блаженнейшая, — ведь все выдающееся по справедливости заслуживает преклонения. И был бы также изгнан весь страх перед силой и гневом богов, так как понятно, что раз существу блаженному и бессмертному не присущи ни гнев, ни милость, то это значит, что со стороны богов не грозит ничего страшного. Но для подтверждения этой мысли, наш ум исследует также, каков облик божества, каковы его образ жизни и умственная деятельность.

XVIII. (46) Что касается внешнего вида богов, то об этом частью природа нас наставляет, частью учит разум. От природы все мы, люди всех стран, представляем себе богов не иначе,

как в человеческом облике. Ибо кто может, во сне или наяву, представить себе бога в каком-нибудь другом виде? Но, чтобы не сводить все к первичным представлениям, покажем, что и разум говорит то же самое. (47) Существо превосходнейшему, от того ли, что оно блаженно или что вечно, подобает также выглядеть красивейшим, но что может быть красивее человека? Расположения его членов, сочетания линий? Что может быть красивее его фигуры, его образа?

Вот ведь вы, Луцилий (я не касаюсь нашего Котты, который говорит то одно, то другое)¹⁰⁰, когда описываете, как искусен в своем творчестве бог, обыкновенно показываете это на примере человека, в фигуре которого все приспособлено не только для пользы, но и для красоты. (48) Итак, если человеческая фигура превосходит по форме все живые существа, а бог — живое одушевленное существо, то, конечно, его облик прекраснее всех. И так как известно, что боги в высшей степени блаженны, а блаженным может быть только тот, кто добродетелен, а добродетель не может быть без разума, а разум может быть только у человека, то должно признать, что боги имеют человеческий образ.

(49) Однако этот образ не есть тело, но как бы тело, и не имеет крови, но как бы кровь.

XIX. (50) Хотя Эпикур это свое остроумнейшее открытие изложил настолько тонко, что не всякий сможет понять его, однако я, полагаясь на вашу проницательность, рассуждаю короче, чем этого требует дело.

Эпикур же, который не только умом увидел сокровенное и скрытое, но как бы рукою его нащупал, учит, что сила и природа богов таковы, что прежде всего они постигаются не чувством, а умом, и не по некой плотности и числу, как те [тельца], которые он, вследствие их твердости, называет *στερέμνια* [твердые], а вследствие восприятия подобных [им] и переходящих от них образов. А так как бесконечный вид совершенно подобных образов возникает из бесчисленных атомов и притекает к нам, то наш ум с величайшим наслаждением устремляется к ним и, погружаясь в них, постигает, что существует природа и блаженная, и вечная.

Для решения этого вопроса очень важно понять значение бесконечности, что в высшей степени заслуживает полного и внимательного рассмотрения. Необходимо понять, что природа ее заключается в том, что всему подобному соответствует подобное. Эпикур это назвал *ἰσωνομία*, т. е. «равномерным распределением»¹⁰¹. И из этого следует, что если столь велико количество смертных, то и бессмертных должно быть не меньше; и если бесчисленны силы разрушающие, то бесчисленны также и силы сохраняющие.

Вы, Бальб, имеете обыкновение спрашивать у нас, какова жизнь богов, как они проводят время. Очевидно жизнь их такова, что невозможно придумать ничего блаженнее, ничего более изобилующего всякими благами. (51) Ибо бог ничего не делает, не обременен никакими занятиями, не берет на себя никаких дел. Он наслаждается своей мудростью и своей добродетелью и знает наверное, что эти величайшие и вечные наслаждения он всегда будет испытывать.

XX. (52) Такого бога по справедливости можно назвать счастливейшим, вашего же — сущим мучеником. Ибо если бог — это сам мир, который с поразительной скоростью вращается вокруг небесной оси, не останавливаясь ни на мгновение, то можно ли представить себе более беспокойную жизнь? Ведь невозможно быть блаженным, не имея покоя. А если в самом мире заключен некий бог, который правит, руководит, соблюдает порядок в передвижении звезд, в смене времен года, заботится о регулярности перемен в природе, печется о землях и морях, о жизни и жизненных благах людей, то поистине этот бог запутался в весьма неприятных и тягостных хлопотах.

(53) Мы же полагаем, что счастливая жизнь — это, когда на душе покой и нет никаких обязанностей¹⁰². И тот, кто научил нас всему, что мы знаем, преподавал нам также, что мир создан природою¹⁰³. Для нее это не составило никакого труда. Для природы сотворение мира, которое, как вы считаете, не могло состояться без божественного мастерства, — это было настолько легкое дело, что она будет создавать, создает и создала бесчисленные миры. Но вы, так как не видите, каким образом природа без некоего разума может это сотворить, прибегаете к богу по примеру поэтов, авторов трагедий, которые поступают таким образом, когда не знают, как довести действие до развязки.

(54) Конечно, вы бы не прибегали к содействию бога, если бы представили себе всю безмерность, беспредельность, огромную во все стороны протяженность пространства, в которое дух устремляется и проникает и странствует по нему, пересекая его вдоль и поперек, и, однако, не видит никакого края, берега, к которому он мог бы пристать. И вот в этой безмерности ширины, длины, высоты носится бесконечная сила (vis) бесчисленных атомов, которые, хотя между ними пустота, все же сцепляются и, хватаясь один за другого, сплываются. От этого и образуются те тела различных форм и видов, которые, по вашему мнению, никак не могли быть созданы без кузнечных мехов и наковальни. Так вы посадили на нашу шею вечного господина, которого мы должны бояться днем и ночью. Ибо кто же не будет бояться бога, который все провидит, обдумывает, замечает, который считает, что ему до всего есть дело, который во все вмешивается, весь в хлопотах?

(55) Отсюда у вас появилась, во-первых, та фатальная необходимость, которую вы называете εἰμαρμένη, так что, что бы ни случилось, вы говорите, что это происходило от извечной истинности и вызвано неразрывной последовательностью причин. Но чего же стоит эта философия, которой, точно старухе, да и то необразованной, кажется будто все происходит от судьбы. Отсюда же и ваша μαυτική (искусство прорицания), что по-латыни называется «дивинация» (divinatio)¹⁰⁴, и от которой, если бы мы захотели к вам прислушиваться, то заразились бы таким суеверием, что должны бы были почитать [за святых] и гаруспиков, и авгуров¹⁰⁵, и прорицателей, и толкователей снов.

(56) Избавленные Эпикуром от этих страхов и получившие через него свободу, мы не боимся тех, которые, как мы понимаем, ни себе не причиняют никаких неприятностей, ни другому их не доставляют. Мы благочестиво и благоговейно поклоняемся богам из-за превосходной и совершенной их природы.

Однако же опасаясь, как бы мне, увлекшись, не затянуть слишком мою речь. Трудно было рассмотрение столь большого и столь важного вопроса оставить незаконченным. И все же разумнее было бы с моей стороны не столько говорить, сколько слушать.

XXI. (57) Тогда Котта¹⁰⁶, с обычной для него учтивостью, сказал: «Но если бы ты, Веллей, ничего не сказал, то и от меня, конечно, ты тоже не смог бы ничего услышать. Потому что обычно мне не так легко приходят в голову доводы в защиту истинного, как в опровержение ложного. Это со мной часто бывало и ранее и сейчас вот, когда я только что слушал тебя. Спроси меня, какова, по-моему, природа богов, и я тебе, вероятно, ничего не отвечу; спроси: считаю ли я природу богов такой, какой ты ее изобразил, и я скажу: по-моему — ничего подобного. Но прежде чем подойти к рассмотрению того, что тобой было высказано, скажу, что я думаю о тебе самом.

(58) Я часто слышал, как известный твой друг¹⁰⁷, несколько не сомневаясь, ставил тебя выше всех римских эпикурейцев¹⁰⁸ и лишь немногих греческих ставил наравне с тобой. Но так как я знал о его поразительной привязанности к тебе, то считал, что он из расположения к тебе преувеличивает. Я же, хотя и не склонен хвалить человека в его присутствии, однако, считаю,

что ты очень ясно высказался по этому темному и трудному вопросу, и твое изложение было не только богато мыслями, но и красноречивее, чем обычно бывает у ваших¹⁰⁹. (59) Когда я был в Афинах, я часто слушал Зенона, которого наш Филон¹¹⁰ обычно называл корифеем эпикурейцев, и притом слушал я его по совету самого Филона. Я уверен, что посоветовал мне это Филон с той целью, чтобы я, послушав, как рассуждает глава эпикурейцев, легче смог судить, как хорошо их можно опровергнуть. Ибо он не так, как большинство из [них], но таким же образом, как ты, говорил отчетливо, веско, красноречиво. Но как часто бывало, слушая его, так вот и тебя теперь, мне было обидно сознавать, что такой великий ум пришел к столь, с позволения сказать, поверхностным, уж не скажу, столь нелепым мнениям.

(60) Впрочем, и сам я сейчас не предложу ничего лучшего. Как я уже сказал, почти по всем вопросам, а особенно физическим¹¹¹ (physicis), я, скорее, мог бы сказать, чего нет, чем что есть.

XXII. Если спросишь меня, что такое бог или каков он, то я сошлюсь на Симонида¹¹², который, когда его об этом же спросил тиран Гиерон, потребовал себе один день на размышление. Когда Гиерон повторил свой вопрос на следующий день, Симонид попросил уже два дня срока. Когда же он каждый раз стал удваивать число дней, удивленный Гиерон спросил, почему он так делает? Потому, ответил тот, что чем дольше я размышляю, тем этот вопрос кажется мне более темным. Я же думаю, что Симонид, бывший не только приятным поэтом, но и в других вопросах, как передают, человеком ученым и мудрым, так как ему пришлось в голову много глубоких и тонких мыслей, стал сомневаться, какая из них самая истинная и, наконец, совсем отчаялся найти ее.

(61) А Эпикур твой (ибо я предпочитаю лучше спорить с ним, чем с тобой) что сказал такого, что было бы достойно не то что философии, но даже посредственной рассудительности?

В этом вопросе, о природе богов, прежде всего спрашивается, есть боги или их нет. Трудно отрицать? Верно, — если бы вопрос был задан в народном собрании (contio), но в такой беседе и таком собрании, как наши¹¹³, — легче всего. Так вот, я, сам понтифик¹¹⁴, считающий, что необходимо в высшей степени свято соблюдать общественные религиозные обряды, я просто хотел бы, чтобы меня в существовании богов (что является главным в этом вопросе) убедило бы не только [принятое на веру] мнение, но также и сама истина. Много ведь встречается такого, что смущает нас так, что порой начинает казаться, будто вовсе нет никаких богов. (62) Однако заметь, как по-дружески я поступлю с тобой, я не буду затрагивать того, что является у вас общим с другими философами, как, например, положения, с которыми согласны почти все, и я сам в первую очередь, что боги существуют. На это я не буду нападать. Однако то доказательство, которое ты приводишь, я считаю недостаточно убедительным.

XXIII. По твоим словам достаточно веским основанием для того, чтобы мы признали, что боги существуют, является то обстоятельство, что так это представляется всем человеческим племенам и народам. А этот довод не только сам по себе легковесен, но также и ложен. Ибо, во-первых, откуда тебе известны мнения народов? Я, по крайней мере, убежден, что есть много племен настолько диких, что они даже не подозревают о существовании богов. (63) А Диагор? Диагор, прозванный ἄθεος («Безбожник»), а затем Феодор — разве не отвергали открыто богов? И Протагор из Абдеры¹¹⁵, о котором и ты только что упоминал, в свое время величайший из софистов? Ведь за то, что в начале своей книги он поместил такие слова: «О богах — есть они или их нет — не имею ничего сказать», он по постановлению афинян был изгнан не только из города, но и из страны, а книги его были публично сожжены. Я так думаю, что это заставило многих более осторожно высказывать такие мнения, поскольку даже

сомнение не смогло избежать кары. А что сказать о святотатцах, нечестивцах, клятвопреступниках? Как говорит Луцилий¹¹⁶:

Если бы когда-либо Луций Тубул
Если бы Луп или Карбон — чудовище¹¹⁷ —

считали, что есть боги, разве были бы они столь клятвопреступными или столь порочными? (64) Так что это доказательство не столь надежно, как вам кажется, для подтверждения того, что вам хочется. Но так как этот аргумент является общим у вас с другими философами¹¹⁸, то я пока обойду его. Предпочитаю перейти к вашим собственным доводам.

(65) Итак, я согласен с вами, что есть боги. Научи же меня, откуда они взялись? Где они? Каковы у них тело, душа, жизнь? Вот что я хотел бы знать. Ты для всего используешь своеволие атомов¹¹⁹, отсюда ты все, что на ум взбредет, строишь и лепишь. Но, во-первых, атомы не существуют. Ибо то, что не имеет тела, ничто¹²⁰. И всякое место занято телами. Значит, нет совсем пустоты и не может быть никакого атома.

XXIV. (66) Это я теперь привожу «оракулы» физиков (*oracula physicorum*), не знаю, верны они или ложны, но они все же более похожи на правду, чем ваши. Эти постыднейшие учения Демокрита, или еще ранее — Левкиппа¹²¹, будто существуют некие легкие тельца, одни — шероховатые, другие — круглые, часть — угловатые и крючковатые, как бы загнутые внутрь, и будто из этих-то телец образовались небо и земля, без воздействия какой-либо природы (*nulla cogente natura*)¹²², но вследствие случайного стечения телец. Это мнение ты, Веллей, довел до нашего времени, и скорее, пожалуй, тебя мог бы кто-нибудь лишить жизни, чем отклонить от этого убеждения. Ты ведь решил стать эпикурейцем еще раньше, чем усвоил эти взгляды. Таким образом, для тебя стало необходимостью либо принять умом своим это постыдное учение, или отказаться от принятого звания эпикурейца. (67) Сколько бы ты взял за то, чтобы перестать быть эпикурейцем? Конечно, ты ответишь, ни за что я не оставлю этого учения о счастливой жизни и об истине. Стало быть — это истина? Насчет счастливой жизни я с тобой воевать не буду, так как по-твоему и бог ее не имеет, если только он не томится в полном бездельи. Но где истина? Верно, в бесчисленных мирах, из которых каждое мгновение одни рождаются, другие гибнут? Или в неделимых тельцах, образующих без участия какой-либо организующей природы (*nulla moderante natura*), какого-либо разума (*nulla ratione*) столь прекрасные произведения? Но, забыв о дружелюбии, которое я сначала проявил к тебе, я перехватил через край. Итак, я соглашусь с тобой, что все состоит из атомов. Но какое нам до этого дело? Ведь мы занимаемся вопросом о природе богов! (68) Пусть и они тоже из атомов. Стало быть, они не вечны? Ибо то, что из атомов, когда-то возникло. А если боги возникли, то до того, как они возникли, никаких богов не было. И если у богов есть рождение, то необходимо должна быть и смерть, как и ты немного ранее рассуждал о платоновском мире. Но в таком случае какой смысл в этих двух словах «блаженный» и «вечный», которыми вы характеризуете бога?¹²³ Желая доказать свое, вы запутываетесь, словно заяц, ищущий спасения, в колючем кустарнике. Так ты и говорил, что у бога не тело, а как бы тело, не кровь, а как бы кровь.

XXV. (69) Очень часто вы поступаете так, что когда утверждаете что-нибудь неправдоподобное и хотите избежать опровержения, то ссылаетесь на нечто такое, что уже совсем невозможно, хотя в этом случае лучше было бы уступить в споре, чем столь бесстыдно настаивать на своем. Вот так и Эпикур. Он усмотрел, что если атомы, увлекаемые своей тяжестью, несутся все только в одном направлении вниз, то в нашей власти ничего не остается, поскольку движение атомов определено и необходимо (*motus certus et necessarius*)¹²⁴. И Эпикур изобрел способ, каким образом избежать этой необходимости, способ, который, очевидно, ускользнул от внимания Демокрита. Эпикур говорит, что атом,

который вследствие своего веса и тяжести несется прямо вниз, чуть-чуть при этом отклоняется в сторону. (70) Говорить так еще более постыдно, чем не быть в состоянии защитить то, что он хочет. Также он выступает против диалектиков¹²⁵. Они ведь учили, что во всех дизъюнкциях (disjunctiones), в которых заложено или «да», или «нет», истинным может быть только одно из двух¹²⁶. Эпикур же очень испугался, что если он сделает в этом уступку, то и в высказывании типа «Или будет жив завтра Эпикур, или не будет жив» он признает необходимость только одного решения, и он совсем отверг¹²⁷ необходимость положения «или да, или нет». Что может быть глупее этого? Аркесилай, нападая на Зенона, сам утверждал, что все показания чувств ложны. Зенон же считал, что ложны лишь некоторые, но не все¹²⁸. А Эпикур испугался, что если допустить обманчивость некоторых чувственных восприятий, то придется признать, что верных вовсе нет, и объявил, что все чувства являются верными вестниками. Во всем этом нет ни капли ума, он подставляет себя под более тяжелый удар, чтобы отразить более легкий. (71) Так он поступил и с природой богов. Избегая признания, что раз его боги сложены из атомов, то они должны подвергаться и гибели и разложению, он утверждает, что боги имеют не тело, но как бы тело, не кровь, но как бы кровь. XXVI. Кажется удивительным, что один гаруспик может без смеха глядеть на другого¹²⁹. Еще удивительнее, что вы можете удержаться от смеха, глядя друг на друга. «Не тело, а как бы тело!» Я бы понял, как это, если бы речь шла о фигурах, вылепленных из воска, или глиняных, но что такое «как бы тело» и что такое «как бы кровь» у бога, — понять не могу; да и ты, Веллей, также, только не хочешь признаться.

(72) Ведь вы твердите, точно заученный урок, то, что Эпикур, зевая, набредил, а сам он, между прочим, хвалится, как мы видим из его писем, что он-то не имел никакого учителя¹³⁰. Да если бы он и не предупредил, я мог бы легко в это поверить, словно владельцу плохо построенного здания, который хвалится, что он обошелся без зодчего. Не пахнет от Эпикура ни Академией, ни Ликеем, не чувствуется в нем даже школьного образования. А ведь он мог слушать Ксенократа, какого великого мужа, боги бессмертные! И есть такие, которые считают, что он его слушал, но сам-то он это отрицает, и я ему больше верю. Он говорит, что на Самосе слушал какого-то Памфила, ученика Платона¹³¹, ибо Эпикур там жил в молодости с отцом и братьями. Отец его, Неокл, прибыл на этот остров колонистом¹³², но так как клочок земли не мог его достаточно прокормить, как я думаю, то он стал учителем в начальной школе. (73) Но к этому платонику Памфилу Эпикур проявляет просто поразительное пренебрежение: так он боится, чтобы не показалось, будто он когда-то чему-то учился. Он придерживается Навсифана, последователя Демокрита, но хотя не отрицает, что слушал его, осыпает его всякими ругательствами¹³³. А если он не слушал этого учения Демокрита, то что он вообще слушал? Что в учении Эпикура о природе не от Демокрита? Даже если он кое-что изменил, как то, что я сказал немного ранее об отклонении атомов? По большей части он говорит то же самое: атомы, пустота, образы, бесконечность пространства, бесчисленность миров, их рождение, гибель — словом, почти все, что относится к порядку природы (naturae ratio continetur). А теперь все-таки, что ты понимаешь под «как бы тело и как бы кровь»? (74) Признаю, и притом ничуть не завидуя, что ты в этом понимаешь лучше, чем я, но все же я хотел бы знать, что же это такое, что Веллей понять может, а Котта — не может? Итак, что такое «тело» и что такое «кровь», я понимаю, но, что такое «как бы тело» и «как бы кровь», совершенно и никоим образом не понимаю. Причем ты ведь ничего и не таишь от меня, как это обычно делал Пифагор с посторонними, и не говоришь намеренно темно, как Гераклит¹³⁴, ты, между нами говоря, просто сам этого не понимаешь.

XXVII. (75) Ты, как я вижу, отстаиваешь то мнение, что боги имеют некий образ, в котором нет никакой телесности, никакой плотности, ничего осязаемого, ничего осязаемого, — чистый, легкий, прозрачный образ. О нем, стало быть, можно сказать, как о Венере Косской¹³⁵: это не тело, но подобие тела, и эта краснота, разлитая по телу и смешанная с блестящей белизмой, — не кровь, а некое подобие крови. Так и в эпикурейском боге, все —

невещественное, а подобие вещественного. Но пусть я убедился в том, что невозможно даже понять. Скажи же мне, каковы у этих призрачных богов очертания и формы?

(76) Тут уж вы не испытываете недостатка в доказательствах, с помощью которых вы хотите убедить в том, что боги имеют человеческие формы. Во-первых, потому, что такое уж сложилось в наших умах предвосхищенное представление, что человек, когда размышляет о боге, то представляется ему именно человеческая форма. Далее, поскольку божественная природа превосходит все прочее, то ей должна быть присуща также и форма прекраснейшая. А красивее человеческой не может быть. В качестве третьего доказательства вы приводите то, что никакой другой формы тело не может служить жилищем разума. (77) Итак, начнем с рассмотрения каждого из этих доказательств. Ибо, как мне кажется, вы хватаетесь, как бы имея на то право, за положения никоим образом не приемлемые. Вообще был ли когда-нибудь такой слепец, который бы не видел, что человеческие черты были перенесены на богов или по некоему замыслу мудрецов¹³⁶, для того чтобы легче обратить души простого народа от порочной жизни к почитанию богов; или из-за суеверия, чтобы иметь изображения богов, поклоняясь которым, люди верили бы, что обращаются к самим богам. А поэты, живописцы, скульпторы добавили еще больше к этому. Ведь нелегко было богов как-то действующих, чем-то управляющих представлять в других формах. А может быть имело значение и то соображение, что человеку кажется будто нет ничего красивее человека. Но ты, физик, разве не видишь, какой лъстивой сводней, как бы саму себя предлагающей, является природа? Думаешь ли ты, что есть на земле или в море такое живое существо, которое не восхищалось бы более всего живым существом своего же вида? Если бы это было не так, то почему бы быку не стремиться к совокуплению с кобылой, жеребцу — с коровой? Или ты считаешь, что орел, или лев, или дельфин предпочитают какой-либо другой облик своему? Так, что удивительного в том, что природа подобным же образом предписала и человеку считать, что нет ничего красивее человека, и что по этой-то причине мы и считаем богов похожими на людей.

XXVIII. (78) Как ты считаешь, если бы у животных был разум, не наделяло бы разве каждое из них высшими качествами свой вид? А я, клянусь Геркулесом! (говорю, как думаю) хотя и люблю себя самого, однако не осмелюсь сказать, что я красивее, чем был тот бык, который унес Европу¹³⁷. Здесь ведь речь идет не о наших талантах и не о нашем красноречии, а о внешнем облике. А если бы мы захотели придумать и присоединить себе формы тела, ты, наверное, не захотел бы стать таким, каким рисуют известного морского обитателя Тритона¹³⁸, которого везут по морю плывущие животные, присоединенные к его человеческому телу. Я касаюсь теперь трудного вопроса. Такова сила природы, что человек хочет быть похожим только на человека, а муравей только на муравья¹³⁹. (79) Но на какого человека? Много ли среди людей красивых! Когда я был в Афинах, то в группах эфебов¹⁴⁰ красивых были единицы. Я понимаю, чему ты смеешься¹⁴¹, но дело обстоит именно так. Кроме того, нам, которые в согласии с древними философами, восхищаются юношами, часто даже недостатки их милы. Алкей восхищался родимым пятном на руке мальчика, а ведь родимое пятно — это телесный недостаток. Ему, однако, оно казалось украшением. Кв. Катул, отец нашего коллеги и приятеля, был влюблен в твоего земляка Росция¹⁴², и это о нем были им даже написаны следующие строки¹⁴³:

Как-то однажды стоял я, явленье Авроры встречая¹⁴⁴
Росций является вдруг, с левой пришел стороны.
О, небожители — вам не в обиду будь сказано это —
Смертного юноши вид бога прекраснее был.

Ему он показался прекраснее бога! А ведь у Росция, как и теперь еще, сильно косили глаза! Но что за беда, если Катуту именно это показалось пикантным и прелестным. Однако возвращаюсь к богам.

XXIX. (80) Будем ли мы считать, что некоторые из них, если не столь косолазы, то все же слегка косят? Что некоторые имеют [на теле] родимые пятна? Что, есть среди богов, как среди нас, людей, курносые, вислоухие, широколобые, большеголовые? Или у них все в наилучшем виде? Согласимся в этом с вами. Так что же, они все на одно лицо? Потому что в противном случае неизбежно одно божество окажется более красивым, чем другое. Стало быть, какой-то бог будет не наикрасивейшим. А если они все на одно лицо, то необходимо должна процветать в небе Академия¹⁴⁵. Ибо если бог от бога ничем не отличается, то нет у богов никакого познания, никакого восприятия. Но если это совершенно неверно, почему же боги представляются нашему уму не иначе, как в человеческом образе? (81) Неужели ты, Веллей, все же будешь защищать подобную нелепицу? Нам-то, пожалуй, они действительно так представляются, как ты говоришь, потому что с малых лет¹⁴⁶ мы знаем Юпитера, Юнону, Минерву, Нептуна, Вулкана, Аполлона и других богов с тем обликом, который соизволили им придать живописцы и ваятели, и не только обликом, но и украшениями¹⁴⁷, возрастом, одеждой. Но ведь не так представляют себе богов египтяне, сирийцы, почти все варварские народы¹⁴⁸. У них ты обнаружишь более высокие мнения о некоторых животных, чем у нас о высочайше чтимых храмах и изображениях богов. (82) Мы ведь знаем, сколь многие храмы ограблены были нашими соотечественниками, которые и изображения богов поносили из самых почитаемых святилищ. А вот, чтобы египтянин причинил вред крокодилу или ибису, или кошке, — это неслыханное дело¹⁴⁹. А как ты считаешь, разве в знаменитом Аписе, священном быке египтян¹⁵⁰, не видели египтяне бога? Так же точно, клянусь Геркулесом, как ты никогда, даже во сне, не видишь вашу Юнону-спасительницу иначе как с козьей шкурой, с копьем, с маленьким щитом и в башмаках с загнутыми носками¹⁵¹. Но совсем не так выглядит Юнона Аргивская¹⁵² или Юнона Римская. Выходит, что по-иному представляют себе образ Юноны аргивяне, по-иному — ланувийцы¹⁵³, по-иному — наши римляне. Так же как образ Юпитера Капитолийского мы представляем себе по-иному, чем африканцы — Юпитера Аммона¹⁵⁴.

XXX. (83) И не стыдно ли тебе, физику, т. е. наблюдающему и исследующему природу, искать свидетельства истины в душах, пропитанных предрассудками? Таким ведь образом можно будет утверждать, что Юпитер всегда бородатый, Аполлон всегда безбородый, что у Минервы глаза серые, а у Нептуна — голубые. Мы хвалим в Афинах изваянного Алкаменом¹⁵⁵ Вулкана. Он стоит легко одетый и приметна не обезображивающая его хромота. Стало быть, у нас будет также хромым бог, потому что мы восприняли такое представление о Вулкане?

А должны ли мы также считать, что боги носят те самые имена, которыми мы их называли? (84) Но, во-первых, сколько у людей языков, столько же имен у богов. Вот ты, Веллей, куда бы ни прибыл, везде Веллей. Но Вулкана называют по-разному: в Африке по-иному, чем в Италии, еще по-иному в Испании. Кроме того, ведь число имен невелико, даже в книгах наших понтификов, богов же неисчислимо множество. Что же, они обходятся без имен? Право, вам остается только сказать: «Да к чему им много имен, когда все они на одно лицо!» Но насколько красивее было бы с твоей стороны, Веллей, скорее сознаться в незнании того, что ты действительно не знаешь, чем, наболтав вздора до тошноты, стать самому себе противным.

Считаешь ли ты, что бог похож на меня или на тебя? Конечно, не считаешь. Так может быть мне признать богом солнце? Или луну? Или небо? И, стало быть, признать, что они блаженны? От каких же наслаждений они испытывают блаженство? Признать, что они мудры? Но какая может быть мудрость в такого рода обрубке?¹⁵⁶ Вот каковы ваши утверждения.

(85) Но если боги ни человеческого облика не имеют, что я доказал, ни какого-либо другого, в чем ты сам убежден, то отчего ты не решаешься отрицать существование богов. Не смеешь. И мудро поступаешь, хотя здесь тебя удерживает страх не перед народом, а перед самими богами. Я знаю эпикурейцев, которые поклоняются¹⁵⁷ любой статуэтке, хотя знаю также таких, которым кажется, что Эпикур только на словах сохранил богов, чтобы не подвергнуться нападкам со стороны афинян, а на деле он богов уничтожил.

Итак, в этих его избранных кратких изречениях, которые вы называете *kuríai dóξai*¹⁵⁸ [«главные мысли»], первое из них, по-моему, гласит: «Блаженное и бессмертное и само хлопот не имеет и никому другому их не причиняет».

XXXI. Об этом так изложенном изречении некоторые думают, что Эпикур так выразился намеренно, а он это сделал по неумению ясно излагать свои мысли. Напрасно думают они плохо о человеке, менее всего способном на хитрость¹⁵⁹. (86) Сомнительно, то ли он говорит «есть нечто блаженное и бессмертное», то ли, что «если есть нечто такое». Не обращают внимания на то, что здесь-то он говорит двусмысленно, но во многих других местах и он и Метродор¹⁶⁰ [высказались] так же ясно, как немного ранее ты. Он действительно считает, что есть боги¹⁶¹, и я не знаю никого другого, кто бы больше боялся того, чего, как он утверждает, вовсе не следует бояться: я имею в виду смерти и богов. Он провозглашает, что страх перед ними владеет умами всех людей, между тем как среднего человека это вовсе так сильно не волнует. Сколько тысяч людей разбойничают, хотя за это полагается смертная казнь. Другие грабят все храмы, какие только могут; не очень-то страшит одних страх перед смертью, а других перед богами.

(87) Но если ты, Эпикур (я обращаюсь сейчас уже к самому Эпикуру), если ты не смеешь отрицать бытие богов, то что препятствует тебе причислить к богам или солнце, или мир, или некий вечный разум? «Я никогда, — говорит он, — не видел душу, причастную уму и рассудку, ни в каком ином облике, кроме как в человеческом». Как? А что-нибудь подобное солнцу или луне, или пяти планетам ты видел? Солнце, ограничивая свое движение двумя крайними пунктами одного пояса, совершает свои годовые пути. Освещаемая лучами того же солнца луна совершает этот же обход в месячный промежуток времени. И пять планет, придерживаясь того же круга, одни поближе к земле, другие подальше от тех же самых пунктов, проходят те же пути в разные промежутки времени. Видел ли ты, Эпикур, что-нибудь подобное этому? Если существует только то, что мы можем пощупать или что мы видим, то не существуют ни солнце, ни луна, ни звезды.

(88) А бога самого ты видел? Нет? Так почему ты веришь, что он есть? Давай же будем считать не бывшим все, о чем нам или сообщает история, или открывает нового разум.

Бывает, что люди, обитающие в местах далеких от морей, не верят, что есть море. Какая узость ума! Это как если бы ты, родившись на маленьком островке Серифе¹⁶² и никогда не выезжая с острова, на котором видел только зайчиков и лисичек, не поверил бы, что существуют львы и пантеры, когда бы тебе описали, какие они есть, а если бы тебе кто-нибудь еще рассказал о слоне, то ты бы даже посчитал, что над тобой смеются.

(89) Но ты, Веллей, все же рассуждал еще не так, как ваши, а по методу диалектиков, которого даже основы ваша школа не знает, ты доказывал свои мнения путем умозаключения. Ты начал с утверждения, что боги блаженны. Согласен. Что никто не может быть, блаженным без добродетели. И с этим также соглашаюсь, и даже охотно.

XXXII. Добродетель же невозможна без разума. С этим также следует согласиться. А разум, добавляешь ты, может быть только в существе человеческой наружности. Кто, по-

твоему, с этим согласится? Ибо, если это так, то какая тебе была нужда переходить к этому постепенно? Ты имел бы право сразу принять за основу это положение. Что это за постепенность? Ибо как ты по ступенькам идешь от блаженства к добродетели, от добродетели к разуму — я вижу; а вот каким образом ты приходишь от разума к человеческой фигуре? Это уже не спуск, а падение.

(90) Я же не понимаю, почему Эпикур предпочел утверждать, что боги похожи на людей, а не люди на богов. Спросишь, какая разница? Ведь если это похоже на то, стало быть, то похоже на это. Верно. Но на это я отвечу; не от наружности людей перешла фигура к богам, ибо боги всегда были, ведь они никогда не родились, если только они вечны, а люди рождены. Стало быть, форма человеческая — а это была форма бессмертных богов — была раньше, чем люди. Следовательно, должно сказать, что не боги имеют человеческий облик, а люди — божественный. Впрочем, и это — как хотите. Но вот что я вас спрашиваю: вы, утверждающие, что в делах природы разум никакой роли не играет, скажите, что это была за счастливая случайность? (91) Как произошло это счастливое стечение атомов, в результате которого вдруг родились люди божественного облика? Должны ли мы считать, что с неба на землю упало семя богов, и таким образом появились люди похожие на своих отцов? Хотел бы я, чтобы вы так ответили, охотно узнал бы о своем родстве с богами. Но вы ничего подобного не говорите, вы утверждаете, что наше сходство с богами — дело случая. Неужели еще следует искать доказательств для опровержения этого? О если бы я мог так же легко найти истину, как обнаружить ложное!

XXXIII. Ты изложил мнения о природе богов философов, начиная с Фалеса Милетского, проявив при этом и память и красноречие, так, что меня даже приятно удивило встретить в римлянине такую эрудицию. (92) И тебе показалось, что бредят все те, которые решили, что бог может обходиться без рук, без ног? Но если вы рассудите, в чем польза и удобство для человека от этих членов, то не приведет ли это вас к заключению, что боги-то в человеческих органах и не нуждаются? Ибо какая нужда в ногах тому, кто не ходит? Какая — в руках, если ничего не нужно хватать? К чему перечислять все остальные части тела, в котором нет ничего напрасного, ничего беспричинного, ничего излишнего? Ведь никакое искусство не может превзойти изобретательности природы. Так что же, бог будет иметь язык и не говорить, зубы, горло, нёбо — без всякого употребления? Бог будет иметь те члены, которые природа придумала нашему телу ради произведения потомства, и тоже напрасно. И это относится не только к внешним органам, но не в меньшей степени и к внутренним: сердцу, легким, печени и прочим; если в них нет пользы, то что в них красивого? А ведь вы хотите, чтобы у бога все это было из-за красоты. (93) Веря в этот бред, не только Эпикур, и Метродор, и Гермарх¹⁶³ выступали против Пифагора, Платона и Эмпедокла, но даже гетера Леонтия¹⁶⁴ (Leontium) осмелилась писать против Теофраста, правда, остроумным языком и в аттическом стиле, но однако... Вот такая распушенность расцвела в эпикуровом саду!¹⁶⁵ Вы привыкли горячиться. Зенон даже бранился. А что сказать об Альбуции?¹⁶⁶ А Федр?¹⁶⁷ Не было утонченнее, не было вежливее его, а как старик сердился, когда я, бывало, скажу что порезче. Но Эпикур оскорбительнейшим образом поносил Аристотеля, позорнейше злословил Федона, ученика Сократа, а Тимократа, брата своего приятеля Метродора, после того как разошелся с ним по незначительному философскому вопросу, избивал в стольких книгах! Он проявил неблагодарность даже к самому Демокриту, последователем которого он был, и уж так плохо отнесся к своему учителю, Навсифану, у которого, правда, ничему не научился¹⁶⁸.

XXXIV. А Зенон не только своих современников, Аполлодора, Сила¹⁶⁹ и других осыпал бранью, но и про самого Сократа, отца философии, говорил, что он был, употребляя латинское слово, аттическим «шутком» (scurra)¹⁷⁰. Хрисиппа же он никогда не называл иначе как «Хрисиппой»¹⁷¹. (94) Ты сам немного ранее, когда словно зачитывал список сената философов, говорил, что эти великие люди безумствуют, бредят, сошли с ума. Но если никто

не знает истинного о природе богов, то следует бояться, что их вовсе нет, так как то, что вы говорите, это сплошные выдумки, едва достойные забавлять старух, когда они не спят по ночам. Вы даже не чувствуете, как много берете на себя, когда добиваетесь, чтобы мы признали, что у людей и богов одна и та же фигура. Богу в таком случае придется ухаживать за своим телом и заботиться о нем так же, как это приходится делать человеку. Придется ходить, бегать, наклоняться, сидеть, хватать, наконец вы приписываете им язык и дар речи. (95) А вы еще говорите, что есть боги-мужчины и боги-женщины, что из этого следует, сами понимаете. Право же я не перестаю удивляться, откуда ваш глава набрался этих мнений!

Но вы не перестаете твердить и особенно настаивать на том, что бог блажен и бессмертен. А что, собственно, препятствует ему быть блаженным, если он не двуногий? А почему это «блаженство» (“beatitas” или “beatitudo” следует говорить? — хотя оба слова грубые, но употреблением мы должны смягчить их) не может быть присуще или солнцу, или вселенной, или какому-то вечному разуму, лишенному всякой фигуры и членов тела? (96) Ты, не правда ли, на это ничего не сможешь ответить, кроме: «Никогда не видел счастливого солнца или счастливой вселенной». А какой мир, помимо этого, ты когда-нибудь видел? Никакого, скажешь. Как же ты осмеливаешься говорить, что миров не шестьсот тысяч, а бесчисленное множество? Скажешь: «Разум научил»¹⁷². А этому тебя разум не научит, что когда вопрос ставится о превосходнейшей природе, притом и блаженной и вечной, каковой является только природа богов, то так же, как она превосходит нас своим бессмертием, она должна превосходить нас и в отношении души, а если души, то также и тела? Почему, если мы в других отношениях ниже [богов], то по внешности мы им равны? Ибо ближе подходит к сходству с богами добродетель человеческая, а не внешность.

XXXV. (97) Остановимся на этом вопросе подольше. Если бы кто-нибудь стал утверждать, например, что те виды животных, которые водятся в Красном море или в Индии, на самом деле не существуют, то мы бы, конечно, расценили это как детскую наивность. Но ведь даже самые любознательные люди по расспросам не смогут узнать, сколь великое множество существ обитает на земле, в море, в болотах, реках. Что же, станем ли мы отрицать их существование потому, что никогда их не видели? А это сходство, которому вы придаете такое значение, что, собственно, из него следует? Разве собака не похожа на волка? Или как писал Энний¹⁷³;

Вот обезьяна, ведь как, противная тварь, с нами схожа!

Но нравы-то разные! Среди животных нет разумнее слона, а фигура у него самая грубая. (98) Это я говорю о животных. А среди самих людей? Разве не бывает при полнейшем наружном сходстве совсем не одинаковые нравы, при одинаковых нравах — несходная наружность? Если, Веллей, принять такую систему доказательства, то заметь, куда она приведет. Ты сказал, что ни в какой другой фигуре, кроме как в человеческой, разум не может заключаться. А другой скажет — только в существе, которое живет на суше, только в таком, которое родилось; только в таком, которое растет; только в таком, которое получило образование; только в таком, которое состоит из души и тела, тленного и слабого; наконец, только в человеке, и притом смертном. Вы возражаете против всех этих утверждений, [кроме первого], но почему тебя так волнует одна форма? В человеке ты наблюдал наличие рассудка и ума в сочетании со всем тем, что я сказал. Ты все то убираешь, так что остается только контур, а говоришь, однако: «Я знаю бога!». Это значит не рассуждать, а говорить наобум. (99) Как будто тебе не довелось обратить внимание на то, что не только в человеке, но даже в дереве, все, что излишне или без употребления, то является помехой. Как тягостно, например, иметь один лишний палец! Почему так? Да потому, что наши пять пальцев ни для красоты, ни для пользы в шестом не нуждаются. А у твоего бога лишним окажется не один палец, но и голова, шея, затылок, бока, желудок, спина, колени, руки, ноги, бедра, голени. Если это нужно

ему для бессмертия, какую роль эти части тела играют в жизни [бога]? Даже само лицо? Гораздо уж важнее мозг, сердце, легкие, печень — в них ведь местонахождение жизни, а черты лица никак не влияют на продолжительность жизни.

XXXVI. (100) Еще ты осуждал тех¹⁷⁴, кто, созерцая сам мир, его [отдельные] члены: небо, земли, моря и все, чем они украшены, солнце, луну и звезды; кто, познав наступление в надлежащее время времен года, их смену и очередность, видя замечательное великолепие всего этого, предположили, что есть некое превосходное и вышестоящее существо (natura), которое все это создало, движет, всем управляет и все направляет. Если даже эти люди ошибаются в своем предположении, то я хотя бы вижу, что их привело к нему. Но ты, можешь ли ты указать на нечто великое и превосходное, такое, что представлялось бы творением божественного ума, и по которому можно было бы предположить, что боги действительно существуют? «У меня, — говоришь, — было заложено в душе некое представление о боге». О бородатом Юпитере и о Минерве в шлеме? Значит, ты их такими и считаешь? (101) Насколько же последовательнее тебя необразованный народ, который не только наделяет бога членами тела, но считает также, что бог ими пользуется. Придают богу лук, стрелы, копье и щит, трезубец и молнию. И хотя они не представляют себе, что делает бог, все же совершенно бездействующим не могут его представить. Те же египтяне, которых высмеивают, обожествляют только тех животных, от которых получают какую-то пользу, например ибисов, истребляющих массу змей; это ведь крупные птицы с крепкими ногами и длинным роговым клювом. Они спасают Египет от заразы, истребляя и пожирая летучих змей¹⁷⁵, которых заносит африканский ветер из Ливийской пустыни, так что те не могут причинять вреда ни живые — укусами, ни мертвые — зловонием. Я мог бы еще сказать о пользе от ихневмонов, от крокодилов, от кошек, но не хочу затягивать свою речь. Скажу, однако, в заключение: у варваров животные обожествляются из-за тех благодеяний, которые они оказывают, у ваших же богов не только благодеяний никаких не обнаружить, но даже совсем никакого дела. (102) «Нет у бога, — говорит Эпикур, — никаких хлопот». Конечно, Эпикур, как избалованные дети, считает, что нет ничего лучше безделья. XXXVII. Но ведь сами дети, даже когда бездельничают, развлекаются, упражняясь в какой-нибудь игре. А вы хотите, чтобы праздный бог находился в полном оцепенении, так как боитесь, что если он двинется, то не сможет быть блаженным. Это представление не только лишает богов движения и божественной деятельности, но и людей делает ленивыми: выходит, ведь, что всякий что-нибудь делающий, даже бог, не может быть счастливым.

(103) Но пусть бог — это, как вы хотите, подобие человека и его образ. А что служит ему жилищем? Где его местопребывание? Далее, какой его образ жизни? От чего он, как вы утверждаете, испытывает блаженство? Ведь блаженство испытывает тот, кто может пользоваться и наслаждаться доступными ему благами. Даже у неодушевленных натур, у каждой есть свое собственное место: так, земля занимает самый низ, ее затопляет вода, выше — воздух, эфирным огням уделено самое высокое место. А из животных — одни водятся на земле, другие — в воде, животные как бы двоякой природы живут и там и там. Есть даже такие, которые, как считают, рождаются в огне, и их часто видят летающими в пылающих печах¹⁷⁶.

(104) Итак, я спрашиваю: во-первых, где обитает ваш бог? Затем, какая причина побуждает его сдвинуться с места, если только он иногда движется? Затем если всем одушевленным существам свойственно стремиться к чему-то сообразному с их природой, то к чему стремится бог? Далее, на что он использует свой ум и разум? И наконец, каким образом он блажен, каким образом вечен? Какого бы вопроса из этих ты не коснулся — везде больное место. Так плохо построенное доказательство не может найти выхода.

(105) Вот ты говоришь¹⁷⁷, что образ бога постигается мышлением, а не чувственным восприятием (*cogitatione non sensu*), что в нем нет никакой плотности (*soliditas*) и он не бывает тем же по числу, но его вид таков, что он постигается по подобию и переходу образов, и так как атомов, образующих эти образы, бесчисленное множество, то и поступающие образы неисчислимы, и когда наш ум напряженно вникает в них, то в нем возникает понятие о блаженной и вечной природе.

XXXVIII. Так ради самих же богов, о которых мы сейчас говорим, что же это такое, наконец? Ибо если боги только мыслимы, а в них самих нет никакой плотности, ничего осязаемого, то какая разница, будем ли мы мыслить о гиппокентавре¹⁷⁸ или о боге? Ведь другие философы такого рода представления называют пустым движением души, а вы говорите об этом, — как о прибытии и поступлении в душу образов.

(106) Когда я, например, представляю себе Тиберия Гракха, выступающего в народном собрании на Капитолии и собирающего голоса против М. Октавия¹⁷⁹, то я говорю, что это пустое движение души, ты же скажешь, что это сохранившиеся образы Гракха и Октавия, когда я пришел на Капитолий, устремились к моей душе¹⁸⁰. И то же самое будто бы происходит с богом, от которого густо исходящие образы воздействуют на наши души так, что мы узнаем, что боги блаженны и вечны.

(107) Допустим, что действительно существуют образы, которые стучатся в наши души. Но ведь они могут представить только некий внешний облик бога? Или также почему он блажен, почему вечен? Что же такое эти ваши образы и откуда они? Это произвольное допущение определено от Демокрита. Но и его многие опровергали, и вы не находите выхода, и все это — шатко и валко. Никак вы мне не докажете, что в меня попадают образы всех этих: Гомера, Архилоха, Ромула, Нумы, Пифагора, Платона — и что они имеют тот облик, который был им присущ. Как эти образы возникли? И чьи образы? Об Орфее Аристотель пишет, что его никогда не было, а названную по его имени орфическую песнь (*orphicum carmen*) сочинил какой-то пифагорец Кекропс. А между тем Орфей, т. е. по-вашему его образ, мне часто представляется в душе. (108) А как объяснить, что образ одного и того же человека в моей душе и в твоей выглядит по-разному? А как быть с теми, которые совсем не существовали, да и не могли существовать, как, скажем, Скилла и Химера?¹⁸¹ Как быть с людьми, местностями, городами, которых мы никогда не видели [а представление о них имеем]? Как понять, что стоит мне только захотеть и тут же — образ?¹⁸² Что они даже незванные являются во сне?¹⁸³ Все это, Веллей, пустые выдумки. Вы насильно навязываете образы не только глазам, но и душам. Вот к чему приводит возможность безнаказанно болтать все, что приходит в голову.

XXXIX. (109) Образы (*visiones*), сказал ты, приплывают с такой частотой, что из многих образуется как бы один. Я постыдился бы сказать, что не понимаю, если бы вы сами понимали, что именно защищаете. Ибо каким образом ты докажешь, что переход образов происходит непрерывно? Или если непрерывно, то как докажешь, что вечно? Скажешь: «Это обусловлено бесчисленностью атомов». Но ведь также можно доказать, что все вообще вечно? Тут ты прибегаешь к равновесности (*aequilibras*)¹⁸⁴ (ибо так, если угодно, мы переведем *ισονομία*) и говоришь: «Поскольку есть природа смертная (*natura mortalis*), то должна также быть и бессмертная». Но таким способом можно доказать, что поскольку есть люди смертные, то должны также быть какие-то бессмертные, поскольку рождаются на земле, то рождаются и в воде. Ты говоришь: «Так как есть [силы] разрушающие, то должны быть и сохраняющие». Пусть они есть, но они то сохраняют, что существует, а что эти [ваши] боги существуют, я не представляю себе.

(110) Но как все-таки порождаются эти призраки (*effigies*) богов из атомов, которые, допустим, существуют, хотя их вовсе нет? Атомы, возможно, могли бы сталкиваться между

собой и от столкновений приходить в движение. Но образовать нечто имеющее форму, фигуру, цвет, жизнь это не смогли бы. Итак, никоим образом не получается у вас бессмертный бог.

XL. Рассмотрим теперь вопрос о его блаженстве. Без добродетели оно, конечно, никоим образом невозможно. Но добродетель деятельна, ваш же бог ничего не делает, стало быть, лишен добродетели, а значит, и не блажен. (111) Итак, какова же его жизнь? Изобилие, говоришь, благ, без примеси плохого. Каких же благ? Наслаждений, наверное, и конечно, телесных¹⁸⁵. Ибо вы не знаете другого, не исходящего от тела и не обращенного на тело, — духовного наслаждения. Я не считаю тебя, Веллей, похожим на других эпикурейцев. Им следовало бы стыдиться некоторых эпикуровых поучений, свидетельствующих о том, что он не представлял себе какого-то блага, не связанного с чувственными и постыдными наслаждениями, которые он, не краснея, перечисляет все по названиям.

(112) А какие яства, какие напитки ты доставишь богам, каким разнообразием звуков и цветов уладишь их слух и зрение, чем порадуешь их осязание, их обоняние, чтобы доставить им всю полноту наслаждений? Поэты, те приготовили для богов (нектар и амброзию¹⁸⁶) пиршества, на которых бокалы подают им Юность и Ганимед¹⁸⁷. А ты, Эпикур, что будешь делать? Потому что я не представляю себе, ни откуда возьмутся все эти блага для твоего бога, ни каким образом он ими будет пользоваться. Природа людей богаче наделена возможностями для блаженной жизни, чем природа богов, так как люди вкушают многие виды наслаждений.

(113) Но ты можешь возразить, что этим наслаждениям, которые как бы щекочут чувства (это выражение самого Эпикура), цена невелика. До каких пор ты будешь шутить? Ибо даже Филон, наш приятель, не мог вытерпеть, [когда ему говорили], будто эпикурейцы презируют чувственные наслаждения¹⁸⁸. Имея превосходную память, он приводил много высказываний Эпикура, цитируя их дословно. Он цитировал также многие, еще более бесстыдные высказывания Метродора, этого коллеги Эпикура по мудрости; Метродор ведь обвиняет своего брата Тимократа за то, что тот сомневался, чтобы все, что относится к блаженной жизни, было связано с брюхом. Сам он не раз, а часто утверждал это. Я вижу, ты киваешь головой, все это ведь тебе известно. Если бы ты стал отрицать, я принес бы книги¹⁸⁹. Да сейчас я и не собираюсь порицать всех эпикурейцев за то, что они все сводят к наслаждению, — это другой вопрос. Я утверждаю, что ваши боги лишены наслаждений, и, следовательно, придерживаясь вашего же суждения, они не блаженны. XLI. (114) «Но они не испытывают страданий!» И этого достаточно для того, чтобы считать их жизнь изобилующей благами, блаженнейшей? Бог, говорят [эпикурейцы], беспрестанно думает о том, что он блажен, нет ведь ничего иного, что бы занимало его ум. Так вообрази и представь себе воочию бога, который в течение всей вечности ни о чем другом не думает, кроме: «Как мне хорошо!» и «блажен я». Я же не представляю себе, каким образом этот блаженный бог не опасается гибели, когда он подвергается непрерывным ударам и толчкам от безостановочного притока атомов и когда от него самого постоянно истекают образы. Так что ваш бог и не блажен, и не вечен.

(115) «Но, скажешь, Эпикур ведь написал книги о набожности, о благочестии по отношению к богам»¹⁹⁰. И каким образом в них об этом говорится! Можно подумать, будто ты слушаешь великих понтификов Т. Корункания или П. Сцеволу¹⁹¹, а не того, кто до основания разрушил всю религию, и не руками, как Ксеркс¹⁹², а учением своим опрокинул храмы и жертвенники бессмертных богов. Ибо скажи, с какой стати люди должны почитать богов, когда боги не только не опекают людей, но вообще ни о чем не заботятся, ничего не делают?

(116) «Но у них, [говоришь], исключительная, превосходная природа, так что она должна сама по себе вызвать у мудреца преклонение перед ней». Да что может быть превосходного в

природе этого бога, который, испытывая радость от своих наслаждений, никогда ничего не пытался делать, не делает и не будет делать? И почему должны проявлять благочестие в отношении того, от которого ничего не получаешь? И чем вообще можно быть обязанным тому, который ничем этого не заслужил? Ибо благочестие (*pietas*) — это справедливость по отношению к богам. А если у человека нет никакого общения с богом, то какое право имеет бог претендовать на какое-то особое отношение к себе со стороны человека?¹⁹³ Набожность же есть умение почитать богов, а за что следует почитать ваших богов, я не понимаю, если я от них никаких благ не получал и не надеюсь получить?

XLII. (117) Так какое же у нас основание поклоняться богам из восхищения их природой, в которой мы ничего превосходного не видим? Освободиться от суеверия, чем вы обычно хвалитесь, легко, если ты отнял у богов всю их силу. Как ты считаешь, могли быть суеверными Диагор или Феодор, вовсе отрицавшие существование богов? Я думаю, что [суеверным] не мог быть даже Протагор, которому было все равно: то ли боги есть, то ли их нет. Учения всех этих [философов] не только уничтожают суеверия, заключающие в себе пустой страх перед богами, но также и религию, которая состоит в благочестивом поклонении богам. А те, которые утверждали, будто все эти представления о бессмертных богах были измышлены мудрыми людьми в интересах государства с той целью, чтобы религия приводила к выполнению своих обязанностей по отношению к государству тех, на кого не могут подействовать доводы рассудка?¹⁹⁴ (118) Разве они не разрушили религию до основания? А что оставил от религии Продик из Кеоса¹⁹⁵, учивший, что люди включали в число богов то, что шло на пользу человеческой жизни? (119) А те, которые учат, что богами после смерти становились или храбрые, или прославленные, или могущественные люди, и их-то мы имеем обыкновение чтить, молиться и поклоняться им, разве не чужды всякой религии? Это учение более всего развивал Евгемер¹⁹⁶, а наш Энний стал первым из всех его переводчиком и последователем. Евгемер описывает и как боги умирают, и как их хоронят¹⁹⁷. Как ты думаешь, укрепил он религию или совершенно и целиком ее уничтожил? Не буду уж говорить о священном и высокочтимом Элевсине,

Где в мистерии посвящаются самые отдаленные племена...

Обойду молчанием также Самофракию и тех, которые на Лемносе

Ночью, в густых лесах, тайно сходятся на поклонение¹⁹⁸.

Объяснение этих таинств¹⁹⁹, рациональное рассмотрение их дает более для познания природы вещей, чем природы богов.

XLIII. (120) Мне кажется, что даже Демокрит, этот великий муж, из источников которого Эпикур поливал свои садики, колеблется в вопросе о природе богов. То он считает, что во вселенной есть образы, наделенные божественностью, то говорит, что боги — это умственные начала, находящиеся в той же вселенной, то [называет богами] одушевленные образы (*animantes imagines*), которые обычно или помогают, или вредят нам, то — какие-то огромные образы, столь большие, что они извне охватывают весь мир²⁰⁰. Все это достойно скорее отечества Демокрита²⁰¹, чем самого Демокрита. (121) Ибо кто может мысленно представить себе эти образы? Чтить их? Считать их достойными поклонения и благоговения? Эпикур же, отняв у богов бессмертных и возможность и желание оказывать милость, с корнем вырвал религию из человеческих душ. Ибо хотя он утверждает, что природа богов наилучшая и превосходнейшая, но он же отрицает, что богу присуще милосердие²⁰², он отнимает то, что более всего свойственно наилучшему и превосходнейшему существу. Ибо, что может быть лучше, что превосходнее доброты и благодеяния? А если, по-вашему, боги лишены этих качеств, то выходит, по-вашему же, что богу никто, ни бог, ни человек, не дорог, никого бог

не любит, никого не ценит. Получается, что не только боги пренебрегают людьми, но и боги к богам относятся с пренебрежением.

XLIV. Насколько лучше вас стоики, которых вы опровергаете. Они считают, что мудрые люди — друзья мудрым, даже незнакомым, ибо нет ничего любезнее добродетели, и кто ею овладеет, того мы будем любить, из какого бы племени он не происходил. (122) А вы, сколько же зла вы причиняете тем, что относите и стремление помочь людям, и доброжелательность к проявлениям слабости. Не говоря уже о богах, вы считаете, что и люди, если бы не их слабость, не проявляли бы ни великодушия, ни желания помочь другому. Но разве между хорошими людьми нет естественного чувства взаимной любви? Ведь само слово “amicitia” (дружба) происходит от столь дорогого нам слова “amor” (любовь), но если мы используем ее для нашей выгоды, а не на пользу тому, кого мы любим, то это будет не дружба, а какая-то торговля своими услугами. Таким образом, любят луга, пашни, стада скота оттого, что от них получают доход, а любовь и дружба между людьми бескорыстна. Тем более это относится к богам, которые, ни в чем не нуждаясь, и друг друга любят, и о людях заботятся. А если бы не так, с чего бы мы поклонялись, с чего бы молились богам? Зачем обряды понтификов, гадания авгуров? Чего нам ждать от бессмертных богов? Зачем обеты?

(123) «Но ведь есть даже книга Эпикура о набожности». Да насмехается же над нами этот человек, не столько остроумный, сколько беззастенчиво позволяющий себе писать все, что ему угодно. Какая ведь может быть набожность, если боги не заботятся о человеческом? Может ли быть такое живое существо, которое бы ни о чем не заботилось? Итак, несомненно, более прав наш общий друг Посидоний, написавший в своей пятой книге о природе богов, что Эпикуру кажется, что нет никаких богов, а то, что он говорил о бессмертных богах, он говорил ради того, чтобы не подвергнуться осуждению²⁰³. Не так уж он был глуп, чтобы вообразить бога похожим на человека, да и то только по внешним очертаниям, но лишённого плотности, наделённого всеми членами человеческого тела, но ничуть не пользующегося ими. Бог у него нечто бесцветное и прозрачное, бог никому ничего не уделяет, ни к кому не доброжелателен, совсем ни о чем не заботится, ничего не делает. Но, во-первых, существа такой природы не может быть, и, видя это, Эпикур уходит от [решения] этого вопроса, сохранив [богов] лишь на словах.

(124) Затем, если бог действительно таков, что не испытывает никакого расположения к людям, никакой любви, то пусть будет здоров! (valeat!) К чему мне молиться ему: «Будь милостив!»²⁰⁴. Ведь он и не может ни к кому быть милостивым, раз, как вы говорите, и всякая любовь, и всякое милосердие коренятся в слабости».

ПРИМЕЧАНИЯ О ПРИРОДЕ БОГОВ. Книга I

1. Цицерон посвятил свой трактат «О природе богов» *Марку Юнию Бруту*. Будущий участник заговора против Цезаря был намного моложе Цицерона и пользовался особым его расположением. Так же как Цицерон, Брут усердно занимался философией и написал несколько трактатов на морально-философские темы.
2. *О природе богов* — несколько произведений греческих авторов имеют заглавия «О богах», например у Протагора, Клеанфа, Хрисиппа и др. Цицерон заглавием «О природе богов», несомненно, имел в виду дать понять своему читателю, что речь в ней пойдет не о теогонии (как у Гесиода) и не о мифологии, а о философских проблемах: существование богов, их атрибуты, их роль в жизни природы и человека и т. п.
3. *Началом философии должно быть незнание* — учитывая философские взгляды Цицерона, следует, видимо, понимать это место в том смысле, что философия должна прежде всего

избегать догматизма, так как сам процесс познания состоит в постоянном переходе от незнания ко все более полному, но никогда не совершенному знанию. Возможно, однако, и иное толкование, если принять предложенное рядом исследователей чтение вместо слитного *inscientiam* раздельное *in scientia*. Тогда смысл: началом философии должно быть знание, что также подходит к контексту.

4. *Академики* — основатель философской школы «Академия» Платон учил в расположенной вблизи Афин роще, посвященной герою Академу, отсюда название школы. Историю Академии принято делить на три периода: Древней Академии — непосредственно ученики и последователи Платона; Средней Академии, основанной Аркесилаем (315—240), который внес в учение Платона элементы скептицизма и вел борьбу против стоиков, и Новой Академии, основателем которой был Карнеад (213—129), подвергший стоическое учение особенно резкой критике с позиций «пробабилизма» против догматизма стоиков (см.: I, 4, *примеч.*). Во времена Цицерона эта школа была уже в упадке, однако сам Цицерон проявлял определенную склонность к взглядам этой школы и устами Котты во многом выразил собственные свои мнения. Ср.: *Цицерон. Тускуланские беседы*, IV, 21. Там, где Цицерон употребляет названия «Академия» и «академики», имеются в виду Новая Академия и ее последователи.

5. *Природа... приводит* — ср.: *Цицерон. Тускуланские беседы*, I, 36.

6. *Протагор из Абдеры* (ок. 480—410) — знаменитый софист, современник Сократа, свое сочинение «О богах» начал словами: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они с виду. Ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни» (Цит. по: *Маковельский А. О. Софисты*. Баку; 1940, вып. 1, с. 16). Последние годы своей жизни он жил в Афинах, где за свои взгляды был обвинен в безбожии и вынужден был бежать. Его сочинения были преданы публичному сожжению. См.: *Диог. Лаэрт.*, IX, 51.

7. *Диагор Мелосский* — философ и поэт второй половины V в., известный под прозвищем «Безбожник» (ἄθεός), родился на острове Мелосе, но еще в молодости переселился в Афины, где провел большую часть своей жизни. Был учеником Демокрита. Источники сообщают, что Диагор был в начале глубоко верующим человеком, а перестал верить в богов после того, как его предал самый верный из его друзей и боги его за это не наказали. Еще юношей Диагор был посвящен во многие мистерии, а позже подверг их ядовитой критике. Насмешек Диагора не избежали и сами боги. Ср.: III, 89. Афинский суд приговорил его к смертной казни за нечестие (ок. 415 г.), но ему удалось бежать, а сочинения его были сожжены.

8. *Феодор из Кирены* (ок. 320—280) — также известен по прозвищу «Безбожник» (ἄθεός).

9. *Есть философы* — прежде всего эпикурейцы.

10. *Есть и иные философы* — Цицерон имеет в виду стоиков.

11. *Карнеад* выступил с резкой критикой стоической философии. Его учение было известно главным образом в изложении его ученика и преемника по руководству Новой Академией, Клитوماха.

12. *Брошенное... учение* — Новой Академии.

13. *Диодот* — философ-стоик, ряд лет жил в доме Цицерона и оказал большое влияние на его взгляды. Ср.: *Цицерон. Тускуланские беседы*, V, 113.

14. *Филон из Лариссы в Фессалии*, с 88 г. жил в Риме, сменил Клитوماха в качестве главы Новой Академии.

15. *Антиох из Аксалона* — ученик Филона, разделял в основном взгляды Новой Академии, однако по некоторым вопросам разошелся с этой школой, критиковал скептицизм Филона и Карнеада и был близок к воззрениям Стои. Его эклектическое учение оказало особенно сильное воздействие на Цицерона. Ср.: I, 17.

16. *Посидоний* — (ок. 135—51) — философ-стоик, после смерти Панэтия стал признанным главой Стои. Цицерон слушал его лекции, переписывался с ним и гордился его дружбой, считая Посидония «величайшим из всех стоиков». Посидоний также написал книгу «О богах» (*Диог. Лаэрт.*, VII, 138), в которой критиковал главным образом взгляды Эпикура.

17. В период диктатуры Цезаря Цицерон был фактически отстранен от участия в политической жизни. Ср.: *Цицерон. О дивинации*, II, 8. *Он же*. Тускуланские беседы, I, 1.
18. *Побудила... скорбь* — в феврале 45 г. умерла любимая дочь Цицерона Туллия.
19. «Сам сказал!»- (“Ipse dixit”)... — в древности стало крылатым выражением. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VIII, 46.
20. *Четырех... книгах* — имеется в виду четыре книги второй редакции сочинения Цицерона «Учение академиков» (*Academica posteriora*), написанного в 45 г. До нашего времени дошли только часть первой книги и отрывки из остальных. Вместе с сохранившейся второй книгой первоначальной редакции этого сочинения (*Academica priora*) они служат источником наших сведений о философии Новой Академии.
21. *От Сократа* — в Сократе академики видели своего родоначальника, ссылаясь на его известные слова: «Я знаю только, что ничего не знаю» и на его метод обсуждения. Ср.: *Цицерон. Учение академиков*, I, 16. «Во всех почти беседах... он рассуждал таким образом, что сам ничего не утверждал, других опровергал, уверял, что ничего не знает, кроме этого самого»; *Он же. О дивинации*, II, 150: «Мы придерживаемся этого метода, воспринятого от Сократа».
22. *Аркесилай* — см.: I, 1 *примеч.*
23. *В другом месте* — см.: *Цицерон. Учение академиков*, II, 98—111,
24. *Ложное... подобное истинному* — ср.: Там же, II, 34; II, 36; II, 42; II, 44; II, 99.
25. *В «Синэфебах»* имеется в виду комедия Цецилия Стация «Юные сверстники» (переложение одноименной комедии Менандра).
26. *Аuspициях... которыми я... руковожу* — Цицерон в 53 г. был избран пожизненным членом коллегии авгуров.
27. *Гай Аврелий Котта* (124—74) — видный римский аристократ, в 90 г. был предан суду своими политическими противниками и осужден на изгнание. Вернулся при Сулле в 82 г. Был избран главой жреческой коллегии понтификов. В 78 г. стал консулом. О философских взглядах Котты Цицерон упоминает в «Об ораторе» (II, 145), очень высоко оценивая его острый и тонкий ум, а также ораторское искусство. В настоящем диалоге Котта выведен представителем школы Новой Академии.
28. *Латинских праздников* — четырехдневный праздник в память о древнем союзе латинских городов.
29. *Гай Веллей* — малоизвестное лицо сенаторского звания. Цицерон в «Об ораторе» (III, 78) отзывается о нем, как о человеке в философских спорах недостаточно опытным и искусном. Здесь же Цицерон рекомендует его чуть ли не главой эпикурейской школы. Ср.: I, 15.
30. *Квинт Луцилий Бальб* — богатый римский всадник, известный своей приверженностью стоической философии. Ср.: *Цицерон. Об ораторе*, III, 78. О его дружеских отношениях со знаменитым stoиком Посидонием см.: II, 88.
31. *Трех главных школ* — эпикурейской, Стои, Новой Академии.
32. *Марк Пуптий Пизон Кальпурниан* — консул (61 г.). В другом диалоге «О пределах добра и зла» Цицерон выводит Пизона в роли поборника взглядов школы перипатетиков.
33. *Антиоха* — см.: I, 5 *примеч.*
34. *Перипатетики* — последователи Аристотеля.
35. *Не помощником... а слушателем* — игра слов: “non adiutorem sed auditorem”.
36. *Тогда Веллей...* — Веллей открывает дискуссию. Вначале он подвергает критике учение Платона и стоиков (I, 18 — I, 24), затем следует доксография — обзор мнений прежних философов по вопросу о природе богов — их сущности, облике, атрибутах и их роли в мироздании (I, 25 — I, 41); в последней части своей речи Веллей излагает учение Эпикура о богах (I, 42 — I, 56).
37. *Очень самоуверенно... по обыкновению этих людей* — стоит обратить внимание на саркастический тон этого замечания в адрес эпикурейцев. В дальнейшем Цицерон построил речь защитника эпикуреизма таким образом, чтобы представить его в довольно непривлекательном виде — узколобым догматиком, признающим только свое учение и его создателя — «божественного Эпикура» (ср.: I, 43), а о других философах и их учениях

отзывающимся самым пренебрежительным и грубо издевательским образом. Притом, излагая эти учения, Веллей то и дело допускает и неточности и искажения.

38. *Эпикуровых междумирий* — по Эпикуру, существуют бесчисленные миры, а боги обитают в пространствах между мирами. См.: I, 53; *Диог. Лаэрт.*, X, 88—89; *Цицерон*. О дивинации, II, 40; *Он же*: О судьбе, 37.

39. *Из «Тимея»* — ср.: *Платон*. Тимей, 28 В — 28 С.

40. *Вещая старуха* — Веллей стремится карикатурно представить учение Стои. Стоик Бальб позже возразит ему, что «пронойа» стоиков — это вовсе не личность, а термин, означающий божественное провидение (II, 73).

41. *Шаровидном, пылающем, вращающемся боге* — см.: II, 47; II, 49.

42. *Пять форм (formae)* — Веллей, по-видимому, имеет в виду пять форм многогранников (тетраэдр, куб, октаэдр, икосаэдр, додекаэдр), из которых, по Платону (Тимон, 53 С — 56 С; 63 D), куб был основной формой земли, октаэдр — воздуха, тетраэдр — огня, икосаэдр — воды; пятая форма, додекаэдр, послужила богу для того, чтобы создать эфир. Ср.: *Платон*. Тимей, 53.

43. *Вселенная... будет существовать вечно!* — Платон учил, что, хотя все родившееся или сотворенное должно неизбежно погибнуть, вселенная будет существовать, потому что она создана по образу своего создателя — вечного бога. Ср.: *Платон*. Тимей, 29 А—В.

44. Под физиологией понимали учение о физической природе вообще.

45. *Пронойа... создала мир смертным...* — по учению стоиков вселенная периодически погибает в мировом пожаре. Ср.: II, 118.

46. *Можно себе представить* — *intellegi potest*, — в некоторых списках: «невозможно себе представить (*non potest*)».

47. *Словно в эдиле* — в праздничные дни римские должностные лица эдилы должны были позаботиться об украшении города и ночном его освещении.

48. *Ради людей* — идею стоиков о том, что бог создал мир ради людей, эпикурейцы особенно критиковали: Ср.: *Лукреций*. О природе вещей, V, 156—162.

49. *Форму шара* — *Платон*. Тимей, 38 В; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VIII, 55.

50. *Как с этим может сочетаться твердый разум и блаженство...* — по Эпикуру, боги живут в идеальном состоянии — покоя и блаженства. Ср.: I, 45.

51. Место трудное для понимания. Смысл его может быть следующим: главное отличие одушевленного от неодушевленного состоит в сочетании двух особенностей — способности к передвижению и способности ощущать (ср.: *Аристотель*. О душе, I, 2, 403 В, 25—27). Но к бесконечному первая способность не может относиться, поскольку бесконечное занимает все пространство, и вторая способность, так же как ощущение предполагает воздействие извне на ощущающую сущность.

52. *Внутри ума* — ср.: III, 36; «Все живое должно состоять из тела, заключающего в себе душу, от чего оно и называется *animal* от *anima*».

53. *Душе... бессмертие* — Веллей, конечно, придерживался взгляда Эпикура, по которому душа со смертью тела также умирает.

54. *Душа, из которой берутся и наши души* — этому учили также и стоики. Ср.: II, 18; II, 79.

55. *Похожее на венец* — по Пармениду, физический мир состоит из концентрических огненных сфер, в центре которых находится божество, управляющее всем миром, — Необходимость.

56. В поэме «О природе» (от которой сохранились лишь фрагменты) Парменид персонифицировал в качестве богов вражду, любовь, но нет указаний на то, что Парменид считал богами звезды.

57. *Четыре стихии* — или четыре элемента, т. е. основные вещества — огонь, воздух, вода, земля. После Эмпедокла представление о четырех элементах стало более или менее общим для всех философских школ, исключая атомистов, но особенное развитие получило у стоиков (ср.: *Цицерон*. Учение академиков, 2, 118).

58. *Стихии, возникают и исчезают* — по-видимому, искажение: ср.: *Аристотель*. *Метафизика*, I, 3, 984a, 8—11 «эти элементы, по его, Эмпедокла, мнению, всегда сохраняются и не возникают».
59. *Ту природу* — имеются в виду боги, от которых исходят их «образы».
60. *Нет ничего вечного* — Демокрит учил, что боги, хотя и состоят из неуничтожаемых атомов, но сами подлежат разрушению. Ср.: *Секст Эмпирик*, IX, 19.
61. Веллей неточно цитирует Платона. У Платона («Тимей», 28 С): «...так как творца и отца вселенной и найти-то трудно, а найдя нельзя показать его толпе...»
62. В «Законах»... что не следует и доискиваться — это место Веллей также передает неверно. Веллей приписывает Платону взгляды, которые последний сам осуждал. Ср.: *Платон*. *Законы*, 7, 821 В.
63. *Платон*. *Тимей*, 34 В; *Он же*. *Законы*, 7, 821 В; 821 С; 10, 886 D; 10, 899 В.
64. *По установлению... предков*. Ср.: *Платон*. *Тимей*, 40 D.
65. *Ксенофонт*. *Воспоминания о Сократе*, IV, 3, 13. Снова искажение. Солнце в «Воспоминаниях» нигде не называется богом, а душа не богом, а «божественной».
66. *Спевсипп* — после смерти Платона возглавил Академию. Диоген Лаэртский среди его сочинений называет одно, озаглавленное «О богах». См.: *Диог. Лаэрт.*, IV, 4—5.
67. *Аристотель в третьей книге «О философии»*... — эта книга до нас не дошла.
68. *Сам мир — это бог* — Насколько нам известно из сохранившихся сочинений, Аристотель не отождествлял мир с богом. Веллей, по-видимому, приписал Аристотелю идею Стои. Ср.: *Аристотель*. *Метафизика*, XI, 8, 1074 В.
69. *Кого-то другого* — Веллей, вероятно, имеет в виду тот же «ум». Ср.: *Аристотель*. *Метафизика*, XI, 7, 1072 В; *Он же*. *Физика*, VII, 5, 256.
70. *Огонь небесный* — ни огонь небесный, т. е. эфир, ни само небо Аристотель нигде в сохранившихся работах не называет богом, однако эпитеты «бессмертный» и «божественный» по отношению к ним применяет.
71. *Многочисленные боги* — очевидно, боги народной религии, местожительством которых считалось небо.
72. Согласно позднему Аристотелю, «необходимо должна существовать некоторая вечная, неподвижная сущность» (*Метафизика*, VII, 2, 1028).
73. *Спокоен и блажен* — по Эпикуру, покой и блаженство — идеальное состояние, в котором пребывают боги. Ср.: I, 24; I, 52.
74. После смерти Спевсиппа Ксенократ возглавил Академию (с 339 по 315 г.). И его взгляды Веллей излагает искаженно.
75. *В своих книгах* — Диоген Лаэртский (IV, 13) упоминает его сочинение «О богах».
76. *Теофраст* (371—287) — ученик Аристотеля, также написал три книги «О богах». Ср.: *Диог. Лаэрт.*, V, 42—50.
77. *Стратон из Лампсака* (Малая Азия) с 286 по 268 г. возглавлял школу перипатетиков.
78. *Зенон Китийский* (336—270) — основатель стоической школы «считал божественным естественный закон» — ср.: *Цицерон*. *О законах*, I, 18; I, 42; II, 8. *Диог. Лаэрт.*, VII, 88.
79. *Называет богом эфир* — ср.: *Учение академиков*, II, 126: «Зенону и другим стоикам эфир казался наделенным разумом, верховным богом, который всем управляет».
80. *Разум... наделен божественной силой* — ср.: *Диог. Лаэрт.*, VII 134.
81. *Толковать теогонию Гесиода* — Зенон и другие стоики стремились толковать мифы таким образом, чтобы сблизить свои взгляды на богов с народной религией. Примеры подобного толкования Цицерон приводит в речи Бальба. См.: II, 63, сл.
82. *Аристон из Хиоса* — стоик, ученик Зенона, впоследствии стал разделять некоторые воззрения киников.
83. *Какой вид имеет божество* — Зенон учил, что бог не может иметь человеческий облик (ср.: *Диог. Лаэрт.*, VII, 47). Эпикурейцы утверждали обратное.
84. *Понятие... в нашей душе* — Веллей имеет в виду «пролепсис» Эпикура. См.: I, 43 *примеч.*
85. *Полезные... вещи были... названы именами богов* — эти взгляды излагает Бальб (II, 80).

86. *Грязные и безобразные вещи* — такие вещи могут быть вместе с тем очень полезными. Но для эпикурейца немислимо некрасивое божество (см.: I, 47).
87. *Хрисипп* (ок. 280—208 гг.) — преемник Клеанфа во главе Стои. По Диогену Лаэртскому (VII, 7, 183), о нем говорили: «Если бы не было Хрисиппа, не было бы Стои». Ср.: *Цицерон*. Учение академиков, II, 75. Однако по некоторым вопросам Хрисипп сходил с Академией. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VII, 7, 184.
88. *Неведомых богов* — Хрисипп деифицировал некоторые абстрактные понятия. Ср.: II, 61 сл.
89. *Может течь и распространяться*. — Хрисипп учил, что четыре стихии находятся в вечном течении и переходе одна в другую (ср.: II, 84).
90. *Достижение бессмертия* — ср.: II, 62.
91. *Извечную истинность* — ср.: *Цицерон*. О дивинации, I, 125.
92. Легендарный поэт и певец Орфей считался сыном Аполлона. *Мусей* — ученик Орфея, ему приписывали стихи о происхождении богов и различные прорицания.
93. *Диоген Вавилонский* (ок. 240—150), ученик Хрисиппа и одно время глава стоической школы, истолковал известный миф о рождении Афины-Минервы из головы Зевса в аллегорическом смысле: Афина — это мудрость Зевса, которая помещалась в его голове.
94. *Заставили... видеть... смерть [богов]* — например, Асклепий погиб от молнии, брошенной в него Зевсом.
95. *Магов* — магами в Греции и Риме называли персидских жрецов и мудрецов.
96. *К числу... [богов]* — Веллей был отнюдь не одинок в такой высокой оценке Эпикура. Ср.: *Лукреций*. О природе вещей, V, 8.
97. *Антиципации о богах* — слово *anticipatio* используется Цицероном для перевода греческого *πρόληψις*. Эпикурейцы вкладывали в этот термин особый смысл. По Диогену Лаэртскому (X, 33), они «называют “пролепсис” нечто вроде постижения или верного мнения, или понятия, или общей мысли, заложенной в нас, иначе говоря — память о том, что многократно являлось нам извне». Эпикур учил о бесконечно отделяющихся от вещей образах (*εἰδωλά*). Проникая в душу человека, они накладываются друг на друга, накапливаются и запечатлеваются в душе, причем индивидуальные черты отдельных образов как бы стираются и остаются лишь те черты, которые им общи. Они-то и составляют память души, исходное общее знание, *praenotio* («предзнание»).
98. *«О критерии или Канон»*. См.: *Диог. Лаэрт.*, X, 27.
99. *Изречение Эпикура* — эту сентенцию приводит Диоген Лаэртский (X, 139).
100. *То одно, то другое* — Котта придерживается метода Новой Академии не примыкать ни к одной философской школе, «все оспаривать и ни о чем не высказывать определенного мнения». Ср.: I, 11; *Цицерон*. Учение Академиков, II, 121; *Он же*. Тускуланские беседы, IV, 7.
101. *«Равномерным распределением»* — поскольку атомов бесконечное число, то бесчисленны и сочетания их, отражающие все сущее; причем каждому сочетанию должно найтись соответствующее ему иное. Цицерон устами Веллея приписывает Эпикуру заведомо неубедительное доказательство вечности богов, которое затем сам же устами Котты опровергает (см.: I, 109).
102. Учение Эпикура об атараксии — безмятежности духа. См.: *Диог. Лаэрт.*, X, 96—97; X, 136.
103. *Мир создан природою* — Веллей имеет в виду — природой, лишенной мысли (*φύσει ἄλογω*).
104. Ср.: *Цицерон*. О дивинации. I, 1; I, 34.
105. *Гаруспиков... авгуров* — римляне во всех случаях как общественной, так и частной жизни считали необходимым спросить волю богов, прибегая к гаруспициям или ауспициям. Гаруспией называлось предсказывание будущего по внутренностям жертвенных животных. Гаруспик — предсказатель изучал состояние печени, ее форму, цвет, расположение ее долей, форму выемки между долями, состояние желчи, а также состояние сердца и легких и по определенным признакам прорицал будущее, а в некоторых случаях указывал средства для умиловивления гнева богов и отвращения предвещаемого бедствия. Авгуры толковали волю богов и предвещали по различным знаменам, главным образом по поведению «вещих» птиц.

полету (особенно орлов, ястребов, коршунов), крику (ворона, вороны, совы, петуха), особенно часто — по клеву «священных» кур. Курам предлагался корм, обычно каша из пшеничных зерен. Если куры клевали жадно и при этом кусочки пищи выпадали из клюва на землю, то это считалось благоприятным предзнаменованием, если отказывались есть — в высшей степени неблагоприятным. Такой способ гадания особенно применялся в военное время; полководцы брали с собой в поход клетку с курами и особого служителя «пуллярия» (цыплятника). Приемы авгуров назывались ауспигиями (букв. наблюдение за птицами). Авгуры толковали волю богов также по небесным и некоторым другим знамениям. Наблюдения над небесными знамениями производились определенным образом. Авгур отправлялся в предназначенное для гадания место и там, обратившись лицом к югу, особым авгурским жезлом (*lituus*) определял перед собой на небе известное пространство, в пределах которого наблюдал «знамения» — блеск молнии, полет птицы. Знамения, наблюдаемые с левой от авгура стороны (т. е. с востока) считались благоприятными, с правой — неблагоприятными. Авгуры во времена Цицерона составляли коллегию, в которую входили несколько пожизненных членов, пополнявшихся кооптацией. Право совершать ауспигии с участием авгура имели высшие должностные лица (диктатор, цензор, консул, претор).

106. В § 57—124 академик Котта подвергает критике учение Эпикура, следуя в основном Карнеаду и Посидонию. Однако эта критика обращена более на ранний эпикуреизм, между тем как Веллей в своем выступлении отразил скорее поздние идеи этой школы. Объяснить это следует, может быть, тем, что Цицерон использовал для двух этих частей первой книги разные источники: более поздний для речи Веллея, более ранний — для Котты.

107. *Твой друг* — в списках имя друга отсутствует, может быть, его и не было в оригинале? Или Котта намекает на известного эпикурейца Федра.

108. *Римских* — в оригинале *togati* — «носящие тогу» (греки тогу не носили).

109. *Красноречивее, чем обычно... у ваших* — в ряде своих произведений Цицерон пренебрежительно отзывается о «грубом» и «необработанном» стиле речи самого Эпикура и философов его школы. Ср.: *Цицерон*, Тускуланские беседы, II, 7; *Он же*. Брут, 131.

110. *Когда я был в Афинах* — неизвестно, слушал ли лекции Зенона в Афинах Котта. Скорее Цицерон говорит здесь о своих впечатлениях. Цицерон провел в Афинах некоторое время в 78 г. Ср.: *Цицерон*. О пределах добра и зла, I, 16

Зенона — Зенон из Сидона (I в.) возглавил школу Эпикура в Афинах после смерти Аполлодора. *Наши Филон...* — см.: I, 6, *примеч.*

111. *Физическим* — под «физикой» Цицерон понимает науку о природе в целом, включая и теологию.

112. *Симонид из Кеоса* — греческий поэт-лирик (556—467 гг.), некоторое время жил при дворе сиракузского тирана Гирона.

113. *В таком собрании, как наши*, — характерное признание! Ср.: *Цицерон*. О дивинации, II, 28.

114. *Сам понтифик* — со времен Суллы коллегия жрецов-понтификов состояла из пятнадцати человек, обязанностью которых был надзор над всем, что было связано с религией. Во главе коллегии стоял верховный понтифик (*pontifex maximus*).

115. *Диагор... Феодор... Протагор* — см.: I, 2, *примеч.*

116. *Гай Луцилий* (148—103 гг.) — римский поэт, основоположник римской сатиры. Следует фрагмент из недошедшей сатиры Луцилия.

117. *Луций Гостилий Тубул* — претор 142 г.; вел процессы по делам об убийствах, был уличен во взяточничестве и других преступных делах. Чтобы избежать смертной казни сам принял яд. *Луций Корнелий Лентул Луп* — консул 156 г., цензор 147 г. Луцилий в одной из своих сатир изобразил его мотом, кутилой и клятвопреступником. Ср.: *Гораций*. Сатиры, II, 1, 68. *Гай Папирий Карбон* — сподвижник Гая Гракха, его подозревали в убийстве Сципиона Эмилиана в 129 г. Ср.: *Цицерон*. О законах, III, 35. *Чудовище* — в оригинале «сын Нептуна». Сыновьями Нептуна были чудовища Киклоп, Герион, Скирон, Лестригоны и др.

118. *С другими философами* — в частности, со стоиками. Ср.: II, 12; II, 45; III, 11.

119. *Своеволие атомов* — о «своевольном» отклонении атомов см.: I, 69; ср.: *Цицерон*. О судьбе, 18; 23.
120. *Ибо то, что не имеет тела — ничто* — некоторые исследователи (Schoemann, Mayor, Goete) предполагают, что в этом месте часть текста пропущена, так как последующая критика Котты направлена не против существования атомов, но против возможности пустоты. Ср.: *Цицерон*. Учение академиков, I, 27.
121. *Демокрита... Левкиппа* — ср.: I, 69; I, 73; *Диог. Лаэрт.*, IX, 30.
122. См.: I, 20.
123. Ср.: I, 9.
124. Ср.: О судьбе, 23; *Лукреций*. О природе вещей, II, 251—293.
125. *Против диалектиков* — Цицерон имеет в виду не школу, а метод. Диалектика у него имеет тот же смысл, что и логика. В данном месте Цицерон имеет в виду и стоиков и академиков.
126. *Они ведь учили* — ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, I, 14.
127. *Совсем отверг* — ср.: «О судьбе», 37, где Цицерон вернее выразил мысль Эпикура. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, X, 34; *Лукреций*. О природе вещей, IV, 353.
128. О полемике между Аркесилаем и Зеноном см.: *Цицерон*. Учение академиков, II, 16 сл.
129. *Один гарусник может без смеха глядеть на другого* — в «О дивинации» (II, 51) Цицерон приписывает это выражение Катону Старшему.
130. *Из его писем* — ср.: *Диог. Лаэрт.*, X, 13.
131. *Слушал какого-то Памфила* — этот философ ближе неизвестен.
132. *Колонистом* — в 366 г. Афины, отвоевав у персов остров Самос, основали на нем свою колонию, куда в числе других прибыл и отец Эпикура Неокл.
133. *Навсифан из Теоса* (Малая Азия) (IV в.). Ср.: *Диог. Лаэрт.*, X, 8.
134. *Не говоришь намеренно темно, как Гераклит* — Гераклит Эфесский из-за трудности понимания его речи получил в древности прозвище «Темный», но нет основания считать, что Гераклит «намеренно» говорил темно. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, IX, 6.
135. *О Венере Косской* — прославленное произведение художника Апеллеса (вторая половина IV в.), изобразившего Венеру выходящей из морской пены. Первоначально принадлежало правителю острова Коса. При Августе картина была вывезена в Рим и выставлена в храме обожествленного Цезаря (Венера считалась прародительницей рода Юлиев). Ср.: *Плиний*. Естественная история, XXXV, 91—92.
136. *По замыслу мудрецов* — Ср. I, 118; *Цицерон*. О дивинации, I, 105.
137. *Бык, который увез Европу* — намек на известный миф: Зевс воспылил страстью к дочери финикийского царя Европе. Приняв образ прекрасного быка, Зевс похитил Европу и, усадив ее на спину, по морю, вплавь, привез ее на остров Крит. Там она родила от Зевса критских царей Миноса и Радаманта. Ср.: *Овидий*. Метаморфозы, II, 846—875.
138. *Тритон* — морское божество, по Гесиоду — сын Нептуна. Его изображали в виде человеческой фигуры, у которой вместо ног дельфины хвосты.
139. *А муравей — только на муравья* — эти слова многие исследователи считают позднейшей глоссой.
140. *В группах эфебов* — в Афинах эфебы (совершеннолетние юноши) для занятий в гимнастических школах — «гимнасиях» — объединялись в группы.
141. *Чему ты смеешься* — Веллей, очевидно, улыбнулся, представив себе Котту — понтифика и блюстителя строгих нравов, любующимся обнаженными греческими юношами.
142. *Росций* — неясно, о каком Росции идет речь, возможно, о будущем знаменитом римском актере Квинте Росции Галле, с которым Цицерон одно время был в тесной дружбе. Ср.: *Цицерон*. Об ораторе, I, 251.
143. Эти строки приписывают Квинту Лутацию Катулу (консулу 102 г.), (не смешивать с современником Цицерона, знаменитым поэтом Гаем Валерием Катуллом). Сын его, тоже Квинт Лутаций Катул, состоял вместе с Коттой в Коллегии понтификов.
144. *Явление Авроры встречая* — т. е. наступление дня. Аврора в римской мифологии — богиня зари; соответствует греческой Эос.

145. *Должна процветать в небе Академия* — шутка Котты, очевидно имеет тот смысл, что боги — все на одно лицо — не смогут отличать друг друга и окажутся в положении философов Новой Академии, которые, по их собственному признанию, считают невозможным отличие ложного от истинного.
146. *С малых лет* — приняв эмендацию Klotz'a "a parvis" вместо бессмысленного "apparuisse" в списках.
147. *Украшениями* — может быть, Котта имеет в виду такие принадлежности богов, как трезубец Нептуна, молния Юпитера, эгида Минервы.
148. *Варварские народы* (barbaria) — варварами греки и вслед за ними римляне называли всех негреков и неримлян, в том числе и народ такой древней культуры, как египтян.
149. *Неслыханное дело* — ср.: Геродот, II, 65 сл.
150. *Апис, священный бык египтян* — ср.: Геродот, III, 27 сл.
151. *Юнона — Спасительница* (Sospita) в таком виде, как ее описал Котта, изображена на многих монетах.
152. *Юнона Аргивская* — город Аргос (на Пелопоннесе) был одним из древних культовых центров греческой богини Геры, супруги Зевса. Так же как римский Юпитер был идентифицирован с Зевсом, Юнона была отождествлена с Герой.
153. *Ланувийцы* — жители Ланувии, одного из древнейших городов Центральной Италии, вблизи которого находился храм Юноны Ланувийской.
154. *Юпитер-Аммон* — культ египетского солнечного бога Амона, идентифицированного с Зевсом-Юпитером, был широко распространен в греко-римском мире.
155. *Алкамен* — известный греческий скульптор, ученик Фидия.
156. *Какая может быть мудрость в такого рода обрубке* — в оригинале truncus «пень», «чурбан», «обрубок», т. е. нечто без рук, без ног, без головы, как солнце или луна. Эпикурейцы как раз считали, что «жилищем разума» может быть только существо человеческого облика, поэтому и боги должны иметь человеческий облик.
157. *Поклоняются* — приняв эмендацию Manutius'a (venerantes вместо бессмысленного в данном контексте numerantes «перечисляющие»).
158. Κυρίας δόξαι — см.: примеч. к I, 43; I, 45.
159. *Менее всего способном на хитрость* — сарказм!
160. *Метродор* — любимый ученик Эпикура (Ср.: I, 113), от многочисленных произведений которого сохранились только отдельные фрагменты.
161. *Он действительно считает, что есть боги* — ср.: I, 123, где тот же Котта высказывается об Эпикуре в противоположном смысле. Это противоречие, очевидно, имеет уже отмеченную выше причину — Цицерон в разных местах своей книги пользовался разными источниками.
162. *Сериф* — небольшой остров Кикладского архипелага.
163. *Гермах* из Митилены — на острове Лесбосе, ученик и друг Эпикура, принявший от него школу. Ср.: Диог. Лаэрт., X, 15.
164. *Леонтия* — афинская гетера, известная своим умом и образованностью, также разделяла воззрения Эпикура. Ср.: Диог. Лаэрт., X, 4.
165. *В эпикуровом саду* — слушатели и ученики Эпикура собирались в его саду, близ Афин, поэтому эпикурейцев часто называли «вышедшими из эпикурова сада» (Диог. Лаэрт., X, 10).
166. *Тит Альбуций* — претор 105 г., долго жил в Афинах, в Риме считался эллинофилом и ярким эпикурейцем. Ср.: Цицерон. Брут, 131; Тускуланские беседы, V, 108.
167. *Федр* — см.: I, 19; I, 39 и примеч.
168. *Диоген Лаэртский*, упомянув о том, что враги Эпикура приписали ему множество пороков, негодуяще восклицает: «Те, кто это пишут, не иначе, как сумасшедшие. Муж этот имеет достаточно свидетелей своего несравненного ко всем благорасположения» (X, 4—12).
169. *Аполлодор, Сил* — ближе неизвестны.
170. *Зенон... про... Сократа говорил, что он был... шутком* — может быть из-за склонности Сократа к иронии и шуткам. С: Цицерон. Брут, 292.
171. *Хрисиппа... называл Хрисиппой* — т. е. женским именем, вероятно из-за того, что этот философ-стоик отличался и многословием и легковерием. Ср.: Диог. Лаэрт., X, 26.

172. *Скажешь: «разум научил»* — ср.: *Лукреций*. О природе вещей, III, 164—265.
173. *Квинт Энний* — древнеримский поэт (239—169), автор исторического эпоса (поэма «Анналы»), ряда комедий, трагедий и сатир. В эпоху Цицерона Энния считали уже устаревшим, но чтили его талант. Цицерон был большим поклонником Энния и особенно часто его цитировал, во многом разделяя его философские воззрения. Из какой сатиры Энния взят приведенный стих, неизвестно.
174. *Ты осуждал тех* — т. е. стоиков. Заметим, что Котта критикует эпикурейцев, используя аргументы стоиков.
175. *Летучих змей* — Ср.: *Геродот*, II, 75; III, 107. Что за «летучие змеи» — неясно.
176. *Родятся в огне* — Ср.: *Плиний*. Естественная история, XI, 36.
177. *Вот ты говоришь* — Котта излагает своими словами весьма темное и невразумительное место из речи Веллея (I, 49), которое в его передаче отнюдь не выиграло в ясности. Может быть, чтобы оно казалось непонятным. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, X, 169: «Боги познаваемы разумом, одни существуя в виде чисел, другие — в подобии формы, человекообразно возникая из непрерывного истечения подобных видностей, направленного в одно место» (перевод М. Гаспарова).
178. *Гиппокентавр* — то же, что и кентавр.
179. *Тиберий Гракх* — народный трибун 133 г., поставил в народном собрании на голосование вопрос об отрешении от должности своего коллеги, другого народного трибуна *Марка Октавия*, выступившего против предложенного Тиберием «земельного закона».
180. Ср.: *Лукреций*, IV, 735 сл.
181. *Скилла, Химера* — фантастические чудовища. *Скилла*, по описанию Гомера, имела шесть голов на длинных шеях с тремя рядами острых зубов в каждой пасти (Одиссея, XII, 85). *Химера*, по Гомеру же, имела львиную голову, зад дракона, а среднюю часть туловища — как у козы (Илиада, VI, 179).
182. Ср.: *Лукреций*, V, 905. Как эпикурейцы объясняли возникновение в сознании людей подобных образов см.: *Лукреций*, IV, 735. *Стоит... захотеть* — по Эпикуру, хотя образы существуют в пространстве постоянно, но наше сознание замечает только те, на которых оно сосредоточивается. Ср.: *Лукреций*, IV, 779 сл.
183. *Незванные являются во сне* — ср.: *Лукреций*, IV, 757 сл.
184. *Прибегаешь к «равновесности»* (aequilibritas) — Ср.: I, 50; aequabilis tributio — равномерное распределение. В I, 50 Цицерон следует Карнеаду, критикующему Эпикура. Здесь же он вкладывает в уста Котты критику, явно искажающую мысль Эпикура. Выдвигая принцип «исономии», Эпикур не имел в виду, что наличие одного вида явлений или объектов непременно свидетельствует о существовании его противоположности, а только, что существующие противоположности имеют равную численность частных, и этим принципом Эпикур отнюдь не имел в виду доказать существование богов.
185. *Наслаждений... и, конечно, телесных* — намеренное искажение этических взглядов Эпикура. Ср.: *Эпикур*. Письмо к Менекею (см.: *Диог. Лаэрт.*, X, 128 сл.); *Цицерон*. Тускуланские беседы, III, 46—50; V, 93—96.
186. *Нектар и амброзию* — по-видимому, глосса.
187. *Юность и Ганимед*. *Юность* — у греков Геба, дочь Юпитера и Юноны, подавала на Олимпе богам нектар и амброзию. *Ганимед* — прекрасный юноша, сын царя Троя, был орлом — спутником Юпитера, по приказанию последнего, перенесен также на Олимп, где стал виночерпием богов.
188. Ср.: *Цицерон*. Тускуланские беседы, III, 46.
189. *Принес бы книги* — т. е. сочинения Эпикура и Метродора.
190. *Эпикур... написал книги о набожности* — в приводимом Диогеном Лаэртским списке работ Эпикура нет книги с таким названием.
191. *Тиберий Корунканий* — консул 280 г. и первый верховный понтифик из плебеев, славился своей набожностью. *Публий Сцевола* — консул 133 г. и верховный понтифик с 131 г.
192. *Разрушил всю религию... не руками, как Ксеркс* — Ксеркс во время нашествия персов на Грецию в 480 г. приказал разрушить все храмы в Аттике. Ср.: *Геродот*, VIII, 109.

193. В оригинале: «какое может быть с ними правовое отношение» (*ius*). Для римской религии характерен был своеобразный юридический формализм в отношениях с богами, по принципу “*do ut des*” — даю, чтобы ты дал.
194. Имеются в виду софисты, в частности, Критий. Ср.: I, 77.
195. *Продик из Кеоса* — греческий софист, ученик Протагора, современник Сократа. Ср.: *Секст Эмпирик*, IX, 18. Продик Кеосский говорил: «Солнце, луну, реки, источники и вообще все полезное для нашей жизни древние наименовали богами за пользу, получаемую от них, как, например, египтяне — Нил».
196. *Евгемер* из Мессаны в Сицилии — греческий философ IV в.; предложил рационалистическое толкование греческой мифологии. Ср.: *Секст Эмпирик*, IX, 17: «Евгемер, прозванный “Безбожником” говорит: “Когда жизнь людей была неустроенна, то те, кто превосходил других силою и разумом так, что они принуждали других повиноваться их приказаниям, стараясь достигнуть в отношении себя большего поклонения и почитания, сочинили, будто они владеют некоей изобильной божественной силой, почему многими и были сочтены за богов”».
197. *И как боги умирают, и как их хоронят* — в сохранившемся фрагменте переведенного Эннием сочинения Евгемера сообщается, будто на Крите имеется даже могила Зевса, на которой греческими буквами написано: «Зевс, сын Кроноса».
198. *Элевсин* — город в северно-западной части Аттики, культовый центр богини Цереры. *Самофракия* и *Лемнос* — острова в Эгейском море, где совершались мистерии, связанные с культом кабиров — богов плодородия. Из приведенных стихов первый — предположительно — из трагедии Энния «*Эрехтей*» (Фален), второй — может быть, из какой-то трагедии Акция.
199. *Объяснение этих таинств* — посвящаемым в Элевсинские мистерии мифы истолковывались в символическом смысле.
200. *Образы... извне охватывают... мир* — у Демокрита (по Сексту Эмпирику, IX, 42) «образы» не «охватывают извне мир», а «находятся в окружающем нас», т. е. в воздухе. Может быть, и в этом случае — намеренное искажение мысли Демокрита.
201. *Достойно скорее отечества Демокрита* — город Абдера (во Фракии). Жители его прослыли в древности людьми недалекого ума.
202. Ср.: I, 17, *примеч.*
203. Ср.: I, 86, *примеч.*
204. «*Будь милостив*»... (*propitius sit*) — молитвенное выражение.

Книга II

I. (1) Когда Котта кончил свою речь, Веллей сказал: «Право, я был неосторожен, попытавшись вступить в бой с академиком, который, вдобавок, еще искусный оратор. Я не побоялся бы ни академика, не одаренного красноречием, ни оратора, пусть даже сколь угодно красноречивого, но незнакомого с философией Академии, ибо меня не смутить ни потоком пустых слов, ни тонкостью мыслей, если речь суха. Но ты, Котта, силен и в том, и в другом, тебе только не хватает венка и судей. Но об этом — в другой раз. А теперь послушаем Луцилия, если ему угодно»¹.

(2) «Я бы, — сказал Бальб, — предпочел продолжать слушать того же Котту при условии, что он с тем же красноречием, с каким он сокрушил ложных богов, теперь представил бы истинных. Ведь такому человеку, как Котта, философу и понтифику, должно иметь о бессмертных богах мнение не ошибочное и шаткое, как у академиков, а как у наших², — устойчивое и определенное. Против Эпикура было сказано достаточно, даже слишком. Но я очень хотел бы услышать, что ты сам думаешь, Котта».

«Разве ты забыл, — ответил Котта, — что я сказал вначале, что мне легче удастся, особенно по таким вопросам, оспаривать чужие мнения, чем утверждать свое? (3) Но если бы я даже и имел какое-то определенное мнение, я все же хотел бы в свою очередь тебя послушать, после того как сам так много говорил».

«Пусть будет по-твоему, — сказал Бальб, — я буду говорить по возможности короче, тем более, что после того, как ты изобличил ошибки Эпикура, я могу опустить из моего рассуждения большую часть. Вообще, наши делят весь этот вопрос о бессмертных богах на четыре части. Во-первых, они учат, что боги существуют, затем — каковы они; потом — что они управляют миром; и наконец, — что они пекутся о человеческих делах. Мы же для этой беседы возьмем только два первых вопроса. Рассмотрение третьего и четвертого вопросов придется отнести на другое время, поскольку они более обширны».

«Вовсе нет, — сказал Котта, — мы ведь сегодня ничем не заняты, да и говорим мы о таких вещах, которые следует предпочесть всяким другим занятиям».

II. (4) «По первой части, — начал Луцилий, — кажется, даже нет нужды говорить. Когда мы взираем на небо, когда созерцаем небесные явления, разве не становится вполне ясным, вполне очевидным, что есть некое божество (*nimen*) превосходнейшего ума, которое всем этим управляет? Если бы это было не так, как мог бы Энний, выражая общее мнение, сказать:

Ты взирай на эту высь сияющую, что зовут
Все Юпитером³,

и Юпитером, и владыкой вещей, и мановением своим всем управляющим, и как тот же Энний говорит⁴:

Отцом и богов, и людей,

и всеприсущим и всемогущим богом. Если кто в этом сомневается, то я не понимаю, почему он не сомневается также, есть солнце или его нет! Чем одно очевиднее другого? (5) Если бы это не содержалось в наших душах, как познанное или усвоенное, то не осталось бы оно столь устойчиво, не подтверждалось бы с течением времени, не могло бы так укорениться со сменой столетий и поколений людей. Видим же мы, что другие мнения, ложные и пустые, с течением времени исчезли. Кто, например, теперь думает, что существовали гиппокентавр или химера? Найдется ли столь выжившая из ума старуха, что теперь боялась бы тех чудовищ подземного царства, в которых некогда тоже верили? Ибо ложные вымыслы время уничтожает, а суждения природы — подтверждает. Оттого-то и у нашего народа, и у прочих поклонение богам и святость религий день ото дня становятся все возвышеннее и лучше⁵. (6) И это недаром, не случайно происходит, а потому что часто боги, являясь, обнаруживают свою силу. Так, например, у Регильского озера во время войны с латинами⁶, когда диктатор А. Постумий сражался с тускуланцем Октавием Мамилием, в нашем строю можно было видеть сражающихся верхом на конях Кастора и Поллукса⁷. И уже в недавние времена те же Тиндарида оповестили о победе над Персеем⁸. П. Ватиний, дед известного вам молодого человека, ночью шел из Реатинской префектуры в Рим. В пути ему встретились двое юношей на белых конях и сказали, что царь Персей в этот день взят в плен. Ватиний сообщил это сенату. Сенат же посадил его сперва в темницу, обвинив в том, что он легкомысленно болтал о государственном деле, но позже, после того как из полученного письменного сообщения от Павла подтвердилось, что именно в указанный Ватинием день Персей был пленен, Ватиний тем же сенатом был награжден участком земли и освобожден от военной службы. Существует также предание, что когда у реки Сагры локры разбили кротонцев⁹ в большом сражении, то в тот же самый день слух об этом распространился на Олимпийских играх, которые тогда

проводились. Часто люди слышали голоса фавнов¹⁰, часто видели обличия богов — все это не могло не вынудить любого человека, если только он не был тупоумным или нечестивцем, признать явления богов.

III. (7) А предсказания и предчувствия будущего о чем ином свидетельствуют, как не о том, что людям по воле богов открывается (*ostendi*), показывается (*monstrari*), подается знак (*portendi*), предрекается (*praedici*), от чего и слова произошли: «откровение» (*ostentum*), «явление» (*monstrum*), «знамение» (*portentum*), «пророчество» (*prodigium*)¹¹. И если даже мы посчитаем сказками предания о Мопсе, Тиресии, Амфиарае, Калханте, Гелене¹² (однако и в сказках не стали бы признавать этих людей авгурами, если бы это совершенно противоречило действительности), то разве не научат нас примеры из отечественной истории признавать могущество богов? Ничуть нас не потрясет разве безрассудство П. Клавдия¹³ в первой Пунической войне, который в шутку посмеялся над богами? Он, когда выпущенные из клетки куры не стали клевать¹⁴, велел бросить их в воду — пусть пьют, раз не хотят есть. Его смех, после того как флот потерпел поражение, стоил ему многих слез, а римскому народу принес великое горе¹⁵. А его коллега Юний¹⁶ в той же войне, не подчинившись ауспициям, разве не потерял флот от бури? И вот Клавдий был осужден народом, а Юний сам наложил на себя руки. (8) Целий¹⁷ пишет, что Г. Фламиний¹⁸ из-за того, что пренебрег религией, сам погиб при Тразименском озере и государству нанес большой ущерб. Их гибель дает понять, что величием своим государство наше обязано тем, кто, занимая высокие посты, неуклонно исполняли религиозные обязанности. А если мы пожелаем сравнить наше с иноземным, то окажется, что в других отношениях мы или равны другим народам, или даже ниже их, но в отношении религии, т. е. поклонения богам, намного выше.

(9) Надо ли смеяться над Аттием Навием¹⁹ и его посохом, которым он разделил на участки виноградник, чтобы отыскать свинью? Пожалуй, — если бы, руководствуясь его авгуриями, царь Гостилий не провел удачно ряд больших войн. Но вследствие пренебрежительного отношения нашей знати²⁰ авгурская наука заброшена, ауспициям не верят, и осталась от них только форма. Так что важнейшие государственные дела, в том числе войны, от которых зависит благополучие республики, проводятся без ауспиций, не совершаются они при переправе через реки, никаких гаданий по наконечникам [копий], никаких, когда воины призываются к битве, от чего вывелся и обычай делать завешание перед началом сражения²¹. Полководцы наши начинают войны после совершения ауспиций. (10) Но в наших предках религия имела такую силу, что некоторые полководцы (*imperatores*)²², покрыв голову краем одежды и произнеся определенные слова, приносили самих себя в жертву бессмертным богам за республику. Я бы мог многое напомнить из Сивиллиных прорицаний²³, многое из ответов гаруспиков, для подтверждения того, что ни для кого не должно быть сомнительным.

IV. Истинность науки и наших авгуров, и этрусских гаруспиков²⁴ подтвердила сама действительность в консульство П. Сципиона и Г. Фигула²⁵. Когда их выбирали, проводил выборы Т. Гракх, он был уже второй раз консулом²⁶. И вот сборщик голосов в первой центурии едва только успел доложить о результате, внезапно тут же пал мертвым. Гракх тем не менее довел собрание до конца, но так как он сознавал, что этот случай задел религиозные чувства народа, то доложил обо всем сенату. Сенат решил передать это дело на рассмотрение тем, кому обычно передавал. Были введены, гаруспики, которые объявили, что магистрат, проводивший комиции, был незаконным. (11) Тут Гракх (как я слышал от отца) вспыхнув от гнева, воскликнул: «В самом деле? Я — незаконный? Я — консул и авгур, создавший комиции после ауспиций, или вы, этруски, варвары, присвоившие себе право на ауспиции для римского народа и на толкование их относительно комиций?» И Гракх тут же велел гаруспикам выйти вон. Однако позже тот же Т. Гракх уже из провинции прислал в [авгурскую] коллегия²⁷ письмо. В нем он писал, что, читая [авгурские] книги²⁸, он вспомнил о совершенной им погрешности. Он выбрал надлежащее место для ауспиций в Сципионовых садах²⁹. А когда

после этого, возвращаясь на заседание сената, он снова пересек померий³⁰, то забыл совершить ауспиции. Так что консулы действительно были избраны незаконно. Авгуры об этом — сенату. Сенат же [повелел], чтобы консулы сложили с себя полномочия. Сложили! Нужно ли искать более яркие примеры? Умнейший человек, пожалуй, самый выдающийся из всех, предпочел сознаться в своей погрешности, которую мог бы и скрыть, чем допустить, чтобы вина против религии повисла на государстве. Консулы предпочли немедленно сложить верховную власть, чем удерживать ее хотя бы мгновение вопреки религии. (12) Велик авторитет авгуров, а разве не божественно искусство гаруспиков? Тот, кто знает эти и бесчисленные случаи подобного же рода, разве не будет вынужден признать существование богов? Если есть толкователи чьей-то воли, то необходимо должны быть и те, чью волю толкуют; есть толкователи воли богов, итак, мы должны признать, что боги существуют³¹.

Но, [скажут], может быть, не все сбывается, что было предсказано. Так ведь по той причине, что не все больные выздоравливают, не считают же, что медицина — не наука. Боги посылают предзнаменования будущего. Если ошиблись в [понимании] их, то виною тому не боги, а люди, толковавшие эти предзнаменования.

Итак, всем людям всех народов в общем известно, что есть боги, ибо это знание у всех врожденное и как бы запечатленное в душе.

V. (13) О том, каковы они, существуют различные мнения, что они есть — никто не отрицает. Наш Клеанф считает, что понятия о богах сложились в человеческих душах по четырем причинам. Первой он полагает ту, о которой я сейчас сказал: возможность предчувствия будущего. Вторая — это великие блага, которые мы получаем от благоприятного климата, плодородия земли и великое множество других благ. (14) Третья — [это разные природные явления], которые устрашают наши души: молнии, бури, грозы, метели, град, засуха, эпидемии, землетрясения и часто слышимый подземный гул, каменные дожди, и дожди как бы из кровавых капель, обвалы и внезапное появление зияющих трещин в земле, затем противоестественные уроды среди людей и животных; далее, появление небесных факелов (метеоров) и тех звезд, которые греки называют кометами, а наши — волосатыми (*stella cincinnata*); недавно во время войны с Октавием³² они оказались предвестницами великих бедствий; затем двойное солнце, которое, как я слышал от моего отца, появилось при консулах Тудитане и Аквиллии в тот самый год, когда погасло другое солнце — Публий Африканский³³. Устрашенные такими явлениями, люди сообразили, что есть некая небесная и божественная сила.

(15) Четвертая причина и самая важная — равномерность движений и круговращений неба, Солнца, Луны, звезд, их различие и разнообразие, красота и порядок. Созерцание этих вещей само в достаточной мере указывает, что все это не случайно. Ведь если кто придет в какой-то дом, или в гимнасий, или на форум и увидит во всем разумность, соразмерность, порядок, тот, конечно, рассудит, что это не могло произойти без причины, и поймет, что есть некто, стоящий во главе всего этого, которому все повинуются. Тем более, наблюдая столь великие передвижения и столь великие изменения многих связанных между собой вещей, связи между которыми в течение безмерного и бесконечного времени никогда ни в чем не нарушаются, необходимо признать, что все великие передвижения в природе управляются неким умом (*mens*).

VI. (16) Хрисипп же, хотя это человек ума проницательнейшего, говорит так, как будто его сама природа научила, а не сам он это открыл. «Если, — говорит он, — есть нечто такое во вселенной, чего ум человека, человеческий рассудок, сила, могущество сделать не могут, то определенно тот, кто это сделал, лучше человека. Но человек не мог создать небесные тела (*res caelestes*) и все то, чему присущ вечный распорядок. Следовательно, тот, кто все это

создал, лучше человека. Почему же не сказать, что это бог? Ведь если богов нет, то что может быть во вселенной лучше человека? Ибо только в нем одном есть разум (ratio), превосходнее которого ничто не может быть. Но было бы безумным высокомерием со стороны человека считать, что лучше его во всем мире нет. Значит, есть нечто лучшее, значит, есть бог»³⁴. (17) Действительно, когда смотришь на большой и прекрасный дом, разве ты, даже не видя его хозяина, не сможешь сделать вывод, что дом этот построен отнюдь не для мышей и ласочек³⁵? Но не явным ли безумием с твоей стороны окажется, если ты будешь считать, что все великолепие мира, столь великое разнообразие и красота небесных тел, огромные пространства моря и земли — все это жилище для тебя, а не для бессмертных богов? Разве мы не понимаем, что все то, что располагается выше, то лучше. Земля расположена ниже всего, и ее окружает весьма плотный воздух. И есть некоторые области и города, в которых вследствие особенной плотности воздуха ума людей тупее. Так же обстоит дело со всем родом человеческим по той причине, что он населяет землю, т. е. самую плотную область мира.

(18) И, однако, из самого наличия в людях сообразительности (sollertia) мы должны прийти к заключению, что есть некий ум, более проникающий и божественный. Ибо «откуда же человек ее прихватил?», как говорит у Ксенофонта Сократ³⁶. Если кто спросит, откуда в нас и влажность и тепло, которые разлиты в нашем теле, и сама земная плотность его плоти и, наконец, оживляющая его душа³⁷, то очевидно, что одно мы взяли от земли, другое — от влаги, иное — от огня, иное — воздуха, который мы вводим в себя дыханием³⁸.

VII. Но где мы нашли, откуда вынесли то, что выше всего этого, я имею в виду разум (ratio), или, если угодно во многих словах, ум (mens), благоразумие (consilium), мышление (cogitatio), рассудительность (prudentia)? Или все прочее мир будет иметь, а этого одного, самого главного не будет?

Но ведь определенно нет ничего лучше мира, ничего превосходнее, ничего прекраснее, не только нет, но и представить себе что-либо лучшее никто не может. А если нет ничего лучше разума и мудрости (ratio et sapientia), то необходимо ведь, чтобы и эти качества были присущи тому, что мы признали наилучшим. (19) А эта всеобщая согласованность, неразрывная связь и гармония³⁹, царящие среди вещей, разве не вынудят любого признать правоту моих слов? Земля раз за разом может то покрываться цветами, то снова замерзает. По стольким изменениям, которые происходят в природе, мы знаем, что Солнце то приближается к нам, то удаляется в дни зимнего и летнего солнцестояния; морские приливы и отливы связаны с восходом и заходом Луны; при одном обращении всего неба сохраняются неравные передвижения звезд. Конечно, такая согласованность между различными частями вселенной не могла бы иметь места, если бы она не удерживалась бы единым божественным и неразрывным духом (spiritus).

(20) Эти мысли легче избегнут превратного толкования со стороны академиков, если их изложить подробнее и пространнее, что я и намерен сделать. Если же излагать их, как это делал Зенон, в более краткой и сжатой форме, то они более уязвимы для критики. Ибо как проточная вода или мало, или совсем не портится, а стоячая портится легко, так и поток речи смыкает злословие⁴⁰ хулителей. Но сжатой и краткой речью не легко защититься. То, о чем мы говорим пространно, Зенон в сжатом виде выразил так:

VIII. (21) «То, что пользуется разумом, лучше того, что разумом не пользуется. Нет ничего лучше мира: итак, мир пользуется разумом». Сходным образом можно доказать, что мир мудр, блажен, вечен — ведь все, в чем имеются эти качества, лучше того, в чем этих качеств не хватает. А так как нет ничего лучше мира, то выходит, что мир есть бог⁴¹.

(22) Тот же Зенон рассуждает следующим образом: «Никакая часть [целого], лишенного способности чувствовать, не может быть чувствующей. Части мира способны чувствовать, следовательно, мир не лишен способности чувствовать». Он же продолжает и в столь же сжатой форме: «То, — говорит он, — что лишено души и разума, не может породить из себя нечто одушевленное и владеющее разумом. Мир же порождает одушевленное и владеющее разумом. Следовательно, мир должен быть одушевленным и владеющим разумом»⁴². И Зенон методом уподобления, как он часто делает, приводит к заключению следующим образом: «Если бы на оливковом дереве родились флейты, исполняющие разные мелодии, разве усомнился бы ты в том, что и самому оливковому дереву присущи некоторые познания в игре на флейте? А если бы на платане росли некие струнные инструменты, издающие гармоническое звучание, то ты бы, надо думать, посчитал, что и платанам присуща музыкальность. Почему же не считать мир одушевленным и разумным, раз он порождает из себя одушевленное и разумное?».

IX. (23) Хотя в начале своей речи я сказал, что в первой ее части нет необходимости, так как для всех очевидно, что боги существуют, однако теперь хочу подкрепить это самое доводами физическими. Дело обстоит таким образом, что все то, что принимает пищу и растет, содержит в себе силу тепла, без которой нельзя ни питаться, ни расти. Ибо все теплое и огненное возбуждается, приводится в действие своим же движением. А то, что питается и растет, использует некое движение, упорядоченное и равномерное. Пока это движение сохраняется в нас, сохраняется в нас и способность чувствовать, и жизнь, а когда жар [внутри нас] охладевает и гаснет, мы и сами умираем и гаснем. (24) А сколь велико количество тепла во всяком теле, Клеанф доказывал следующими доводами: он утверждал, что нет пищи, настолько тяжелой, что она не переварилась бы [в желудке] в течение дня и ночи. И даже в остатках ее, естественно извергаемых, содержится тепло. Далее, непрекращающееся биение вен и артерий как бы следует колебанию огня, и часто замечали, что только что исторгнутое сердце какого-нибудь живого существа трепещет и бьется с частотой, подражающей частоте биения пламени. Следовательно, все, что живет, будь то животное или растение, живет благодаря заключающемуся в нем теплу. Из чего следует заключить, что эта тепловая природа (*caloris natura*) имеет в себе жизненную силу, распространяющуюся на весь мир.

(25) Мы это легче поймем, если подробнее разберем все виды этого всепроникающего огня. Итак, все части мира (я коснусь только наибольших) поддерживаются и подкрепляются огнем. Это особенно очевидно при рассмотрении природы земли (*terrena natura*), ибо, как мы видим, и от удара камень о камень, и от трения рождается огонь, и свежевскопанная теплая земля дымится. Из неиссякающих колодцев извлекается теплая вода, и особенно в зимнее время, потому что великое количество тепла содержится в недрах земли, а земля зимою становится плотнее, и по этой причине сильнее сжимает заключающееся в ней тепло.

X. (26) Можно было бы в долгой речи множеством доводов доказать, что все семена, которые земля принимает в себя, и те, которые она сама из себя родит⁴³ и, закрепив в себе корнями, удерживает, — все это и рождается и растет благодаря умеренному теплу. А что и в воде также есть примесь тепла, об этом свидетельствует прежде всего жидкое ее состояние и способность разливаться. Ибо мы видим, что холода превращают ее в лед, в снег, в иней, но от добавления тепла она становится жидкой и разливается. Так и от северных ветров, и других, приносящих холода, застывает влага, и она же, наоборот, размягчается, согревшись, и тает от тепла. И моря, волнующие ветрами, так теплеют, что легко можно понять, что и в этих огромных массах воды заключается тепло, которое не извне туда поступило, но из глубин самого моря, возбужденного волнением; так ведь происходит и с нашим телом, когда оно от движения и упражнений согревается.

(27) И сам воздух, который по природе своей — самая холодная [из стихий], вовсе не лишен тепла, напротив, в нем тоже есть примесь тепла и притом большая. Ведь воздух и рождается-то от испарения вод. В нем следует видеть как бы некий пар, исходящий от вод, а он ведь возникает от движения того тепла, которое содержится в воде. Подобное мы можем наблюдать, когда вода вскипает на огне.

А что касается оставшейся, четвертой части мира⁴⁴, то она и сама по природе своей вся горячая и прочим стихиям сообщает спасительное и животворящее тепло. (28) Но из этого следует заключить, что раз все части мира поддерживаются теплотой, то и сам мир также обязан своим длительным существованием той же причине. Более того, следует понять, что эта жаркая и огненная стихия так разлита во всей природе, что возбуждает в ней силу производить и рождать, от этой причины и рождаются и растут все живые существа и растения.

XI. (29) Итак, есть природа (*natura*), которая заключает в себе весь мир, сохраняет его, и она не лишена чувства и разума; ибо всякая природа, которая не обособлена и не проста, но сопряжена и связана с чем-то другим, имеет в себе нечто главенствующее: в человеке, например, это — ум (*mens*), в животном — нечто подобное уму, от чего у него рождаются влечения. У деревьев же и других [растений], которые рождаются из земли, главенствующее начало, как полагают, кроется в корнях. Я называю главенствующим (*principatum*) то, что греки называют ἡγεμονικόν, то, что является важнейшим в своем роде и чего важнее быть не может и не должно быть. Итак, необходимо, чтобы и то, в чем состоит главенствующее начало всей природы, было бы всего лучше и более всего достойно могущества и власти над всеми вещами.

(30) Но мы уже знаем, что в частях мира (ибо в мире (*mundus*) ведь нет ничего, что бы не было частью единого (*universum*)) имеются чувства и разум. Следовательно, эти качества необходимо должны быть и в той части мира, которая составляет его главенствующее начало, и притом должны быть в превосходной степени (*acriora et maiora*). Поэтому мир необходимо должен быть мудр, и та природа, которая все охватывает и содержит, должна превосходить все остальное совершенством разума. Стало быть, мир и есть бог, и божественная природа заключает в себе всю силу мира. Но тот мировой огонь чище, прозрачнее и подвижнее, и по этим причинам намного более способен к возбуждению чувств, чем это наше тепло, которым все известное нам содержится и живет.

(31) Итак, если люди и животные держатся этим теплом и вследствие этого могут двигаться и чувствовать, то нелепо утверждать, что способности чувствовать лишен мир, который поддерживается огнем совершенно свободным и чистым и поэтому всепроникающим и подвижнейшим, в особенности потому, что этот огонь, присущий самому миру, не зажжен кем-то другим, и он сам — причина своей активности, а не какой-то внешний импульс приводит его в движение. Ибо что другое может быть более значительное (*valentius*), чем мир, что могло бы возбудить и привести в движение тот жар, которым мир держится?

XII. (32) Но послушаем Платона, как бы некоего бога философов⁴⁵. По его мнению⁴⁶, есть два движения: одно — свое, другое — [вызванное] извне; из них то, что приходит в движение само собой (*ex se sua sponte*), божественнее, чем вызванное посторонней силой. Первый вид движения он приписывает только душам, и от них-то, считает он, происходит начало движения. Стало быть, поскольку от мирового огня рождается всякое движение, а этот движется не от постороннего импульса, а сам собой, то он должен быть душою. Следовательно, мир одушевлен. А из этого можно понять также, что в нем есть и разумность (*intelligentia*), ведь мир, конечно же, лучше, чем любая природа. Но как любая часть нашего тела меньше, чем все наше тело в целом, так и мир в целом с необходимостью есть нечто

более значительное, чем любая его часть. А если это так, то мир необходимо разумен; ибо, если не так, то человек, который есть часть мира, будучи наделен разумом, должен стоять выше, чем весь мир. (33) Точно так же, если мы пожелаем совершить переход от самых примитивных, неразвитых существ до высших и совершенных, то мы необходимо придем к богам. Ибо прежде всего мы замечаем, что природа поддерживает тех, которые рождаются из земли, но забота о них природы ограничивается только тем, что она их питает и выращивает. (34) А животным еще дана способность чувствовать и двигаться вместе с неким стремлением достичь спасительного для них и уклониться от гибельного. Но человеку природа добавила сверх того разум, который бы управлял его душевными стремлениями, то давая им волю, то сдерживая.

XIII. Четвертая и самая высокая ступень — это те существа, которые рождаются от природы добрыми и мудрыми, которым изначально присущ врожденный разум, верный и постоянный, который должно считать сверхчеловеческим и уделом бога, т. е. мира. У мира по необходимости должен быть совершенный и абсолютный разум. (35) Ибо невозможно представить себе, чтобы в мире не было ничего наивысшего и совершенного. И виноградной лозе, и скоту, как мы знаем, свойственно от природы неким своим путем продвигаться к совершенству, если этому не препятствует какая-нибудь сила. И как в живописи, или в зодчестве, или в любом другом искусстве есть свои совершенные произведения, так и во всей природе тем более должно быть нечто совершенное, ибо всему прочему могут быть многие внешние препятствия к достижению совершенства, но всей природе в целом ничто не может воспрепятствовать — ведь она сама все в себе содержит. Стало быть, необходимо должна быть эта четвертая и высочайшая ступень, с которой ничто не может сравниться. (36) И это та ступень, на которой находится вся вселенная в целом. А если она такова, если она и превосходит все и ей ничто не может быть препятствием, то безусловно мир разумен и даже мудр. И что может быть глупее, чем утверждать, что то, что включает в себя все, не является наилучшим, не является, во-первых, одушевленным, затем — владеющим разумом и рассудком (*ratio et consilium*), наконец, — мудрым. А что же еще другое, если не мир, может быть наилучшим? Ничто похожее на растение или даже на животное, ни одно существо, наделенное разумом, ни даже сам человек. Ибо человек может сделаться мудрым, но мир, если в бесконечно далеком прошлом был неразумным, конечно, никогда не обрел бы мудрости. Итак, он был бы хуже человека. А поскольку это нелепость, то следует считать мир и изначально мудрым и богом. (37) Нет ничего другого, помимо мира, что бы включало в себя все, что было бы всесторонне упорядоченно, совершенно, безукоризненно во всех отношениях⁴⁷, во всех своих частях.

XIV. Хрисипп тонко подметил, что чехол изготовлен ради щита, ножны — ради меча, так, кроме мира, все остальное произведено — что-то одно ради чего-то другого. Например, плоды и злаки земля родит ради животных, животные рождаются ради людей, лошадь — для того, чтобы на ней ездить, вол — для пахоты, собака — для охоты и охраны.

Сам же человек рожден, чтобы созерцать мир⁴⁸, размышлять и действовать в соответствии с этим. Он никоим образом не совершенен, он какая-то частица совершенного.

(38) Но мир, поскольку он все охватывает и нет ничего, что бы в нем не содержалось, во всех отношениях совершенен. Ведь как может чего-то недоставать тому, что является наилучшим? Но нет ничего лучше ума и разума. Значит, невозможно, чтобы у мира их не было.

Хорошо об этом говорит тот же Хрисипп. Применяв метод уподобления, он учит, что все лучшее проявляется в законченном и зрелом: в лошади — лучше, чем в жеребенке, в собаке — чем в щенке, во взрослом мужчине — чем в мальчике. Так же то, что во всем мире является

наилучшим, то должно содержаться в чем-то законченном и совершенном. (39) Но нет ничего совершеннее мира, нет ничего лучше добродетели. Значит, миру свойственна добродетель. Да, конечно, человеческая природа несовершенна, и все же в человеке проявляется добродетель. Насколько легче представить ее в мире! Итак, в мире есть добродетель, он и мудр, и поэтому он — бог!

XV. Убедившись в божественности мира, следует уделить ту же божественность небесным светилам. Они ведь рождаются из подвижнейшей и чистейшей части эфира, без малейшей примеси другого элемента, так что они сплошь огненные и прозрачные, и их также с полным основанием следует считать одушевленными и способными чувствовать и мыслить. (40) А то, что они все огненные, это, считает Клеанф, подтверждают свидетельства двух наших чувств: осязания и зрения. Солнечный свет ярче любого другого огня, ведь он освещает мир на огромное расстояние в длину и в ширину. И он дает нам не только ощущение тепла, но часто даже обжигает, что не могло бы произойти, не будь он огненным. Итак, говорит Клеанф, поскольку солнце огненное и питается испарениями океана⁴⁹, так как никакой огонь не может продержаться без некоторого питания, то, значит, оно похоже или на тот огонь, которым мы пользуемся, например, для приготовления пищи, или на тот, который содержится в телах живых существ. (41) Но этот наш огонь, в котором мы нуждаемся для житейских надобностей, — губитель и пожиратель всего; куда бы он ни ворвался, он все разрушает и рассеивает. Напротив, тот, что в телах, животворен и спасителен, он все сохраняет, питает, растит, поддерживает, придает способность чувствовать⁵⁰. Стало быть, можно не сомневаться, которому из этих огней подобно Солнце, раз и оно тоже делает так, что все расцветает, и каждое в своем роде созревает. А если солнечный огонь похож на те огни, что в телах живых существ, то и Солнце должно быть живым, а также и остальные светила, рождающиеся в небесном огне, который мы называем эфиром или небом. (42) Но если рождение одних живых существ происходит на земле, других — в воде, третьих — в воздухе, то было бы, по мнению Аристотеля⁵¹, нелепостью думать, что в той части мира, которая наиболее способна рождать живое, ничто живое не рождается. Звезды же находятся в тех местах, где эфир. И так как эфир — стихия тончайшая, в постоянном движении и полон силы, то и то, что в нем рождается, должно быть живым и необходимо должно отличаться и острейшей чувствительностью и величайшей подвижностью. А так как в эфире рождаются звезды, то следует думать, что и им присущи способность чувствовать и мыслить. Из чего следует, что звезды должны быть причислены к богам.

XVI. Можно наблюдать, что люди, обитающие в тех странах, где воздух более чист и тонок, отличаются более острым умом⁵², способны лучше соображать, чем жители стран с густой и плотной атмосферой. (43) Считают, что даже пища, которую употребляют, как-то влияет на остроту ума. Стало быть, вполне вероятно, что в звездах заключается превосходный разум, поскольку они и населяют эфирную часть мира и питаются влажными испарениями земель и морей, истонченными вследствие большой отдаленности. А о наличии у звезд способности чувствовать и мыслить более всего свидетельствуют их порядок и постоянство их движения, в которых нет ничего произвольного, ничего изменчивого, ничего случайного. А ведь нет ничего такого, что могло бы разумно и размеренно двигаться без участия рассудка (*consilium*). Этот порядок в звездах и их извечное постоянство невозможно связывать ни с природой (хотя она полна разума), ни со слепым случаем, который — друг изменчивости и враг постоянства. Из этого, стало быть, следует, что они движутся по собственному побуждению, руководствуясь своим чувством, своей божественностью.

(44) Заслуживает похвалы Аристотель за то, что учил, что все движущееся движется или по [своей] природе, или [внешней] силой, или по [своей] воле (*aut natura, aut vi, aut voluntate*)⁵³. Движутся Солнце и Луна и все звезды. То, что движется природой, то либо от своей тяжести несется вниз, либо вследствие легкого веса — вверх. Ни то, ни другое не относится к звездам,

потому что их движение происходит по кругу. Нельзя также сказать, что их движение вызвано некой большей силой, так что звезды якобы движутся вопреки [своей] природе, ибо что может быть больше [их]? Итак, остается считать, что звезды движутся самопроизвольно. Тот, кто их видит и все же отрицает существование богов, поступает поэтому не только невежественно, но и нечестиво. Но, конечно, небольшая разница — отрицать ли существование богов или утверждать, что они ни о чем не заботятся, ничего не делают; мне так кажется, что тот, кто ничего не делает, как бы вовсе не существует. Итак, что боги существуют, настолько очевидно, что того, кто это отрицает, едва ли можно считать в здравом уме.

XVII. (45) Остается обсудить, какова природа богов. В этом вопросе главная трудность состоит в том, чтобы отвести умственный взор от привычного для глаз. Эта трудность приводит к тому, что и простой народ и философы, уподобившиеся невежественному люду⁵⁴, не могут представить себе богов, иначе как в человеческом облике. Неосновательность этого мнения уже достаточно показал Котта, так что мне об этом незачем и говорить. Но так как в душе у нас заложено определенное представление⁵⁵, что бог таков, что, во-первых, он одушевлен и затем, что во всей природе нет ничего превосходнее его, то я не вижу, что более соответствовало бы этому представлению и понятию, чем утверждение, что этот самый мир, которого ничто не может быть превосходнее, он и одушевлен, и бог, (46) Пусть сколько угодно шутит Эпикур, человек менее всего способный на шутку и вовсе не напоминающий этим свое отечество⁵⁶, пусть говорит, что не может понять, каков этот вращающийся и круглый бог, никогда он не убедит меня отказаться от того, что он и сам утверждает. По мнению Эпикура, боги существуют, поскольку необходимо должна быть некая природа (natura), столь превосходная, что лучше ее нет ничего. Но ведь определенно нет ничего лучше мира. Без сомнения, то, что одушевлено, что имеет и чувство, и разум, и ум, то лучше того, что лишено этого. (47) Так получается, что одушевленный мир владеет чувством, умом, разумом, а отсюда следует заключение, что мир — это бог. Но это станет немного спустя еще более понятным из тех самых дел, которые совершает мир.

XVIII. Между прочим, Веллей, не выставляй, пожалуйста, на вид, что вы совершенно не получили никакого образования. Ты говоришь, что и конус, и цилиндр, и пирамида тебе кажутся более красивыми, чем шар. Необычные у вас взгляды [на красоту]! Но пусть они будут красивее на вид, хотя мне самому это не кажется, ибо какая фигура может быть красивее той, которая одна заключает в себе все остальные фигуры, которая не имеет никакой шероховатости, никакой неровности, ни одного угла, о который можно порезаться, никаких надломов, ни одного выступа, ни одной впадины? В сущности только две формы являются превосходнейшими: из объемных — шар (globus), ибо так следует переводить [греческое] σφαῖρα; из плоских — круг, или окружность (по-гречески κύκλος); только этим двум формам присуща та особенность, что все их части совершенно сходны между собой и крайние точки отстоят от центра на одинаковом расстоянии — правильнее этого ничего не может быть. (48) Но если вы этого не видите оттого, что никогда не нюхали ученой пыли⁵⁷, то неужели вы, физики, не могли додуматься до того, что равномерность движения, постоянство и упорядоченность никак не могли бы сохраниться в другой фигуре? Итак, ничто не может быть невежественнее того, что вы обычно твердите. Вы говорите, что этот самый мир необязательно должен быть круглым, что, может быть, он имеет другую фигуру и бесчисленные другие миры имеют другие формы. (49) Если бы Эпикур выучил, сколько будет дважды два, он бы, наверное, не говорил этого. Но, как говорит Энний⁵⁸:

Пока он решал, что всего лучше, нёбом,
Он своих глаз не поднял на свод неба⁵⁹.

XIX. Ведь есть два вида звезд; из них одни, совершая свои движения по неизменным путям с востока на запад⁶⁰, никогда ни на шаг не отклоняются от своего направления, другие же

совершают непрерывные обращения по двум, всегда одним и тем же путям и направлениям⁶¹. Оба эти явления свидетельствуют как о вращении самого мира, которое было бы невозможно, если бы он не был шарообразной формы, так и о круговых орбитах звезд. Прежде всего скажем о Солнце, которое занимает главенствующее положение среди звезд. Оно движется таким образом, что когда щедрым светом заливают земли, то эти земли то в одних, то в других частях оставляет в тени. Ибо сама тень земли, застилая солнце, производит ночь⁶². Продолжительность ночей [в совокупности] та же, что и дней. Солнце, то в меру приближаясь, то отдаляясь, регулирует меру воспринимаемого нами и тепла и холода. Триста шестьдесят пять оборотов Солнца с добавкой около одной четвертой части дня составляют годичный круговорот⁶³. А отклоняя свой путь то к северу, то к югу, Солнце производит лето и зиму и те два времени года, из которых одно примыкает к состарившейся зиме, другое — к лету. Вот эти-то четыре сменяющиеся времени года являются причиной и началом всего, что производит земля и море. (50) Луна проходит за месяц тот же путь, что Солнце за год. Свет ее слабее всего, когда она ближе подходит к Солнцу, самый же полный [свет], когда она дальше всего отходит. И не только вид и форма ее меняются, то вырастая [до полноты], то убывая до конца, но также и местонахождение в небе: то в северной его части, то в южной. Вследствие этого и в пути Луны есть нечто подобное и зимнему и летнему солнцестоянию. И многое от них происходит такого, от чего и живые существа питаются, и растения, порождаемые землей, растут и вырастают и достигают полной зрелости⁶⁴.

XX. (51) Особенно поразительны передвижения тех пяти звезд, которые неверно называются «блуждающими» (“errantes”)⁶⁵, потому что вовсе не блуждает то, что в продолжение всей вечности сохраняет постоянство и закономерность своих передвижений, поступательных, возвратных и остальных. Но особенно удивительно в звездах, о которых мы говорим, то, что они то скрываются, то снова появляются, то удаляются, то возвращаются, то движутся, опережая Солнце, то следуют за ним, и движутся то скорее, то медленнее, то совсем не движутся, а некоторое время стоят на месте. Исходя из неравномерных их движений, математики и установили «великий год», который наступает тогда, когда Солнце, Луна и пять планет, после того как все они прошли свои пути, займут то же взаимное расположение⁶⁶. (52) Насколько он долог — большой вопрос. Но он неизбежно имеет определенную и конечную длительность.

Та [планета], которую называют звездой Сатурна, а греки — Φαίωνα, самая далекая от Земли, совершает свой путь приблизительно за тридцать лет⁶⁷, причем в этом пути она движется самым удивительным образом, то впереди [Солнца], то отставая [от него], то скрывается в вечернее время, то снова появляется в утреннее. И на протяжении бесчисленных столетий, всей вечности ничто не меняется в последовательности ее движений.

А ниже этой, ближе к Земле, движется звезда Юпитера, которую называют Φαέθων, тот же круг двенадцати созвездий Зодиака она проходит за двенадцать лет и на своем пути меняет свое движение так же, как звезда Сатурна. (53) Ближайшую к нему нижнюю орбиту занимает Πιρόεις, называемая также звездой Марса, она обходит тот же круг Зодиака, что и две верхние за двадцать четыре месяца без шести, если я не ошибаюсь, дней. А ниже этой есть звезда Меркурия, ее греки называют Στίλβων, она обходит пояс созвездий Зодиака приблизительно за год, и, не отдаляясь больше чем на одно созвездие от Солнца, то обгоняет его, то следует за ним. Нижняя из пяти планет и ближайшая к Земле — это звезда Венеры, что называется по-гречески Φωσφόρος; (а по-латыни Lucifer), когда она восходит перед Солнцем, и Έσπερος, когда выходит после него. Она завершает свой путь за год и обходит пояс Зодиака, его ширину и длину (то же, что делают верхние планеты, то предшествуя Солнцу, то следуя за ним, но не отдаляясь от него больше чем на два знака Зодиака)⁶⁸.

XXI. (54) Так вот, я не могу понять этого постоянства у звезд, эту поразительную согласованность их столь разнообразных путей в продолжение бесконечно долгого времени, если в этом не принимает участия ум, рассудок, разум. А если мы видим наличие этого в звездах, то не можем не причислить их к богам. Да и те звезды, которые называют «неблуждающими» (“*inerrantes*”), разве не обнаруживают также наличия в них ума и мудрости, судя по согласованности и постоянству их каждодневного обращения. Они ведь не передвигаются вместе с эфиром, не пригвождены к небу⁶⁹, как думают многие, не знающие физики. Да и не такова природа эфира, чтобы он мог силой своей охватить и вращать звезды, он ведь тонкий, и прозрачный, и проникнут равномерным жаром, и кажется недостаточно приспособлен к удержанию звезд. (55) Стало быть, неблуждающие звезды имеют свою [особую] сферу, не связанную с эфиром. А их годовичные пути с их вечным, изумительным постоянством свидетельствуют, что и в них есть божественные сила и ум. Тот, кто это не понимает, кажется, вообще ничего не способен понять.

(56) Итак, в небе нет места случайности, произволу, блужданию, суете (*vanitas*), в нем, напротив, полный порядок, истинность (*veritas*), разумность (*ratio*), постоянство. А те [небесные тела]⁷⁰, которым это не присуще, — это лишённые разума (*ementita*), и ложные (*falsa*); без определенного направления они носятся вокруг Земли, ниже Луны, которая сама ниже всех других, и врезаются в Землю. Тот, кто считает, что этот изумительный порядок и невероятное постоянство небес, который порождает все и всех, существование и благополучие, обошлись без ума, тот сам, следует считать, лишен ума. (57) Итак, я, по-моему, не сделаю ошибки, если далее поведу свое рассуждение, отправляясь от сказанного тем, кто более других продвинулся в поисках истины.

XXII. Зенон дает такое определение природе: природа, говорит он, это — творческий огонь, планомерно продвигающийся по пути к порождению (*ignis artificiosus ad gignendum progrediens via*)⁷¹. Он считает, что искусству более всего свойственно творить и порождать и то, что в произведениях наших искусств совершает рука человека, намного искуснее производит природа, т. е., как я уже сказал, творческий огонь — наставник в прочих искусствах. В этом смысле всякая природа является искусством, так как имеет как бы некий путь и метод (*viam et sectam*), которым следует. (58) Природу же самого мира, который охватывает и содержит в себе все, тот же Зенон называет не только творением искусства, но прямо художницей (“*artifex*”), попечительницей, провидящей все полезное и благоприятное для всех своих творений. И как другие природы, каждая от своих семян рождаются, растут, поддерживаются, так и природа мира [в целом] все свои движения совершает по своей воле, имеет свои влечения, стремления, которые у греков называются *ὁρμή*, и согласно с ними предпринимает [свои] действия, так же как и мы сами, движимые душами и чувствами.

Следовательно, таков ум мира, который по той причине справедливо можно назвать или «предусмотрительностью» (*prudencia*), или «провидением» (*providencia*) (греки же называют *πρόνοια*), что его главнейшая забота и главное занятие состоит, во-первых, в том, чтобы мир наилучшим образом был приспособлен для продолжительного существования, затем, чтобы он ни в чем не испытывал недостатка, а более всего — чтобы в нем была необыкновенная красота и все, что может его украсить.

XXIII. (59) Уже сказано о мире в целом, сказано также о звездах, так что уже появилась едва ли ни целая толпа богов, но не бездействующих и не таких, для которых деятельность является трудным и тягостным занятием. Ибо они не состоят ведь из жил, кровеносных сосудов, костей и не питаются кушаньями и напитками, которые могли бы скопить в них слишком острые и слишком густые соки. И тела их не таковы, чтобы они боялись падений или ударов, или опасались заболеть от усталости. Эпикур, остерегаясь этого, придумал бесплотных и ничего не делающих богов. (60) Но те наши боги, наделенные прекраснейшей

формой, помещенные в чистейшей области неба, так движутся и так направляют свой путь, что, кажется, они согласились сохранить все и обо всем заботиться.

И греческие мудрецы⁷², и наши предки не без основания установили и назвали богами многие другие природы за приносимые ими великие благодеяния. Ибо они полагали, что все, приносящее великую пользу роду человеческому, — это проявление божественной доброты к людям.

И вот то, что порождено богом, называли именем самого бога, например, плоды полей — Церерой, вино — Либером, отсюда известное место из Теренция⁷³:

Без Цереры и Либеры зябнет Венера.

(61) Затем названия и еще кое-чего, в чем усматривали наличие некой более значительной силы, становились названиями богов, как, например, Верность (*fides*), Ум (*mens*), которым, как мы видим, недавно были посвящены на Капитолии храмы М. Эмилием Скавром, а еще раньше посвятил храм Верности Аттилий Калатин. У тебя перед глазами храм Доблести (*virtus*), храм Чести (*honos*), который был восстановлен М. Марцеллом, а много лет тому назад, во время войны с лигурами, посвящен Кв. Максимом. А храмы Могуществу (*ops*)? Спасению (*salus*)? Согласию (*concordia*)? Победе (*victoria*)? Свободе (*libertas*)? Так как значение всего этого было столь велико, что без божественного вмешательства не обошлось, то и появились боги под этими именами. В таком же роде оказались именами богов слова: Похоть (*cupido*), и Наслаждение (*voluptas*), и Венера сладострастия (*lubentinae Venus*), слова, обозначающие порочное, а не природное. Хотя Веллей считает по-другому, но эти самые пороки часто весьма противны природе. (62) Итак, из-за великой пользы были признаны богами те вещи, которые порождали какую-то пользу. И по самим именам, которые я назвал только что, можно судить, какая у какого бога сила.

XXIV. Кроме того, общепринято у людей верить, что мужи, выдающиеся и прославленные своими благодеяниями, возносятся на небо. Так были [обожествлены] Геркулес, так — Кастор и Поллукс, так — Эскулап. Так и Либер; я имею в виду Либеру, рожденного Семелой, а не того, которого наши предки благоговейно и благочестиво обожествовали вместе с Церерой и Либерой, как это можно понять из мистерий; так как родившихся от нас мы называем *liberi* («дети»), то и рожденные Церерой были названы Либер и Либеру; за Либерой сохранилось это имя, за Либером — нет. Так был обожествлен и Ромул, которого отождествляют с Квирином⁷⁴. Так как их души продолжают жить и наслаждаются вечностью, то их справедливо считают богами, раз они и наилучшие и вечные.

(63) И еще из другого источника, а именно из наблюдений за природой, хлынуло [на небо] великое множество богов, которые, будучи наделены человеческой наружностью, дали обильный материал поэтам для их вымыслов, а жизнь людей наполнили всяким суеверием. Этот вопрос рассматривал Зенон, а позже обстоятельнее разъяснили Клеанф и Хрисипп. По всей Греции распространено древнее поверье, что Уран-небо (*coelum*) был оскотлен сыном, Сатурном, Сатурн же сам был заключен в оковы сыном Юпитером. (64) Но в этих нечестивых баснях кроется остроумный физический смысл: что небесная, выше всего находящаяся, огненная природа — эфир, поскольку сам от себя рождает все, не имеет части тела, служащей для совокупления и рождения потомства.

XXV. А в Сатурне хотели видеть того, кто вмещает в себя бегущие и сменяющие один другого отрезки времени. Он ведь у греков и носит соответствующее имя — *Κρόνος*, то же самое, что *Χρόνος*, т. е. отрезок времени. А Сатурном его называли от того, что он насыщается (*saturaretur*) годами. И выдумали, будто он имеет обыкновение пожирать родившихся от него,

потому что время поглощает отрезки времени и никак не насытится минувшими годами. А Сатурн был закован Юпитером, чтобы время не бежало слишком быстро; чтобы умерить его течение, на него были наложены звездные узы. Но сам Юпитер, т. е. *iuvans pater* («отец помогающий»), — его имя в косвенных падежах мы употребляем в форме *Jovis* — от *juvare* — «помогать» — поэтами зовется «Отец и богов и людей», а предки наши называли его «Всеблагий» («*optimus*») и «Величайший» (*maximus*), причем обращение «Всеблагий», т. е. благодетельнейший, было более ранним, чем «Величайший», потому что важнее и, конечно, благодетельнее помогать всем, чем обладать великим могуществом.

(65) Энний, как я уже упомянул, так говорит о его названии:

Ты взирай на эту высь сияющую, что зовут
Все Юпитером.

Это проще, чем в другом месте у этого же поэта:

Тому, что светит, что бы это ни было, я посвящу то, что во мне⁷⁵.

Так что и наши авгуры, когда произносят: «О, Юпитер, мечущий молнии, гремющий громом!», то, в сущности, говорят: «О небо, мечущее молнии и гремющее громом». Еврипид же, прекрасно написавший о многом, эту мысль кратко выразил так:

Ты видишь высоко разлитый беспредельный
Эфир, что нежно землю охвативши обнял,
Его верховным богом признавай, Юпитером⁷⁶.

XXVI. (66) Воздух же, который находится между морем и небом, обожествляется, как учат стоики, под именем Юноны, сестры и супруги Юпитера, так как у воздуха есть сходство с эфиром и теснейшая с ним связь. Придали же воздуху женский пол и определили Юноне, потому что нет ничего нежнее его. Но я уверен, что и Юноны имя происходит от *juvare*.

В поэтических вымыслах говорится о делении [мира] на три царства. [Об эфире было сказано], остаются вода и земля. Итак, Нептуну, в котором хотят видеть брата Юпитера, было отдано все морское царство. И как имя бога портов (*Portunus*) происходит от *portus* (порт), так имя Нептуна (*Neptunus*) произведено от *nare* (плавать), с небольшим изменением первых букв.

А вся земная жизнь и природа были посвящены отцу Диту, он же зовется у нас «Богатый» (*dives*), как у греков *Πλούτων*, потому что и возвращается все в землю, и происходит все из земли. Жена у него Прозерпина (имя это греческое) — это та, что у греков именуется *Περσεφόνη*, ибо в ней хотят [видеть] семя полевых плодов. Выдумали, будто ее, похищенную и спрятанную, ищет мать. (67) Мать же зовут *Ceres*, слово *Ceres* (Производительница); первая буква была случайно изменена, как и у греков получилось *Δημήτηρ* (Деметра) из *Γημήτηρ* (Земля-мать); как *Mavors* (Марс) происходит от того, что он *magna verteret* (великое переворачивает), как *Minerva* (Минерва) — от того, что она или уменьшает (*minueret*), или угрожает (*minaretur*).

XXVII. Так как во всех делах важнейшее значение имеют начало и конец, то решили при обращении к богам начать с Януса, имя которого и произведено от *ire* (ходить), от которого и открытые проходы называются *iani*, а двери у входов в жилые помещения — *ianua*.

Имя Весты идет от греков, она ведь та, которая у них зовется *Ἑστία*, и власть ее простирается над жертвенниками и очагами. Так что этой богине, которая является

хранительницей всего домашнего, и всякая молитва, и всякое жертвоприношение лучшее. (68) Почти ту же власть имеют и боги-пенаты, название которых произведено либо от *penus* — ведь так называют все, чем питаются люди, либо от того, что они обитают внутри (*penitus*), и по этой причине поэты называют их также *Penetrales* (Проникающие).

И имя Аполлона тоже греческое, в нем хотят видеть Солнце. А Диану считают той же Луной, Солнце (*sol*) называется так или потому, что оно единственное (*solus*) из всех звезд столь велико, или потому, что, когда оно восходит, [все] светила вокруг меркнут, и видно одно Солнце.

Луна (*luna*) названа так от *lucere* (светить), другое ее имя Люцина, и вот, как у греков при родах взывают к Диане, называя ее также другим именем — Светоносная, так у наших призывают Юнону — Люцину. (69) Та же Диана зовется «Всюдубродящая», но не оттого, что, охотясь, бродит повсюду, а потому что она считается одной из семи как бы «блуждающих» звезд. Дианой же [Луна] зовется потому, что ночь она как бы обращает в день (*dies*). А обращаются к ней при родах потому, что беременность длится иногда семь, а по большей части девять лунных оборотов, которые называются *menses* (месяцы), так как совершаются в измеренные промежутки времени. Остроумную мысль высказал всегда остроумный Тимей⁷⁷. Рассказав в своей «Истории» о том, что в ту самую ночь, когда родился Александр, сгорел дотла храм Дианы Эфесской⁷⁸, он добавил: ничего удивительного, ведь Дианы, которая хотела присутствовать при родах Олимпиады, в это время не было дома. Ту же богиню, которая приходит к каждой вещи, наши называли Венерой (*Venus*). И скорее от ее имени произошло *venustas* (прелесть), чем *Venus* от *venustas*.

XXVIII. (70) Замечаете вы, как от правильного и полезного познания природных вещей рассудок человеческий был отвлечен в мир выдуманных, воображаемых богов? Вот что породило ложные мнения, ошибки, вносящие путаницу, суеверия почти бабьи. Получилось, что нам известны и облики богов, и возраст, и одежда, и украшения, их родословия и их браки, их родственные отношения, все это было перенесено на них для того, чтобы уподобить их слабому роду человеческому. Ибо их даже представляют одолеваемыми разными страстями. Мы знаем о похоти, печали, гневе богов. Выдумали даже, что они ведут войны, участвуют в сражениях, и не только, как у Гомера⁷⁹, у которого одни боги защищали одно войско, другие — другое; боги даже вели и свои собственные войны, как, например, с титанами, или с гигантами. А ведь это рассказывать и верить этому — величайшая глупость, полная чепуха и крайнее легкомыслие. (71) Однако же, отбросив эти басни, можно признать существование богов, относящихся к природе каждой вещи: к земле, например, Цереры, к морям — Нептуна и других, признать их такими, какими их общее мнение представило и под теми же именами. Мы должны относиться к этим богам с благоговением и почитать их. А самая лучшая, самая бескорыстная, самая светлая и полная благочестия форма почитания богов состоит в том, чтобы всегда и в мыслях, и словами искренне чтить их чисто и беспорочно. Не только философы, но и предки наши делали различие между религией и суеверием. (72) Ибо те, которые целыми днями молились и приносили жертвы, чтобы их дети пережили их (*superstiti sibi essent*), те были названы суеверными (*superstitiosi*), позже это название приобрело более широкий смысл. А те, которые над всем, что относится к почитанию богов, усердно размышляли и как бы перечитывали (*relegerent*), были названы религиозными (*religiosi*) (от *relegere*, как *elegantes* от *eligere*, *diligentes* от *diligere*, как *intelligentes* от *intellegerere*). Ибо во всех этих словах тот же корень (*vis legendi*), что и в слове *religious*⁸⁰. Итак, из двух слов «суеверно» и «религиозно» первое стало обозначать порицание, а второе — похвалу. А теперь, мне кажется, достаточно было показано и что боги существуют, и каковы они.

XXIX. (73) Теперь моя задача доказать, что мир управляется провидением богов. Это, конечно, очень важное положение, и оно подвергается сильным нападкам со стороны ваших, Котта, так что весь спор, разумеется, с вами. Ибо вашим, Веллей, меньше всего известно, что говорят об этом представители других школ, — вы ведь только своих и читаете, своих любите, остальных же по невежеству осуждаете. Вот и ты сам вчера сказал⁸¹, что стоики, де, вывели на сцену вещую старуху *прóνοια*, т. е. провидение. Ты сказал это по ошибке, потому что полагаешь, что стоики выдумали провидение, как бы некую особую богиню, которая управляет миром и правит им. А между тем это только сокращенное выражение. (74) Как говорят: «Афинским государством управляет совет», опустив слово «Ареопаг»⁸², так и мы, когда говорим: «Провидение правит миром», то следует понимать, что здесь опущено слово «богов». Полным и законченным должно считать: «Провидение богов правит миром». Так что не тратьте в насмешках над нами вашей соли, которой и так вашему племени не хватает. И, — клянусь Геркулесом, если бы вы меня выслушали, то даже не пытались бы этого делать: не подобает, не дано вам, не можете! К тебе, Веллей, это, впрочем, не относится, поскольку ты получил по нашим обычаям утонченное воспитание; я имею в виду остальных ваших и более всего того, кто родил эту школу, человека невоспитанного, без образования, который над всеми издевается, нисколько не остроумно, не зная меры и грубо.

XXX. (75) Итак, я говорю, что провидение богов и сначала устроило весь мир и все части мира⁸³, и оно во все времена управляет ими. Обсуждение этого вопроса наши обычно делят на три части. В первой исходят из доказательства существования богов. Согласившись с тем, что боги существуют, должно признать, что мир управляется их разумением. Во второй части доказывається, что все в мире подчинено мыслящей природе (*naturae sentienti*), которая всем прекраснейшим образом управляет. Установив это, делается вывод, что все в мире порождено некими одушевленными началами (*animantia principia*). Третья часть исходит из рассмотрения поразительных явлений в небе и на земле.

(76) Во-первых, должно либо отрицать существование богов — Демокрит и Эпикур, выведя один «подобия» (*simulacra*), другой «образы» (*imagines*)⁸⁴, это так или иначе сделали — отрицали, — либо те, которые согласны, что боги существуют, должны признать, что они что-то делают и делают превосходно. Но нет ничего превосходнее управления миром; следовательно, миром управляет разумение богов. Иначе, конечно, необходимо должно существовать нечто лучшее и наделенное большей силой, чем бог, что бы это ни было: бездушная ли природа, или возбужденная великой силой необходимость (*necessitas vi magna incitata*), которая и совершает те великие дела, что мы видим. (77) Но в таком случае выходит, что природа богов и не всемогуща (*græpotens*), и не превосходит все остальное, раз боги подчинены или необходимости, или природе, которая и управляет небом, морями и землями. А ведь ничто не может быть превосходнее бога. Следовательно, он необходимо и правит миром. Итак, бог не подчиняется и не подвластен никакой природе, он сам правит всей природой. А если мы согласимся с тем, что боги обладают разумом, то мы должны согласиться также, что им свойственно и провидение, и притом в самых важных делах. А можно ли представить, что боги или не знают, какие дела важнейшие и как их надо выполнять, или силы не имеют для этого? Но и незнание чуждо природе богов, и не может быть, чтобы им из-за недостатка силы было трудно выполнять свои дела, это никак не вяжется с величием богов. Отсюда и следует то, что мы желаем доказать, что провидение богов управляет миром.

XXXI. (78) Но коль скоро боги существуют, если только они существуют — а они, конечно, существуют, — то они необходимо должны быть одушевленными, и не только одушевленными, но и обладающими разумом и связанными между собой как бы узами общего гражданства, должны править единым миром⁸⁵, как бы общей республикой или неким городом. (79) Отсюда следует, что в них тот же, что в роде человеческом, разум, та же самая истина, тот же закон, предписывающий делать доброе и отвращать злое. А из этого понятно,

что и благоразумие, и ум к людям перешли от богов, и именно по этой-то причине установлениями [наших] предков были обожествлены и почтены храмами Ум, Верность, Доблесть, Согласие. Так можно ли отрицать у богов эти достоинства, в то время как мы преклоняемся перед их святыми изображениями? Ведь если роду человеческому присущи ум, верность, доблесть, согласие, откуда они могли проистечь на землю, как не свыше⁸⁶? А если в нас есть разумение, благоразумие, то боги неизбежно должны иметь это самое в большей мере, и не только иметь, но также использовать их в величайших и наилучших делах. А ведь нет ничего больше и лучше, чем мир. (80) Следовательно, мир необходимо должен управляться разумением и провидением богов. Наконец, так как мы достаточно показали, что боги — это те самые Солнце и Луна, и планеты, и неподвижные звезды, чьи блистательные образы и замечательную силу мы видим, и небо, и сам мир, и те другие вещи и силы, которые существуют во всем мире для великой пользы и на благо роду человеческому, то и получается, что, действительно, все управляется божественным умом и божественным провидением. Теперь о первой части сказано достаточно.

XXXII. (81) Далее я должен сказать, что все подчинено природе⁸⁷, и она всем прекраснейшим образом управляет. Но прежде всего надо вкратце объяснить, что такое сама природа, чтобы можно было легче понять то, что я хочу доказать. Ибо иные⁸⁸ считают, что природа — это некая лишенная разума сила, возбуждающая в телах необходимые движения. Другие же⁸⁹ считают природу силой разумной и упорядоченной, поступающей как бы целесообразно, так что всегда можно обнаружить и причину ее действий и следствия, а искусство ее столь велико, что никакое человеческое мастерство, ни одна человеческая рука не сможет ей подражать. Ибо взять, к примеру, семя: сила его столь велика, что оно, как бы ничтожно мало ни было, однако, если попадет в среду, способную его воспринять и удержать, и найдет для себя вещество, от которого сможет питаться и расти, то это семя образует, производит каждое в своем роде, либо такое, что может питаться через свои корни, либо способное еще и двигаться, и ощущать, и стремиться к чему-то и рождать себе подобных. (82) Есть и такие [философы], которые все называют природой, как Эпикур, который вводит такое деление⁹⁰: вся природа — это тела и пустота и то, что им присуще⁹¹. Но мы, когда говорим, что природа образует мир и управляет им, то подразумеваем при этом, что природа не такова, как ком земли, или обломок камня, или что-нибудь другое в этом роде без всяких внутренних связей. Природа — это как дерево, как животное, в которых нет ничего произвольного, но все выглядит упорядоченным и как бы произведением искусства.

XXXIII. (83) Если же [растения], которые земля поддерживает через их корни, живут и процветают благодаря искусству природы, то, конечно, и сама земля поддерживается той же силой, ибо ведь, оплодотворенная семенами, она все рождает и производит из себя, обьяв в своих недрах корни растений, она их питает и растит, а сама, в свою очередь, получает питание от выше расположенных, наружных природ⁹². А испарениями земли питается и воздух и эфир и все, что сверху. Итак, если земля природой поддерживается и питается, то то же следует сказать и об остальном мире. Растения укореняются в земле, [существование] живых существ поддерживается вдыханием воздуха, сам же воздух с нами видит, с нами слышит, с нами поет⁹³, ибо без него ничего из этого не может происходить. Он также движется вместе с нами, куда бы мы ни шли, куда бы ни двинулись, он как бы дает нам место, уступает.

(84) И все то, что тянется к центру (*medium locum*) мира, а это — самый низ, и что от центра кверху, и что вокруг центра в кругообразном вращении⁹⁴, — все это образует содержание мира, единую природу. Так как существуют четыре рода тел (*corpora*), то их взаимопревращение составляет неразрывную природу мира. Ибо из земли — вода, из воды рождается воздух, из воздуха — эфир, затем в обратном порядке, в свою очередь, из эфира — воздух, из него — вода, из воды — земля, которая внизу. Таким образом, этими природами

(*naturis*), из которых все состоит, которые движутся вверх и вниз, туда и сюда, поддерживается связь между [всеми] частями мира.

(85) И эта [связь] по необходимости должна быть либо вечной, украшенной всем тем, что мы видим, или, наверно, очень длительной, сохраняющейся очень долгое, почти неизмеримое время⁹⁵. Согласившись с любым из этих положений, следует признать, что природа управляет миром. Есть искусство вождения флотов или построения войск, или — сравним с тем, что производит природа, — плод виноградной лозы или дерева, или — еще в большей степени — фигура живого существа, устройство членов его тела; не являет ли все это великое искусство природы? Но еще в большей степени — сам мир! Итак, либо в мире нет ничего, свидетельствующего о том, что миром управляет разумная природа, либо должно признать, что разумная природа управляет⁹⁶ миром.

(86) Но как это может быть, чтобы природа не управляла самим миром, миром, который содержит в себе все прочие вещи природы и их семена? Это как если бы кто сказал, что от природы зависит появление у человека зубов и бороды, но к самому человеку, у которого они появились, природа не имеет никакого отношения. Так рассуждать — значит не понимать, что то, что производит что-нибудь из себя, [без сомнения], имеет более совершенную природу, чем то, что из него происходит.

XXXIV. Итак, для всего, чем природа управляет, мир является сеятелем и создателем, и родителем, так сказать, и воспитателем, и кормильцем, и все он, как бы члены и части своего тела, питает и поддерживает⁹⁷. Потому что, если природа управляет частями мира, то она необходимо управляет и самим миром. И в этом управлении нет ничего заслуживающего порицания, ибо все, что она могла наилучшим образом создать из существующих [четырех названных] природ, она создала.

(87) Пусть докажут, что кто-нибудь мог бы создать лучше. Никто никогда не докажет, а если кто захочет что-нибудь поправить, тот или сделает хуже, или будет желать того, что сделать не сможет. Но если все части мира так устроены, что не могут быть ни лучше для пользы, ни красивее на вид, то рассмотрим, случайно ли они таковы, или они смогли оказаться в этом состоянии только благодаря направляющему разуму (*sensus*) и божественному провидению. Ведь, если то, что создала природа, лучше, чем произведения искусства, а искусство ничего не создает без участия разума, то должно считать, что и природа также не лишена разума. Когда ты смотришь на статую или нарисованную картину, то знаешь, что в этом было применено искусство; когда издала видишь плывущее судно, не сомневаешься, что оно движется благодаря разуму и искусству, когда наблюдаешь солнечные или водяные часы, понимаешь, что они показывают время не случайно, а благодаря искусству. А мир, включающий в себя и эти самые произведения искусства, и их создателей, и все вообще, что же, ты считаешь, лишен разума и рассудка? (88) Если бы кто-нибудь привез в Скифию или Британию тот шар (*sphaera*), что недавно изготовил наш друг Посидоний, шар, отдельные обороты которого воспроизводят то, что происходит на небе с Солнцем, Луной и пятью планетами в разные дни и ночи⁹⁸, то кто в этих варварских странах усомнился, бы, что этот шар — произведение совершенного рассудка?

XXXV. А эти [эпикурейцы] относительно мира, от которого все рождается и все происходит, сомневаются, то ли он сам собой произошел по случайности или некой необходимости, то ли он творение божественного разума и ума! Они Архимеда, сделавшего копию небесной сферы с ее круговращениями, ставят выше природы, создавшей оригинал, хотя, конечно, многое в оригинале сотворено искуснее, чем те же части в копии.

(89) Тот же пастух у Акция⁹⁹, который раньше никогда не видел корабля, когда заметил издалека, с горы божественное и чудное судно аргонавтов, сначала изумленный и испуганный произнес следующее:

...Такая движется громада
На берег моря с грохотом и шумом
Неистовым. Пред ней валы бегут,
Водовороты от ее напора
Крутятся, устремленные вперед.
На лоно вод бросается она,
И море брызгами с шипеньем диким
Ее встречает. Ты подумал бы —
Оторванная туча грозовая
Скатилась в волны иль с горы высокой,
Валун ветрами буйными снесен,
Иль столкновеньем яростных бурунов
Ком шаровидный создан водяной.
Боюсь на землю ополчилось море.
А то, пожалуй, сам тритон трезубцем,
Подводные пещеры выметая,
Воздвиг под шум разорванного моря
Скалистую громаду до небес*.

Сперва он сомневается, что это за неведомое существо? А увидев юношей и услышав пение на корабле, он говорит:

...Так резвые и быстрые дельфины
Своими мордами шумят...

И далее говорит:

...Подобное Сильвана песне¹⁰⁰
Доносится до слуха чье-то пение.

И еще многое другое говорит пастух. (90) И вот, как этот пастух, который с первого взгляда счел, что видит нечто бездушное и бесчувственное, а затем по определенным признакам начал подозревать, что собой в действительности представляет то, в чем он сомневался, так и философы, если, возможно, первые впечатления от мира их и запутали, то затем, внимательно присмотревшись к законченным и равномерным его движениям, усмотрев, как все в нем устроено в незыблемом порядке и неизменном постоянстве, должны были бы понять, что в этом небесном, божественном доме есть не только обитатель, но и управитель, руководитель и как бы строитель этого, столь великого сооружения, столь огромного здания.

XXXVI. В действительности, как мне кажется, они даже не подозревают, насколько все чудесно устроено, как на небе, так и на земле. (91) Сначала о Земле. Она расположена в центральной части мира и со всех сторон ее обтекает та животворная стихия, которой мы дышим и которой название аер (воздух); это слово хотя и греческое, но вошло в употребление и у нас и воспринимается как латинское. А воздух, в свою очередь, объят беспредельным эфиром, который состоит из расположенных превыше всего огней (ex altissimis ignibus constat). Позаимствуем и это слово [эфир] и будем употреблять по-латыни aether, как употребляем аер. Хотя Пакувий¹⁰¹ и переводит:

Что у нас зовется небом, то по-гречески — эфир,

как будто не грек говорит эти слова [в его трагедии]. Правда, он говорит по-латыни, но мы-то [в пьесе] слышим его как бы говорящим по-гречески. Он же в другом месте говорит:

Он родом грек, что выдает и речь его.

Но вернемся к более важным вещам.

(92) Итак, из эфира происходят бесчисленные огни звезд, из которых главная — Солнце, все озаряющее ярчайшим светом и во много раз превосходящее по величине и объему всю землю. Затем остальные звезды неизмеримой величины. И вот все эти огни, столь великие, столь многочисленные, не только ничуть не вредят земле и всему, что на земле, но, умеренно обогревая ее, приносят пользу, а если бы они сошли со своих мест, то земля неизбежно сгорела бы от столь великих огней, потому что пропадут умеренность и соразмерность поступления тепла.

XXXVII. (93) Так как же мне не удивляться человеку, убедившему себя в том, что существуют какие-то плотные и неделимые тела, которые носятся [в пространстве] под действием силы тяжести, и что от случайных столкновений между этими телами образовался прекраснейшим образом украшенный мир? Не понимаю, почему бы человеку, который считает, что так могло произойти, не поверить также, что если изготовить из золота или из какого-нибудь другого материала в огромном количестве все двадцать одну букву¹⁰², а затем бросить эти буквы на землю, то из них сразу получатся «Анналы» Энния, так что их можно будет тут же и прочесть. Вряд ли по случайности может таким образом получиться даже одна строка. (94) Так как же эти люди утверждают, что из телец, не наделенных ни цветом, ни каким-либо качеством, что греки называют ποῦότης¹⁰³, ни способностью ощущать, но вслепую и случайно сталкивающихся, образовался мир, или даже, более того, каждое мгновение бесчисленные миры то рождаются, то гибнут? Ведь если стечение атомов может образовать мир, то почему не может создать портик? Храм? Дом? Почему не может — город? Это ведь и меньше требует труда и намного легче.

Верно они так необдуманно болтают о мире потому, что никогда не созерцали эту дивную красоту небес. Об этом я сейчас буду говорить. (95) Прекрасно об этом сказал Аристотель¹⁰⁴: «Если бы существовали такие люди, — говорит он, — которые бы всегда жили под землей в хороших и ярко освещенных жилищах, украшенных статуями и картинами и снабженных в изобилии всем, что считается необходимым для счастья, если бы эти подземные люди никогда не выходили на поверхность земли, а только по слухам знали, что есть некие могущественные боги; далее, если бы в какое-то время земля разверзлась, и они, эти люди, смогли из своих подземных жилищ выйти на свет в те места, где мы живем. И тут они внезапно увидели бы землю, и моря, и небо, громады облаков, ощутили бы силу ветров, взглянули бы на солнце и познали бы как его величие и красоту, так и его силу, как оно, разлив свой свет по всему небу, образует день, а с наступлением ночи они узрели бы небо, все усеянное и украшенное звездами. Они увидели бы, как по-разному светит луна, то в полнолуние, то в ущербле. Если бы эти подземные люди понаблюдали, как все эти светила восходят и заходят, и заметили неизменность и постоянство их путей в течение всей вечности, — то, увидев все это, вышедшие из-под земли люди, конечно, решили бы и что боги существуют, и что все то великое, что им открылось, именно боги и сотворили».

XXXVIII. (96) Это говорит Аристотель. А мы представим себе мрак, такой, какой, говорят, покрыл места по соседству с Этной, когда произошло извержение [того вулкана]¹⁰⁵, мрак настолько глубокий, что в течение двух дней человек человека не мог узнать. А когда на

третий день засияло солнце, людям показалось, что они воскресли. А если бы внезапно мы вышли на свет после вечного мрака, каким бы нам показался вид неба? Но так как это зрелище повторяется для нас ежедневно и стало привычным для наших глаз, то привыкли к нему и умы наши, и мы не удивляемся и не задаемся вопросом о причинах того, что мы всегда видим, как будто побудить к исследованию причин какого-то явления должна более новизна его, чем значительность.

(97) Есть ли такой человек, который, видя столь правильные движения неба, такой незыблемый порядок в звездах, такую взаимосвязь и сообразность во всем этом, станет утверждать, что в них нет никакого разума и будет приписывать случаю то, что совершается настолько разумно, что нашему разуму и постичь невозможно. Когда мы видим, как движутся части какого-то механизма, будь то сфера, или часы, или многое другое, мы ведь не сомневаемся, что это сделано при участии разума. Так можем ли мы, видя, как движется небо, с поразительной скоростью вращаясь, с величайшим постоянством производя чередование времен года ко всеобщему величайшему благу и спасению, можем ли мы сомневаться, что все это совершается благодаря разуму, и притом разуму необыкновенному, божественному? (98) Пусть же нам будет позволено, оставив философские тонкости, как бы глазами своими обозреть красоту всего того, что, как мы утверждаем, установлено божественным провидением.

XXXIX. Рассмотрим сначала всю Землю как целое. Она расположена посередине мира, плотная, шарообразная, со всех сторон скругленная в себе самой своими силами притяжения, одета [покровом] из цветов, трав, деревьев, плодов, невероятное множество которых отличается неистощимым разнообразием. Добавь к этому холодную влагу неиссякающих источников, прозрачные струи ручьев, ярко-зеленый покров берегов, высокие своды пещер, суровость утесов, высоты нависающих гор, беспредельность равнин; добавь также скрытые месторождения золота, жилы серебра, бесконечное количество мрамора. (99) А великое множество и великое разнообразие видов животных, прирученных или диких! А каковы полет и пение птиц! А что сказать о пастбищах для скота, о жизни лесных зверей! А о роде человеческом? Люди ведь, как бы предназначенные для возделывания земли, не дают ей ни одичать от великого множества диких зверей, ни зарости сорняком и прийти в запустение; трудами людей украшены поля, острова и берега, усеянные домами, городами. Если бы мы могли все это увидеть глазами, как смогли мысленно, то никто, обозрев всю землю в целом, не усомнился бы в божественном разуме. (100) А какова красота моря! Как прекрасен весь его вид! Какое множество разных островов в нем! А как прекрасны берега морей и рек! Сколько в них разных видов животных, из которых часть живет под водой, часть плавает и носится по его поверхности, часть прилепилась раковинами к скалам. А само море, устремляясь к земле, так плещется у берегов, что кажется будто две стихии сливаются в одну.

(101) Затем соприкасающийся с морем воздух. Он разный днем и ночью; то он становится разреженным и текучим и несется ввысь, то уплотняется и сгущается в облака, и, собрав в себе влагу, оплодотворяет землю дождями, то, распространяясь туда и сюда, производит ветры. От него же происходит смена в течение года холодных и жарких сезонов. Он также поддерживает [крылья] птиц в полете и, вдыхаемый, питает и сохраняет все живые существа. XL. Остается последний и над нашими жилищами выше всего расположенный, все окружающий и охватывающий слой небес, который называется эфиром, крайний предел и граница мира, в котором удивительнейшим образом совершают определенные пути огненные фигуры (formae).

(102) Из них Солнце, по величине намного превосходящее Землю, вращается вокруг нее самой, и его восход, и заход производят день и ночь. Дважды в течение года Солнце, то приближаясь, то отступая, переходит от одного пункта солнцестояния к другому. Когда оно

отдаляется, Землю точно охватывает печаль, когда приближается к Земле, как бы вновь возвращается веселье, вместе с повеселевшим небом.

(103) А Луна, которая, как показали математики, размером больше, чем половина Земли¹⁰⁶, движется теми же путями, что и Солнце, то приближаясь к нему, то удаляясь от него. Получая от Солнца свой свет, она посылает его на Землю. Она светит то сильнее, то слабее. То она оказывается под Солнцем и прямо против него, и тогда она затмевает его лучи и сияние, а то, когда Земля оказывается на прямой линии между Солнцем и Луной, и Луна попадает в тень Земли, она внезапно сама перестает быть видимой.

Теми же путями¹⁰⁷ несутся вокруг Земли и те звезды, которые мы называем «блуждающими», и они подобным же образом восходят и заходят. Они движутся то скорее, то медленнее, часто даже останавливаются. (104) Не может быть ничего удивительнее, ничего прекраснее этого зрелища. Затем — великое множество неподвижных звезд; они образуют созвездия, которые по сходству со знакомыми нам фигурами получили свои названия».

XLI. При этих словах Бальб, взглянув на меня, сказал: «Воспользуюсь-ка я стихами Арата¹⁰⁸, которые ты еще в ранней молодости перевел на латинский язык; и они мне так понравились, что многие из них я запомнил. Вот они, как будто стоят перед моими глазами, без всяких изменений и отклонений:

Прочие же небесные быстро светила, и плавно
Движутся вместе с небом, днем и ночью несутся.

(105) Созерцанием их не может пресытиться ум человека, жаждущего познать неизменность природы.

Край двуконечной оси мира зовется полюс.

Вокруг него вращаются две Медведицы, которые никогда не заходят [за горизонт]¹⁰⁹:

Киносурой одну из них греки зовут, а другая
Геликой называется¹¹⁰.

Яркие звезды Гелики мы наблюдаем каждую ночь.

Наши их называют обычно Семью Волами¹¹¹.

(106) Ту же вершину (vertex) неба, таким же числом звезд, сходным образом расположенных, освещает малая Киносура.

Ночью в открытом море вверяются ей финикийцы,
Хоть Гелики и ярче сверкают блестящие звезды,
И только ночь наступает, лучше они заметны,
А Киносура мала, но для моряков полезней¹¹²,
Ибо она по внутреннему и короткому кругу кружится.

XLII. И вид этих звезд тем более поразителен, что

Словно река между ними текущая влагою быстрой,
Страшно глядящий Дракон изгибается кверху и книзу.
Телом своим образуя углы и изгибы¹¹³.

(107) Весь образ его великолепен, но особенно замечателен вид головы и пылающих глаз:

Голову ведь у него не одна лишь звезда озаряет,
Но и виски намечены звездами, каждый — одною,
Из свирепых глаз сверкают два ярких светила,
И одна звезда излучает свет на подбородке;
Он как будто склонил на бок голову, шею согнувши,
И устремил свой взор на хвост Медведицы большей.

(108) И остальные части тела Дракона мы видим по целым ночам, но

Голову вдруг он немного скрывать начинает
Под воду, там, где восход единится с закатом¹¹⁴,

Этой же головы

Касаясь, кружится как будто образ усталого мужа,

которого греки

Энгонасин зовут, ведь несется он, словно колени¹¹⁵
Преклонив, и здесь же ярко сияет Корона,
Но это за его спиной, а близ головы — Змееносец¹¹⁶,
(109) Коего греки зовут славным именем Офиуха,
Он же, крепко сжимая обеими дланями, Змея
Держит, однако и сам змеиным изогнутым телом
Связан, ведь Змей тело мужа обвил посредине,
Прямо под грудью и держит. А тот, напрягаясь сильно,
Твердо стоит на ногах и ногами же давит своими
Грудь и глаза Скорпиона.

А за большой Медведицей следует

Арктофюлакс, который обычно зовется Боотом:
Он как бы гонит перед собой запряженного Аркта¹¹⁷.

(110) А у этого Боота

Прикрепленная прямо под грудью
Тоже мерцает звезда со славным именем Арктур.

Под ногами его несется

Дева с сияющим телом, что держит сверкающий Колос.

XLIII. И так размещены созвездия, так [разумно] распределены, что в этом явственно усматривается божественное искусство.

И Близнецов ты под головою у Аркта усмотришь.
Под животом же Рак поместился, а рядом с ногами
Лев великий, чье тело и пламя, и жар извергает.

Возница

Слева от тех близнецов, согнувшись телом, несется.
Против него голова Гелики, сурово взирает,
Левое же плечо у Возницы, блистая, Коза занимает,

И далее следуют слова:

Наделена она славной, великой приметой,
Против нее Козлята свой слабенький свет посылают
Смертным.

А под ногами ее

Телом могучим рогатый Телец, напрягаясь, несется.

(111) Его голова усеяна частыми звездами

Греки обычно Гиадами звезды сии называют

(от *υειν*— это слово греческое, по-нашему означает идти дождю), но наши по необразованности назвали эти звезды *Suculae* [Свинки] от слова *sus* [свинья], а не от дождей. А за Малой Медведицей Кефей¹¹⁸ следует сзади с распростертыми руками:

Он ведь сам у спины Киносуры и Аркта кружится.

А впереди него:

Кассиопея, чьи звезды мы видим неясно и смутно,
А близ нее вращается также, с блистающим телом,
Грустная Андромеда, взоров матери избегая.
Тут же и Конь, потрясающий гривой с мерцающим блеском¹¹⁹,
Он животом макушки касается Андромеды,
А одна звезда общим светом их соединяет
И стремится из звезд сплести вековечный узел,
Дальше недвижный Овен стоит с завитыми рогами.

А близ него

Рыбы, из них же одна немного вперед выплывает
И подвергается больше дыханию Аквилона¹²⁰
Страшного...

XLIV. (112) А у ног Андромеды вырисовывается Персей¹²¹,

Коего с Севера Аквилона порывы толкают.

Возле его левого колена

Ты увидишь Вергилии, светящие слабо¹²²,
Дальше видна лежащая, чуть изогнутая Лира,
А затем — Лебедь крылатый под сводом широким небесным¹²³.

Близко к голове Коня протянута десница Водолея, затем и сам Водолей.

Далее, в круге¹²⁴, из мощной груди выдыхающий холод,
Леденящий, с телом полужвериным виден
Козерог¹²⁵, и когда Титан¹²⁶ его постоянным светом
Одевает, то сам свою Титан колесницу
Поворачивает на зиму, на зимнее время.

(113) Здесь же видно,

Как, показавшись из глубины, Скорпион выплывает,
Лук изогнутый сильным хвостом таща за собою.
Близ Скорпиона кружится сияющий перьями Лебедь,
А близ него несется Орел с пылающим телом.

Затем Дельфин, а за ним

Орион¹²⁷, блистающий телом склоненным.

(114) Следом за ним

Гонится Пес быстроногий, сверкая звезд своих светом,

За ним следует Заяц,

Не прекращающий бега, ведь тело его неустанно,
А к хвосту Пса скользя продвигается Арго¹²⁸,
Овен ее прикрывает и Рыбы с чешуйчатым телом.
Арго реки берегов¹²⁹ достигает сверкающей грудью.

Ты заметишь, как река извивается и течет далеко, и

Прочные узы увидишь,
Что на хвосты наложены рыб и крепко их держат.
Там ты заметишь близ жала пылающего Скорпиона
Жертвенник тот, что оваян дыханием Австра.

Поблизости от него Кентавр

Идет, стараясь сопрячь свои конские части
Со Скорпиона клешнями. И он же десницей простертой
Четвероногое тащит огромное¹³⁰ и поражает
Грозный его там, где Жертвенник рдеет. И здесь же
Из глубин поднимается Гидра,

которой тело далеко простирается,

А в середине изгиба его сияет блестящая Чаша.
Хвост же клюет, оперением тела сверкая, Ворон,
И здесь же, под самыми Близнецами,
Малый Пес, что у греков зовется Прокβων, несется.

(115) Неужели же какому-нибудь здравомыслящему человеку может показаться, что все это расположение звезд, эту чудесную красоту неба могли произвести туда и сюда мечущиеся по воле слепого случая тельца?¹³¹ Или же какая-то другая природа, лишенная ума и разума, смогла все это произвести? Да ведь даже для того, чтобы понять, каково это, требуется величайший ум, а тем более — для того, чтобы создать.

XLV. Но не только это все достойно восхищения, а больше всего то, что мир так устойчив, и представляет собою неразрывное целое, настолько приспособленное к сохранению своего существования, что более приспособленного невозможно и вообразить себе. Ибо все его части, со всех сторон стремясь к центру, производят равномерное напряжение (*nituntur aequaliter*). Наиболее же прочно тела связываются между собой тогда, когда они связаны как бы некой охватывающей цепью, что делается той природой (*natura*)¹³², которая разлита по всему миру и все совершает с умом и разумом, и все, что на самом краю, влечет и обращает к центру. (116) Стало быть, если мир шарообразен и по этой причине все его части, со всех сторон равномерно [расположенные], сами собой и между собой связаны, то по необходимости это должно относиться и к земле, ибо, поскольку все ее части тянутся к центру (ведь центр в шаре и есть самый низ), то ничто не может помешать действию этой силы тяжести и веса (*contentio gravitatis et ponderum*). По этой-то причине море, хотя оно над землей, тяготея, однако, к ее центру, равномерно закругляется со всех сторон, и никогда не выходит из своих берегов и не разливается.

(117) А окружающий море воздух, правда, несется благодаря своей легкости вверх, но сам же и распространяется во все стороны. Так что он, с одной стороны, соединяется и смыкается с морем, а с другой — по природе [своей] устремляется к небу¹³³ и, усвоив себе часть его тонкости и жара, доставляет живым существам дыхание для жизни и здоровья.

Охватывающая же воздух самая высокая часть неба, которая называется эфиром, содержит в себе тонкость и жар без всякой примеси плотности и соединяется с верхними слоями воздуха.

XLVI. В эфире вращаются звезды, которые благодаря силам внутреннего [своего] тяготения сохраняют шарообразную форму, и эта же форма и фигура поддерживают длительность их существования, ибо они шарообразны, а этим формам, как я, кажется, уже сказал, менее всего можно причинить ущерба. (118) А природа звезд огненная, поэтому они питаются испарениями земли, моря и прочих вод. Эти испарения вызываются солнцем из согретой земли и из вод. Напившись ими и восстановив себя, звезды и весь эфир изливают их обратно и вновь извлекают их оттуда, так что почти ничего не пропадает, или очень мало, из того, что потребляет огонь звезд и пламя эфира. Из этого следует, по мнению наших, что в конце концов весь мир воспламенится, после того как будет уничтожена вся влага, когда ни земля не сможет питаться, ни воздуху не из чего будет восстановить себя, ведь когда истощится вся вода, то и воздух не сможет образоваться. Итак, ничего не останется, кроме огня. Но от него-то, живого существа и бога, и произойдет восстановление мира, и возродится его красота. Впрочем, Панетий, как говорил, сомневается в правильности этого мнения стоиков¹³⁴.

(119) Я не хотел бы, рассуждая о звездах, показаться многословным, особенно говоря о тех, которые называют «блуждающими». У них при всем несходстве их движений существует такая согласованность между собой, что в то время как самая далекая из них, Сатурн, приносит холод, средняя, Марс, шлет жару, а находящаяся между ними звезда Юпитера умеренно светит и греет. Ниже Марса два светила повинуются Солнцу¹³⁵, само Солнце наполняет весь мир своим светом, а Луна получает от него свое сияние, и она влияет на беременность, и роды, и сроки родов. Найдется ли такой человек, которого не поражает эта связь и сочувствие между частями и как бы согласованная взаимопривязанность природы,

направленная к сохранности мира? Такой человек, я уверен, никогда не задумывался всерьез ни над одним из этих вопросов.

XLVII. (120) Давайте, однако, перейдем от дел небесных к земным, посмотрим, есть ли в них что-либо такое, в чем бы не проявился разум мыслящей природы. Начнем с [растений], которые рождаются из земли. Нижние части их с корнями придают им устойчивость и извлекают из земли соки, которыми растения питаются. Стволы же их покрыты лубом или корой, чтобы лучше уберечь их от холода и зноя. А виноградные лозы так охватывают своими усиками подпоры, словно руками, и так поднимают себя, точно живые существа. Они даже, как говорят, отклоняются от капусты как от опасной и вредной, и если она посажена поблизости, то не коснутся ее ни с какой стороны¹³⁶.

(121) А какое разнообразие в мире животных! И как хорошо они приспособлены к существованию, каждое в своем роде! Одни из них покрыты голой кожей, другие одеты шерстью, иные топорщатся иглами, иные — перьями, иных мы видим покрытыми чешуей. Одни вооружены рогами, другим для спасения служат крылья. И пищу для животных природа заготовила в изобилии, какая для каждого подходяща. Я мог бы подробно рассказать, как животные приспособлены для схватывания и поедания пищи и какое искусство и тонкий расчет заложены в каждой части их тела, как изумительно устройство их членов. Ибо все, что у них заключено внутри [тела], так от рождения устроено и так размещено, что нет ничего лишнего, ничего не необходимого для поддержания жизни.

(122) Так, та же природа дала животным и аппетит и органы чувств, первый для того, чтобы он побуждал их добывать себе естественную пищу, вторые — чтобы отличать ядовитое от здорового. Одни животные приближаются к пище, подходя к ней, другие — подползая, одни — подлетая, другие — подплывая; некоторые хватают пищу, раскрывая рот, зубами, часть животных схватывает ее цепкими когтями, часть — крючковатыми клювами. Иные сосут пищу, иные щиплют, иные пожирают целиком, иные жуют. У одних такой низкий рост, что они легко достают ртом пищу с земли. (123) А тем, которые повыше, как гуси, лебеди, журавли или верблюды, помогает длинная шея. Слонам же придан даже хобот, потому что из-за огромного тела им доступ к пище затруднен.

XLVIII. Тем животным, которые питаются животными другого вида, природа дала или силы, или быстроту, а некоторым даже дана некая изобретательность и хитрость. Так, среди паучков одни словно сплетают сети, чтобы, если кто попадет в них, съесть, другие, как бы притаившись, наблюдают и, если что попадется, схватывают и съедают. А раковина Пина (так ее греки называют), которая состоит из двух больших створок, как бы заключила союз ради добывания пищи с маленьким морским рачком *squilla*¹³⁷; и вот, как только в раскрытую раковину заплывут маленькие рыбки, тотчас рачок посредством укуса сообщает об этом раковине, и она сжимает свои створки. Так совершенно непохожие одно на другое мелкие животные сообща добывают пищу. (124) В этом все достойно удивления независимо от того, вследствие ли некоего соглашения между собой они объединились, или уже от рождения, самой природой.

Нечто поразительное есть также в тех животных, которые рождаются на земле, но живут в воде. Так, например, крокодилы, речные черепахи и некоторые пресмыкающиеся, родившись вне воды, лишь только смогут сами двигаться, устремляются к воде. Мы часто подкладываем утиные яйца курам; и вот вылупившихся из этих яиц утят сперва кормят как матери те, которые их высидели, и согревали своим телом. А затем утята их покидают и убегают, как только смогут увидеть воду, как бы свой естественный дом. Такой врожденной великой заботой о сохранении своего существования одарила природа живые существа.

XLIX. Читал я также написанное о некой птице под названием *platalea*¹³⁸, которая добывает себе пищу, подлетая к другим птицам, ныряющим в море. Когда те выныривают со схваченной рыбой, она до того преследует их, кусая в голову, пока те не выпустят свою добычу, а она сама ее схватит. Об этой же птице пишут, что она имеет обыкновение заглатывать целиком раковины. А после того как они подвергаются пищеварению под влиянием теплоты в ее желудке, она изрыгает створки раковины и таким образом извлекает из них съедобное.

(125) А морские лягушки, говорят, имеют обыкновение зарываться в песок и движутся под самой водой. Когда же рыбы приближаются к ним, словно к приманке, лягушки их убивают и съедают¹³⁹. У коршуна как бы естественная война с вороном, так что каждый из них, где бы не нашел яйца другого, разбивает их¹⁴⁰.

А вот на что обратил внимание Аристотель (который еще многое описал в том же роде)¹⁴¹, и кому бы это не показалось удивительным! Журавли, когда летят в более теплые края и пересекают моря, то выстраиваются в форме треугольника. Передний его угол рассекает встречный воздух. А летящие по обеим сторонам [треугольника], крыльями, точно веслами, несколько облегчают полет [остальных] птиц. А основанию треугольника, который образуют журавли, точно корме корабля, помогают ветры. Журавли, летящие сзади, кладут шеи и головы на спины летящих впереди. А так как сам вожак, летящий передним, этого сделать не может, потому что ему не на кого опереться, то он отлетает назад, чтобы и самому отдохнуть, а его место занимает один из тех, кто уже отдохнул. И это чередование соблюдается в течение всего полета.

(126) Я мог бы привести еще много примеров в том же роде. Но вам уже видно существо дела. Известно также, как старательно охраняют себя звери, как осматривают кругом [местность], когда пасутся, когда укрываются в своих логовищах.

L. И еще удивительные примеры. Собаки излечивают себя рвотой, египетские ибисы лечат желудок сами себе клювами (как бы ставя себе клистир¹⁴²). Искусство врачей открыло эти способы лишь недавно, т. е. немного веков тому назад. По слухам, пантеры, которых в варварских странах ловят на отравленное мясо, имеют какое-то лекарство; воспользовавшись им, они не околевают. Дикие козы на Крите, пронзенные охотничьими стрелами¹⁴³, отыскивают траву, которая называется *dictamnus*. Когда они ее поедят, то, говорят, стрелы сами собой выходят из тела. (127) Самки оленей незадолго до родов очищают себе желудок, поедая некую травку, которая зовется *seselis*¹⁴⁴.

Затем мы знаем, что в случае нападения более сильного и страшного зверя каждое животное защищает себя своим оружием: быки — рогами, вепри — клыками, львы — кусая; иные спасают себя бегством, иные прячутся в безопасное место. Каракатица изливает из себя черную жидкость, скаты приводят в оцепенение; многие даже отгоняют своих преследователей отвратительной невыносимой вонью.

LI. Именно, для того чтобы постоянно существовала красота мира, провидение богов и проявило столь большую заботу о том, чтобы всегда были и [разные] виды животных, и деревьев, и всяких вообще растений. Они притом имеют в себе такую массу семени, что от одного родятся многие, и это самое семя заключено во внутренней части тех плодов, которые в изобилии образуются на каждом растении. Этими же семенами и люди досыта питаются, и от них же возрождаются на земле растения того же вида.

(128) А сколько мудрого расчета на вечное сохранение видов обнаруживается в мире животных! Что мне сказать об этом! Во-первых, что среди животных есть самцы и самки, что

изобретено природой ради непрерывности [продолжения рода]. Затем [их] части тела наилучшим образом приспособлены и для оплодотворения, и для восприятия семени; и у самцов и у самок поразительное влечение (*libido*) к совокуплению. Когда же семя попадает в матку, то оно захватывает себе почти всю пищу и из нее формирует зародившееся животное. А когда оно покидает матку, то у тех животных, которые выкармливаются молоком, почти вся пища матерей начинает превращаться в молоко, а дети их, только что родившиеся, без всякого наставника, руководимые природой, стремятся к материнским сосцам и их содержимым насыщаются. А чтобы еще яснее было, что во всем этом нет никакой случайности, и что все это дело предусмотрительной и искусной природы, можно указать на то, что и тем животным, которые производят многочисленное потомство, например свиньям и собакам, и сосцов много дано, а мало сосцов имеют те животные, которые рожают немногих.

А что сказать о той великой любви, что проявляют животные в воспитании и сохранении жизни тех, которых они произвели на свет, вплоть до того момента, когда те смогут сами себя защищать? Хотя говорят, что рыбы, как только кончат метать свою икру, так сразу же и оставляют ее, но в воде икра и поддерживается легко, и из нее выводится потомство.

ЛII. (129) Говорят, что черепахи и крокодилы, отложив свои яйца на суше, зарывают их и затем уходят. Так что их детеныши и рождаются и взращиваются сами собой. Зато куры и другие птицы отыскивают для кладки яиц спокойное место, устраивают себе там гнезда и выстилают их как можно мягче, чтобы легче было сохранить яйца. А когда из яиц выведутся птенцы, то всячески заботятся о них, согревают их под крыльями, чтобы они не пострадали от холода, прикрывают их своим телом, если сильно палит солнце. Когда же птенцы оказываются в состоянии использовать свои крылышки, то матери сперва сопровождают их в полете. Этим и ограничивается их забота.

(130) Но некоторые виды животных и растений нуждаются также в человеческом попечении и искусстве, чтобы сохранить свое существование. Ибо есть много таких видов и животных, и растений, которые без человеческой заботы и вовсе не могут обойтись. В разных местах люди открыли большие возможности для улучшения своего благополучия. Так, Египет орошается Нилом. Он все лето держит страну залитой своей водой, а затем вода отступает и оставляет землю размягченной и покрытой илом, подготовленной для посева. А Месопотамию делает плодородной Евфрат, который в нее каждый год как бы ввозит новые поля. Инд же, величайшая из всех рек¹⁴⁵, не только своей водой удобряет и размягчает поля, но их также засеивает; так как он, как говорят, приносит с собой массу семян, похожих на хлебные¹⁴⁶. (131) Я мог бы привести еще много других примечательных примеров из других мест, назвать еще много плодородных земель, знаменитых своими урожаями.

ЛIII. Но сколь же велика щедрость природы, которая производит так много для пропитания, такого разнообразного и приятного, и притом не в одно только время года, так что мы всегда можем наслаждаться и новизной и изобилием! А как своевременны, как полезны для здоровья не только людей, но даже для животных, наконец, для всех растений Этесийские ветры¹⁴⁷, своим дуновением умеряющие чрезмерную жару! И эти же ветры ускоряют движение [кораблей] по морю и дают им верное направление. О многом придется умолчать, хотя многое уже сказано¹⁴⁸. (132) Ведь невозможно перечислить все: пользу, которую мы получаем от рек, морские приливы и отливы, горы покрытые травой и лесом, месторождения соли, весьма отдаленные от морских берегов, земли, изобилующие спасительными лечебными средствами, наконец, бесчисленные [другие] блага, необходимые для пропитания и для жизни. Ведь и чередование дня и ночи также сохраняет [здоровье] живых существ, так как этим уделяется время и для деятельности и для отдыха. Так, в результате всестороннего обсуждения мы приходим к заключению, что всем в этом мире превосходно управляет ум и божественное разумение для всеобщего благополучия и сохранения.

(133) Тут, может быть, кто-нибудь спросит: ради кого же все это так [благодетельно] сотворено? Ради деревьев и трав? Это было бы нелепостью, хотя природа и их поддерживает, при всем том, что они лишены всякого чувства. Может быть ради животных? И это тоже невероятно, чтобы боги затратили столько труда ради бессловесных и ничего не смыслящих существ. Так ради кого же? Очевидно, ради тех, кто пользуется разумом. А это — боги и люди, которые бесспорно являются самыми совершенными из всех живых существ, ибо нет ничего превосходнее разума.

Итак, наиболее вероятно, что мир и все, что в нем, созданы для богов и людей.

LIV. (134) Еще легче понять, что бессмертные боги позаботились о людях, если внимательно рассмотреть все устройство человеческого тела, совершенство его природы¹⁴⁹.

Если жизнь живых существ поддерживается тремя вещами: пищей, питьем и воздухом, то для восприятия всего этого наилучшим образом приспособлен рот, который вместе с соединенными с ним ноздрями обильно снабжает воздухом. А зубами, которые расположены во рту, раздробляется, размельчается, разжевывается пища. Из них передние, острые, делят пищу, а те, которые в глубине, так называемые коренные, жуют ее, чему, по-видимому, помогает и язык.

(135) За языком, примыкая к его основанию, начинается пищевод, куда прежде всего попадает то, что поступило в рот. Пищевод с обеих сторон касается миндалин, а верхняя граница его — глубинная часть нёба. Пищевод принимает пищу, которая как бы сталкивается и сбрасывается в него действиями и движениями языка, и толкает ее дальше. И при этом те части пищевода, которые ниже поедаемой пищи, расширяются, а которые выше — сжимаются.

(136) Но и дыхательное горло (*aspera arteria*, как его называют врачи) имеет начало у основания языка, немного выше того места, где начинается пищевод. Дыхательное горло соединяется с легкими, оно принимает вдыхаемый воздух и возвращает его назад, выдохнутый легкими. А для того чтобы в дыхательное горло случайно не попала какая-нибудь частица пищи и не стала бы препятствием для дыхания, оно покрыто чем-то вроде крышки, которая придана ему именно для этой цели.

Итак, в то время как желудок, расположенный ниже пищевода, служит вместилищем пищи и питья, а легкие и сердце извне вводят воздух¹⁵⁰, в желудке творится много удивительного. Желудок состоит почти весь из сухожилий (*e nervis*), имеет много складок и изгибов, и он задерживает в себе и держит пищу, что в него поступает, будь то сухое или жидкое, чтобы ей подвергнуться переработке и перевариванию. Он то сжимается, то расширяется и все, что в него попало, соединяет и смешивает, чтобы под действием тепла, которого в нем много, и от переливания пищи, и, сверх того, от дыхания все легче переваривалось и переработанное распределялось по всему телу.

LV. Легким же присуща некая рыхлость и мягкость, как у губки, так что они наилучшим образом приспособлены для впитывания воздуха. Легкие при дыхании то сжимаются, то расширяются, так что воздух, необходимейший для всего живого, постоянно поступает свежий. (137) А питательные соки, которые в пище, выделившись из нее в кишечнике и желудке, текут в печень через некие каналы, которые ведут от брызжейки прямо к «воротам печени» (*portae iecoris*), как их называют, а эти каналы доходят до печени и связаны с ней. А от печени тянутся другие, по которым пища, прошедшая через печень, идет дальше. После того как от этой пищи отделится желчь и та жидкость, которая вытекает из почек, остальное превращается в кровь и стекается к тем же «воротам печени», к которым подходят все ее пути.

Пройдя через них, пища вливается в то самое место, в ту вену, которая называется «полой» (cava), а через нее переработанная и переваренная доходит до сердца, от сердца же по венам, весьма многочисленным и проходящим через все части тела, распределяется по всему телу. (138) Конечно, нетрудно было бы рассказать, каким образом остатки пищи из кишек, которые при этом то сжимаются, то расширяются, выбрасываются наружу. Но об этом лучше умолчать, чтобы не оскорбить вашего слуха. Лучше расскажу о другом чудесном творении природы. Тот воздух, который вводится дыханием в легкие, сначала согревается от самого этого дыхания, затем от соприкосновения с легкими; часть его выводится выдыханием, а часть захватывается некой частью сердца, называемой «желудочком сердца» (ventriculum cordis). С этим желудочком соединяется другой, подобный ему, в который через упомянутую полую вену втекает кровь из печени. Таким образом, из этих частей тела кровь растекается по всему телу по венам, а воздух — по артериям¹⁵¹. Эта густая сеть вен и артерий, оплетающая все тело, не свидетельствует ли о божественном искусстве, с которым все это сотворено?

(139) А кости! Они поддерживают все тело и имеют замечательные связи, которые обеспечивают устойчивость и приспособлены как для движения и разных действий, так и для ограничения движений в суставах. Упомяну также о сухожилиях (nervi), которыми связаны все суставы и которыми оплетено все тело. Так же как вены и артерии, они отходят от сердца и проходят по всему телу.

LVI. (140) К тому, что было сказано об этом провидении природы, столь внимательной и столь изобретательной, можно добавить еще многое, из чего станет еще более понятно, какие великие и исключительные преимущества уделены людям [от богов]¹⁵². Во-первых, она устроила так, что люди поднялись с земли, выпрямились и стали высокого роста, для того чтобы они, созерцая небо, могли получить познания о богах. Ибо люди на земле не просто жители, обитатели, но как бы наблюдатели того, что происходит в высших, небесных [сферах], это зрелище никакому другому виду живых существ недоступно. Наши органы чувств, толкователи и вестники, помещены в голове, словно в крепости, чудесно устроены и размещены применительно к нашим нуждам. Так, глаза, точно наблюдатели, занимают самое высокое место, с которого они многое видят и несут свою службу. И уши, поскольку должны воспринимать звук, а он по природе своей уносится вверх, — уши тоже правильно помещены в верхней части тела. Правильно также, что и ноздри находятся наверху, потому что и всякий запах тоже несется вверх. А так как судить о пище и питье — это в большей степени их обязанность, то по этой причине они и расположены по соседству со ртом. Орган, который должен ощущать вкус того, чем мы питаемся, находится в той части рта, через которую природа открыла путь для наших яств и напитков. (141) Осязание же равномерно распределено по всему телу, чтобы мы могли ощутить всякое прикосновение и всякое, даже малейшее, воздействие холода и жары. И так же как архитектор при строительстве дома убирает подальше от глаз и ноздрей его владельца всякие дурно пахнущие стоки, так и природа поместила подобное [в нашем теле] подальше от органов чувств.

LVII. (142) Какой же мастер, кроме природы, с ее несравненным искусством смог бы проявить столь великую изобретательность в создании [наших органов] чувств? Она одела и защитила наши глаза тончайшими пленками. Эти пленки она сделала прозрачными, чтобы через них можно было видеть, и прочными, чтобы держались. А глаза сделала скользкими и подвижными, чтобы они могли и отклониться, если им что-то может повредить, и с легкостью обратить свой взгляд, куда хотят. А сам зрачок, которым мы видим, называемый “pupula”¹⁵³, так мал, что легко избегает того, что может ему повредить. И веки, служащие покровами для глаз, прикасаются к ним очень нежно, чтобы не повредить зрачков. Они очень хорошо приспособлены и для прикрытия зрачков, чтобы в них ничего не попало, и легко открываются. [Природа] предусмотрела, чтобы они могли это делать по много раз с величайшей быстротой. (143) Веки защищены словно палисадом из ресниц, которые, когда глаза открыты, сталкивают,

если что-нибудь в них попадет, а когда глаза во время сна закрываются и мы ими в это время не пользуемся, не смотрим, то веки и ресницы прикрывают глаза, чтобы они, словно закутанные, спокойно отдыхали. Но, помимо того, наши глаза со всех сторон хорошо прикрыты и защищены выступающими частями лица; во-первых, сверху эти выступы покрыты бровями, которые не пропускают пот, стекающий с головы и лба. Затем расположенные ниже и слегка выступающие щеки также служат глазам защитой. А нос занимает такое положение, что выглядит как бы стеной, поставленной между глазами.

(144) Уши всегда открыты, ведь слухом мы пользуемся, даже когда спим, услышав ими звук, мы пробуждаемся ото сна. Проход в ухо извилистый, чтобы в него не смогло что-нибудь забраться, что могло бы случиться, если бы этот проход был прямой и открытый. Предусмотрено также, что если какое-то маленькое существо попытается проникнуть в ухо, то оно завязнет в ушной сере точно в клею.

А снаружи выступают так называемые уши. Они созданы и для того, чтобы защищать слух, и еще для того, чтобы поступившие звуки не рассеялись и не потерялись, прежде чем подействуют на слух. И эти входы [в уши] твердые и как бы роговые, со многими изгибами, потому что, отразившись от тел такой природы, звук усиливается; оттого и резонаторы у струнных инструментов делаются из черепаховых щитков или из рога; известно также, что в закрытом и извилистом месте звуки раздаются громче. (145) Сходным образом и ноздри, которые всегда по необходимости бывают открыты, имеют суженные проходы, чтобы в них не смогло проникнуть что-нибудь могущее повредить, и в них всегда имеется влага, служащая для того, чтобы воспрепятствовать проникновению пыли и других ненужных тел. И орган вкуса тоже превосходно защищен, ибо он заключен во рту, что и для пользования им удобно, и для сохранения его в невредимости. И все человеческие чувства намного превосходят чувства животных.

LVIII. Так, наши глаза видят много такого, что недоступно животным. Во-первых, в произведениях тех искусств, суждение о которых принадлежит глазам: живописи, ваянии, резьбе по дереву и металлу. Наши глаза могут судить также об изяществе телодвижений и жестов, о цветах и формах, о прелести, гармонии, и, так сказать, пристойности и о многом другом еще более значительном. Ибо глазами распознают и добродетели и пороки, узнают разгневанного и доброжелательного, веселого и грустного, храброго и трусливого, смелого и робкого.

(146) И ушам также присуще какое-то поразительное умение искусно разбираться и в пении, и в игре на флейте, и на струнных инструментах, различать звуки и интервалы, многочисленные разновидности голосов: звонкий и глухой, нежный и резкий, низкий и высокий, гибкий и грубый; только человеческое ухо способно судить об этом. Велики также способности ноздрей¹⁵⁴ судить о запахах, способность человека судить о вкусе, способность осязания. Да еще изобретено множество (больше, чем мне хотелось бы) способов, как лучше воспринимать эти ощущения и получать от этого наслаждение. Известно, ведь, каких успехов достигли в составлении различных благовоний, приправ к пище, до чего дошли в украшении своей внешности¹⁵⁵.

LIX. (147) Но тот, кто не сознает, что и сам дух (animus) и ум (mens) человека, его рассудок (ratio), благоразумие (consilium), его мудрость (prudencia) образовались не без божественного попечения, тот сам, мне кажется, лишен этих качеств. Обсуждая эти вопросы, как бы мне, Котта, хотелось обладать твоим красноречием! Представляю, как бы ты говорил об этом!

Во-первых, замечательно, до чего велика в нас способность понимать (intelligentia), затем способность связывать следствия с причинами (comprehensio), из чего становится ясным, что

от чего происходит; это заключение мы делаем рассудком (*ratio*). Мы способны определять и охватывать описанием единичные вещи. Из этого можно понять какую великую силу имеет знание (*scientia*) — верх совершенства даже в божестве.

А как велико значение того, что вы, академики, оспариваете и опровергаете, а именно, что мы способны и чувствами, и разумом (*sensibus et animo*) воспринимать и познавать внешний мир!¹⁵⁶

(148) Сопоставляя и сравнивая все это, мы создаем искусства, частью для жизненных потребностей, а частью для наслаждения. Как прекрасно и божественно искусство красноречия, которое вы сами обычно называете владыкой мира! Оно, во-первых, дает нам возможность научиться тому, чего мы не знаем, и научить других тому, что мы знаем. Затем красноречием мы побуждаем, убеждаем, им мы утешаем огорченных, избавляем от страха напуганных, смиряем зазнававшихся, укрощаем страсти, подавляем гнев. Красноречие соединило нас общностью права, законов, городской жизни. Оно оторвало нас от грубой и дикой жизни.

(149). Представляется невероятным, если хорошо вдуматься, сколь много труда и изобретательности пришлось затратить природе, чтобы наделить нас способностью речи. Во-первых, от легких ко рту тянется дыхательное горло (*arteria*). Голос, берущий свое начало от ума (*principium a mente ducens*)¹⁵⁷, воспринимается дыхательным горлом и проходит через него. Затем во рту помещается язык, огражденный зубами. Язык образует из протекающего нечленораздельного звучания нечто определенное, делает звуки голоса отдельными и размеренными, прижимая [поток воздуха] то к зубам, то к другим частям рта. Поэтому наши обыкновенно говорят, что язык подобен плектру¹⁵⁸, зубы — струнам, ноздри — «рогам» струнного инструмента¹⁵⁹, которые во время игры усиливают звучание струн.

LX. (150) А руки, что природа дала человеку, до чего приспособлены к занятиям многими искусствами! Пальцы их легко и сгибаются и разгибаются, до того гибки их связки и сочленения, и движутся без всяких затруднений. Поэтому рука, применяя пальцы, приспособлена и для рисования, и для ваяния, для резьбы, для извлечения звуков из струн и флейт. Это что касается развлечений, а если о необходимых занятиях, то можно указать на обработку земли, возведение зданий, тканье и шитье одежды, всякие виды обработки меди и железа.

Отсюда понятно, что то, что ум придумал, чувства восприняли, руки мастеров изготовили, для того чтобы мы имели возможность укрыться в жилище, одеться, сохранить свое здоровье, иметь города, стены, храмы. (151) Затем трудами людей, т. е. руками изобретено также изобилие разной пищи. Ибо и поля приносят многое, что добывается рукой и либо сразу употребляется в пищу, либо заготавливается впрок. Кроме того, мы питаемся [мясом] животных, и таких, которые водятся на суше и которые — в воде, и летающих. Частью мы их ловим, частью выкармливаем. Для наших перевозок мы также приручаем четвероногих, которых быстрота и сила нам самим придает больше силы и скорости. Некоторых животных мы нагружаем всякими грузами, на других налагаем ярмо. Мы используем для наших нужд обостреннейшие чувства слонов, чутье собак. Из земных недр добываем железо, вещь необходимую для обработки полей. Мы открываем скрытые в глубине жилы меди, серебра, золота — металлов, которые и пользу приносят, и для украшения служат. Срубая деревья, как возвращенные нами, так и дикорастущие, мы используем их древесину, частью применяя огонь для согревания тела и для смягчения пищи, частью — для строительства, чтобы, укрывшись в жилищах, спастись и от холода, и от жары. (152) Большую пользу приносит [древесина] также для строительства кораблей, которые, плавая, доставляют нам отовсюду все нужное для жизни. Одни только мы способны обуздывать самые неистовые порождения природы — моря

и ветры, благодаря науке мореплавания. И вследствие этого мы употребляем для себя великое множество продуктов моря и наслаждаемся ими. Полностью властвует человек и над тем, что дает хорошего суша. Мы используем равнины и горы. В нашем распоряжении реки и озера. Мы засеваем поля, сажаем деревья. Подводя воду, мы сообщаем плодородие почве. Мы сдерживаем течение рек, направляем их, поворачиваем их. Короче, наши руки как бы создают в природе вторую природу.

LXI. (153) Да что говорить! Не проник ли разум человеческий даже в небо? Ведь только мы из всех живых существ познали [закономерности] восхода, захода, передвижений небесных светил; род человеческий определил границы дня, месяца, года; мы изучили и научились предсказывать на все будущее время затмения солнца и луны: какие, как и когда они произойдут. Созерцая все это, дух (animus) наш приходит к познанию богов, от чего рождается благочестие. А к благочестию присоединяется справедливость и другие добродетели, из которых складывается блаженная жизнь, похожая на ту, которую ведут боги, и уступающая ей только в одном — ей не хватает бессмертия небожителей, что, впрочем, никакого отношения к блаженной жизни не имеет¹⁶⁰.

Изложив все это, я, как мне кажется, достаточно показал, насколько человек по природе своей превосходит все прочие живые существа. Из чего должно понять, что ни фигура человека, ни расположение его членов, ни сила его ума, такая, какая она есть, не могли быть делом случая. (154) Мне остается доказать и тем закончить свою речь, что все в этом мире, чем пользуются люди, именно для них создано и уготовано.

LXII. Прежде всего сам мир создан ради богов и людей¹⁶¹, и все, что в нем есть, изготовлено и придумано для пользы людей. Мир — это как бы общий дом богов и людей, или город тех и других, потому что только они, пользуясь разумом, живут по праву и закону. И как Афины и Лакедемон, надо думать, были основаны ради афинян и лакедемонян, и все, что есть в этих городах, справедливо считается принадлежащим этим народам, так все, что ни есть в мире, должно считаться — для богов и людей. (155) И даже круговращения Солнца и Луны и остальных небесных светил, хотя и относятся к взаимосвязанности частей мира, вместе с тем служат и зрелищем для людей, видом, на который невозможно вдоволь наглядеться, которого нет прекраснее, нет превосходнее по разумности и искусству. Рассчитывая движение этих светил, мы познаем своевременность наступления разных времен года, их смены, их изменения. И если это известно только людям, то следует считать, что для людей это и сделано.

(156) А земля, с величайшей щедростью производящая разные плоды и овощи, что же она родит их ради зверей или ради людей? А что сказать о виноградных лозах или масличных деревьях, которых обильные и веселящие [душу] плоды к животным совсем не имеют отношения? Ведь у животных нет никакого понятия ни о сеянии, ни об обработке земли, ни о своевременной уборке урожая, ни о том, чтобы его сберечь и отложить про запас. Только люди способны проявить заботу и использовать все это.

LXIII. (157) Как лиры и флейты делают для тех, кто умеет ими пользоваться, так следует признать, что все то, о чем я говорил, уготовано для тех только, которые этим пользуются, и если кое-какие животные крадут некоторую часть из этого и захватывают себе, то не будем говорить, что это произведено также и ради животных. Ибо не для мышей и муравьев люди убирают хлеб, а для своих жен, детей, близких. Так что животные пользуются ими, можно сказать, украдкой, а хозяева — открыто и свободно.

(158) Значит, следует признать, что это изобилие благ уготовано для людей. Такое изобилие и такое разнообразие плодов, приятных не только на вкус, но и на запах, на вид, может ли

оставить место сомнениям в том, что природа даровала это одним только людям? Никак не может быть, чтобы все это было уготовано также и ради животных, поскольку, как мы знаем, и животные-то сами порождены ради людей¹⁶². Действительно, к чему иному овцы, если не к тому, чтобы их шерстью, обработанной и сотканной, одевались люди? Ведь сами овцы без человеческого ухода и заботы не могли бы ни прокормиться, ни поддержать свое существование, ни давать какого-нибудь дохода. А собаки? Их верность в охране имущества, их любовь, с которой они лапаются к своим господам, их ненависть к чужим, невероятная тонкость их чутья при выслеживании добычи, быстрота бега на охоте, о чем другом это свидетельствует, как не о том, что они созданы для пользы людей? (159) А что сказать о быках? Сами спины их своей формой разве не говорят о том, что они созданы для принятия на себя тяжелой ноши? Так же как их шеи — для наложения на них ига, а сильные и широкие плечи — для того, чтобы тащить плуг? В золотом веке, по словам поэтов, быкам никогда не чинили насилия, так как они, разрезая глыбы земли, взрыхляли почву:

Вот тогда-то и народилось железное племя.
Первым оно и осмелилось выковать меч смертоносный¹⁶³,
Чтобы вкусить плоть тельца, укрощенного их же руками.

Пользу, которую получали от быка, ценили так высоко, что есть его мясо считалось преступлением¹⁶⁴.

LXIV. (160) Я бы слишком затянул свою речь, если бы стал подробно излагать, какая польза от мулов и ослов, которые определенно предназначены для использования их людьми. А свинья, для чего она годится, если не в пищу людям? Ей, как шутил Хрисипп, и душа (anima) дана вместо соли, чтобы [мясо ее] не испортилось. И свинью-то, так как это животное особенно пригодно для пропитания людям, природа наделила наивысшей плодovitостью. А что сказать о множестве видов рыб, приятных на вкус? О птицах, от мяса которых получаешь такое удовольствие, что просто кажется, будто наше Провидение (Proponia) само было эпикурейкой. А ведь они даже не ловились бы, если бы не человеческий разум и ловкость. Впрочем, некоторые птицы alites и oscines, как их называют наши авгуры¹⁶⁵, по нашему мнению, и созданы для авгурского гадания о будущем.

(161) Даже огромных и диких зверей мы добываем на охоте, чтобы употребить их в пищу, и для упражнения, так как охота напоминает военное дело. Прирученных и выдрессированных мы их используем, как, например, слонов. Мы добываем также из их тел многие лечебные средства от болезней и ран, как и из некоторых растений и трав, полезные свойства которых мы постигли из продолжительного использования и опыта.

Можно обозреть как бы глазами ума всю землю и все моря, и вот ты увидишь обширные плодоносные просторы равнин, горы, покрытые густыми лесами, пастбища для скота, увидишь моря, по которым с невероятной скоростью плывут корабли. (162) И не только на поверхности земли, но и во мраке ее недр скрывается много полезных вещей, которые созданы на потребу человеку, и только люди их открывают.

LXV. Другое доказательство того, что провидение богов печется о человеческих делах и, по-моему, наиболее убедительное — это предвещения будущего. Пожалуй, каждый из вас двоих, Котта и Веллей, ухватится за это утверждение, чтобы его опровергнуть. Котта, потому что Карнеад всегда охотно нападал за него на стоиков, а Веллей — потому что Эпикур ни над чем так не издевался, как над предсказаниями будущего. Но ведь известно множество случаев сбывшейся дивинации, случаев, происшедших в разных местах, в разные времена, по разным обстоятельствам, как в частной жизни, так и, в особенности, в общественной. (163) Многие усматривают гаруспики, многие провидят авгуры, многое объявляется оракулами, многое

узнается через прорицания, многое — через сны, многое — через знамения. Благодаря этому часто удавалось осуществить многие человеческие предприятия, нужные и полезные, и были предотвращены многие опасности. И вот эта или сила, или искусство, или природная способность дана людям, для того чтобы они могли узнавать будущее, конечно, не кем иным, как бессмертными богами. Если эти соображения по отдельности вас, может быть, не убеждают, то в совокупности и взаимосвязи они должны были вас убедить.

(164) Но боги бессмертные пекутся и заботятся не только о роде человеческом в целом, но и об отдельных людях. Ибо постепенно сужая [круг], можно перейти от человечества в целом к небольшой его части, и в конце концов к отдельным людям.

LXVI. Если мы считаем, на основании сказанного выше, что боги заботятся о всех людях, где бы они ни были, в каком бы краю и части земли за пределами той страны, которую мы населяем, они ни находились, то, значит, они пекутся и о тех людях, что населяют вместе с нами и эту страну с востока на запад. (165) А если боги заботятся о людях, которые населяют этот как бы некий большой остров, называемый нами «круг земли» (*orbis terrae*)¹⁶⁶, то значит они заботятся о тех, что занимают разные части этого острова: Европу, Азию, Африку. Стало быть, боги пекутся и о частях этих частей: Риме, Афинах, Спарте, Родосе, а в этих городах выделяют и проявляют особую любовь к отдельным людям, как во время войны с Пирром — к Курию, Фабрицию, Корунканию; в Первой Пунической войне — к Калатину, Дуилию, Метеллу, Лутацию; во Второй — к Максиму, Марцеллу, Сципиону Африканскому; после них — к Павлу, Гракху, Катону или во времена наших отцов — к Сципиону, Лелию. А кроме этих, и наше государство, и Греция дали многих выдающихся людей, из которых, надо полагать, ни один не стал бы таким без помощи бога. (166) Это соображение и побудило поэтов, а более всего Гомера приставить к главным своим героям: Улиссу, Диомеду, Агамемнону, Ахиллу определенных богов, в качестве наставников в трудностях и опасностях. Кроме того, частое явление самих богов людям, о чем я уже говорил ранее, доказывает, что они, боги, пекутся и о государствах, и об отдельных лицах. Это можно понять также из предвещаний, которые сообщаются людям то во сне, то наяву. На многое нам указывают и знамения, многое узнаем по внутренностям жертвенных животных, многое другими способами, наблюдение которых и применение и привело к возникновению искусства дивинации.

(167) Итак, никто никогда не стал великим человеком без некоего божественного вдохновения¹⁶⁷. Однако мы не должны думать, что если у кого-то буря повредила посевам или виноградникам или случай отнял часть жизненных благ, то это означает, что такого человека, которого постигло что-нибудь подобное, бог или возненавидел, или пренебрегает им. Боги пекутся о великом, но малым пренебрегают¹⁶⁸. Великих людей всегда сопровождает успех во всех делах. Ведь и нашими, и главой философов Сократом достаточно было сказано о великих преимуществах и возможностях добродетели¹⁶⁹.

LXVII. (168) Вот, примерно, те мысли, которые пришли мне на ум и которые я счел нужным изложить о природе богов. И ты, Котта, хочу верить, будешь защищать то же дело и учтешь, что ты один из первых наших граждан, подумаешь и о том, что ты понтифик. И так как вам [академикам] позволяется рассуждать и за, и против, то возмешь под защиту скорее мою сторону. И то умение рассуждать, которое ты приобрел упражнениями в риторике и развил в Академии, предпочтешь применить мне в помощь. Ведь говорить против богов — это и дурно и нечестиво, делается ли это от души или неискренне».

ПРИМЕЧАНИЯ О ПРИРОДЕ БОГОВ. Книга II

1. Вторая книга «О природе богов» содержит речь стоика Луцилия Бальба. После небольшого вступления (§ 1—3) Бальб начинает свою речь с доказательств существования богов (§ 4—17). Во второй части своей речи доказывает, что мир в целом — это бог и богами являются также небесные светила (§ 18—44). В § 45 по 72 рассматривается вопрос о «природе богов», о их свойствах. В третьей части Бальб говорит о божественном промысле и управлении миром (§ 73—133). В четвертой, заключительной части — о том, что боги проявляют преимущественную заботу о людях (§ 133—167).
2. То есть стоиков.
3. Бальб цитирует стих из недошедшей до нас трагедии Энния «Фиест».
4. Анналы, 175, 581.
5. *У нашего народа... набожность с каждым днем становится больше* — Ср.: II, 9, где Бальб сожалеет о пренебрежительном отношении к ауспициям.
6. В 496 г. римляне одержали у *Регильского* озера крупную победу над союзом *латинских* племен. Ср.: *Т. Ливий*, II, 19.
7. *Кастор* и *Поллукс* — по Гомеру («Одиссея», XI, 299), — близнецы, сыновья спартанского царя Тиндарея (отсюда — «Тиндариды»); по Гесиоду, супруга царя, Леда, родила их от Зевса, поэтому их называли также Диоскурами (греч. «сыновья Зевса»).
8. Македонский царь *Персей* был разбит римским полководцем Эмилием Павлом в битве при Пидне (Македония) в 168 г.
9. *Локры* и *Кротон* — греческие колонии в Южной Италии. Сражение между ними произошло в 580 г.
10. *Фавны* — в древней Италии местные божества, покровители полей и скота. Им приписывали также способность предвещать будущее.
11. В оригинале ряд глагольных форм: *ostendi, monstrari...* и соответствующих существительных — слова, близкие между собой по значению. *Ostentum* и *prodigium* означают всякое вообще чудесное явление. *Monstrum* чаще употребляется в смысле «чудовищного», особенно в мире живых существ (например, рождение теленка с двумя головами). *Portentum* — особенно о явлении, предзнаменующем бедствие.
12. *Моис* — мифический провидец, участник похода аргонавтов. *Тиресий* — слепой прорицатель, имя которого связано с фиванским циклом мифов и сказаний, в частности об Эдипе. *Амфиарай* — легендарный царь Аргоса, знаменитый предсказатель будущего. *Калхант* — по Гомеру, прорицатель, участник похода на Троию. *Гелен* — сын троянского царя Приама, также обладал даром пророчества (Илиада, VI, 76).
13. *Публий Клавдий Пульхр* — консул 249 г.
14. *Куры не стали клевать* — см.: примеч. к I, 55.
15. *Великое горе* — в 249 г. римские легионы, которыми командовал П. Клавдий Пульхр, были разбиты карфагенянами.
16. *Луций Юний Пул* — второй консул 249 г.
17. *Луций Целий Антипатр* — римский историк II половины II в.; написал историю Второй Пунической войны.
18. *Гай Фламиний Непот* — римский полководец во время II Пунической войны, командуя римской армией в 217 г., потерпел поражение от Ганнибала у Тразименского озера. Ср.: *Т. Ливий*, XXI, 63, 6—14; «Гай Фламиний не только с сенатом, с самими бессмертными богами вел войну».
19. *Атт Навий* — легендарный авгур времен древнеримских царей Тарквиния Древнего и Тулла Гостилия. Подробнее о нем см.: *Цицерон*. О дивинации, I, 31.
20. *Пренебрежительного отношения... знати* — авгурская коллегия пополнялась только из числа знати, нобилитета.
21. *Завещания перед началом сражения* — в то время как полководец перед началом сражения совершал ауспиции, рядовые воины обычно сообщали товарищам по оружию свою последнюю волю на случай гибели. Это завещание, хотя и сделанное в устной форме, по римским законам имело полную юридическую силу.

22. *Некоторые полководцы* — отец, сын и внук Деции, первый — во время войны с латинами в 340 г., второй — в сражении с этрусками в 295 г., третий — в 279 г. в битве при Аускуле с Пирром.
23. *Из сивиллиных прорицаний* — сивиллы — легендарные женщины-прорицательницы. В Италии особенно славилась кумская сивилла (Кумы — город в Южной Италии). По преданию, древнеримский царь Тарквиний Гордый купил у кумской сивиллы таинственные книги, в которых в туманной, иносказательной форме, в стихах гексаметром на греческом языке были записаны грядущие судьбы римского народа. «Сивиллины книги» хранились в храме Юпитера Капитолийского, и по особо важным государственным делам к ним обращались за советом. В 83 г. книги погибли от пожара, но из сохранившихся изречений было составлено новое собрание «Сивиллиных книг». Существовала особая жреческая коллегия (во времена Цицерона — из 15 членов) «толкователей Сивиллы» (*sibillae interpretes*), обязанностью которых было узнать нужное место в книге и истолковать его смысл. Ср.: III, 5.
24. *Этрусских гаруспиков* — во времена Республики гаруспики были исключительно этрусского происхождения, поэтому и гаруспиции часто называли «этрусской наукой» (*tusca disciplina*).
25. *В консульство П. Сципиона и Г. Фигула* — 162 г.
26. *Тиберий Семпроний Гракх* — отец знаменитого народного трибуна того же имени; был второй раз консулом (и вместе с тем авгуром) в 163 г.
27. *В коллегия* — имеется в виду коллегия авгуров.
28. *Читая книги* — коллегия авгуров располагала «авгурскими книгами» — *libri augurales*, в которых были записаны различные предписания, относящиеся к их обязанностям. См.: Цицерон. О дивинации, II 42; II, 73.
29. *Надлежащее место для ауспиций* в подлиннике *tabernaculum* — «шатёр». *Сципионовы сады* находились за городом.
30. *Померий* — сакральная граница города, незастроенное, обозначенное межевými камнями пространство по обе стороны городской стены. Центуриатные комиции, на которых происходили выборы магистратов, происходили на Марсовом поле, за городом, поэтому и ауспиции перед комициями должны были совершаться за померием. А по ритуалу авгур, пересекая померий, должен был каждый раз совершать особые ауспиции. Тиберий забыл об этой своей обязанности авгура. Об этом случае с Тиберием Гракхом упоминает также Валерий Максим (I, 1, 3).
31. *Признать, что боги существуют* — один из основных доводов стоической школы в пользу существования богов: раз существует дивинация — возможность чудесным образом провидеть будущее на основе различных «знамений», значит, существуют боги, посылающие эти «знамения». Но, с другой стороны, возможность дивинации стоики доказывали исходя из аксиомы о существовании богов. Цицерон в дальнейшем укажет на это противоречие. См.: Цицерон. О дивинации, I, 10.
32. *Во время войны с Октавием* — Бальб имеет в виду события 87 г., борьбу между сулланцами и марианцами. Сулланцев возглавлял консул Гней Октавий.
33. В 129 г. *Публий Корнелий Сципион Африканский* был найден мертвым в собственном доме. Распространился слух, что он убит его политическими врагами. Ср.: III, 80.
34. *Критику рассуждений Хрисиппа* — см.: III, 80.
35. *Не для... ласочек* — этих зверьков римляне приручали и разводили ради ловли мышей.
36. Приведенное замечание Сократа содержится в кн.: *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе, I, 4. Та же аргументация у христианского писателя Лактанция (X, 23). Ср.: III, 27; Цицерон, О дивинации, II, 26; Секст Эмпирик, IX, 94—95.
37. *Душа (anīma)* — в некоторых списках *animus*. Впрочем, Цицерон часто употребляет эти два слова без различия. Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, I, 19; *Он же*. Учение академиков, II, 124.
38. Ср.: Секст Эмпирик, IX, 99—100.

39. *Всеобщая согласованность* — учение стоиков о мировой «симпатии», т. е. о полной взаимосвязанности малейшей части мира со всем миром. Мир представляется как единое органическое целое. Ср.: III, 28; *Секст Эмпирик*, IX, 79—80.
40. *Злословие* — приняв эмендацию Дэвиса “convicia” вместо явно испорченного vitia («пороки») в списках.
41. Ср.: *Секст Эмпирик*, IX, 85, 104.
42. Ср.: Там же, IX, 101.
43. *Семена, которые земля... из себя родит* — довольно распространенное в древности представление. Ср.: *Теофраст*. Об истории растений, II, 1.
44. *Четвертой... части мира* — т. е. стихия огня.
45. *Платона... бога философов* — ср.: *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 55; О законах, III, 1; Младшие стоики, в частности Панетий, Посидоний, с которыми Цицерон был особенно близок, очень высоко ценили Платона, хотя часто расходились с ним во взглядах. В частности, вывод Бальба об эфирной (т. е. в сущности материальной) сущности души мира расходится с учением Платона, по которому душа мира абсолютно нематериальна.
46. *По его мнению* — Федр, 245 С. Ср.: *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 53, где Цицерон дает полный перевод этого места.
47. *Безукоризненно во всех отношениях* — в подлиннике: «закончено по всем своим числам» — по учению стоиков мир управляется числами.
48. *Чтобы созерцать мир* — ср.: *Цицерон*. Катон старший, или О старости, 77: «Бессмертные боги... посеяли души в людские тела, чтобы было кому блюсти земли и, созерцая порядок небесных тел, подражать ему своей жизнью и постоянством».
49. *Солнце... питается испарениями океана* — ср.: *Диог. Лаэрт.*, VII, 145.
50. *Стоики различали два вида огня: πῦρ τεχνικόν* — творческий огонь (эфир) и πῦρ ἄτεχνον — нетворческий, разрушительный огонь.
51. *По мнению Аристотеля* — может быть, фрагмент из утерянного трактата Аристотеля «О философии».
52. *Люди... отличаются более острым умом* — ср.: II, 17; *Цицерон*. О судьбе, 7.
53. В дошедших до нас сочинениях Аристотеля аналогичного высказывания не обнаружено, хотя оно вполне в духе этого философа. «Природа» в данном случае — внутренняя бессознательная природная сила, заключенная в вещи; «сила» (vis) — внешняя по отношению к объекту воздействия.
54. *Философы, уподобившиеся невежественному люду*, — эпикурейцы. См.: I, 76.
55. *В душе у нас заложено определенное представление* — стоики придавали большое значение роли πρόληψις; Цицерон перевел это, введенное Эпикуром, греческое слово латинским anticipatio, объяснив его как некое предвосхищенное душою отображение или впечатление (informatio) о вещи. См.: I, 43.
56. *Эпикуру... вовсе не напоминающий... свое отечество* — жители Аттики, родины Эпикура, славились своим остроумием и склонностью к шуткам.
57. *Не нюхали ученой пыли* — при изучении математики стол посыпали тонким песком и по нему чертили геометрические фигуры и знаки.
58. *Как говорит Энний* — в каком сочинении, неизвестно.
59. В оригинале игра слов: “palatum” — «нёбо» и “palatum” — «свод» (неба).
60. *С востока на запад* — видимое, кажущееся движение неподвижных звезд на небе, которое объясняется действительным вращением земли в обратную сторону.
61. *По двум... направлениям* — планеты совершают видимое движение по небу в направлении обратном движению земли и действительное движение по своим орбитам вокруг солнца, по кругу Зодиака.
62. *Тень земли, застилая солнце, производит ночь* — ср.: *Гигин*. Об астрономии, IX, 9: «Ночью мы называем тень земли, когда она застилает свет солнца».
63. В 46 г., т. е. за два года до написания Цицероном трактата «О природе богов», Юлий Цезарь по предложению александрийского математика и астронома Созигена ввел новый

календарь, «юлианский», в основу которого был положен египетский солнечный год вместо римского лунного.

64. Древние греки и римляне верили, что луна порождает росы и туманы, влияет на рождение, рост и развитие растений, животных и людей.

65. *Пяти звезд, которые неверно называют «блуждающими»* — т. е. пяти известных древних планет: Сатурна, Юпитера, Марса, Венеры и Меркурия.

66. В древности длина «великого года» была вычислена в 12954 лет. Ср.: Гортензий, фр. 26; Цицерон. О государстве, XXII, 24.

67. Цицерон приводит ряд греческих названий планет: Сатурна (Φαίνων — «сияющая»), Марса (Πυρόεις — «огненно-красная»), Юпитера (Φαέθων — «блистающая»), Меркурия (Στίλβων — «мерцающая»), Венеры (Φωσφόρος — «светоносная» и Ἑσπερος — «вечерняя»).

68. Приводимые Цицероном здесь и ниже данные о длительности оборота планет несколько расходятся с данными современной науки.

69. *Звезды, которые называют «неблуждающими»... не пригвождены к небу* — в «Тускуланских беседах» (V, 69) Цицерон о «неблуждающих звездах» утверждает как раз обратное, что они «движутся вместе с небом на своих незыблемых местах», подразумевая, по-видимому, под «небом» звездную «сферу».

70. *[Небесные тела]... лишенные разума* — имеется в виду, очевидно, метеоры. См.: Диог. Лаэрт., VII, 156.

71. Ср.: Диог. Лаэрт., VII, 138.

72. *Греческие мудрецы* — в частности, Персей и Продик. См.: I, 38; I, 118, *примеч.*

73. Теренций. Евнух, 732.

74. *Либер* — римское земледельческое божество, рано отождествленное с греческим Дионисом, покровителем виноградарства и виноделия. *Квири* — один из древнейших богов Италии. Его отождествляли с Марсом. Приводимая здесь и далее этимология греческих и римских имен богов в ряде случаев неосновательна, так же как и некоторые другие филологические изыскания, до которых Цицерон был большой любитель.

75. Смысл стиха из неизвестной трагедии Энния неясен.

76. Стих из утерянной трагедии Еврипида.

77. *Тимей* — из Тавромения (Сицилия) (ок. 350—256) написал историю Сицилии с древнейших времен до Пирровой войны (280—275) и несколько других произведений, от которых дошли только фрагменты.

78. Великолепный храм *Дианы в Эфесе*, одно из «семи чудес света», был подожжен в 356 г. Геростратом, который пожелал таким образом обессмертить свое имя. *Олимпиада* — мать Александра Македонского. См.: Плутарх. Александр, III, 3.

79. Гомер. Илиада, XX, 67 сл.

80. Этимологические истолкования Бальбом слов “superstitio” (суеверие) и “religio” (религия) также спорны. Христианский писатель Лактанций (III—IV в. н. э.), оспаривая приведенное место из Цицерона, предлагает другую этимологию слова “religio”, выводя его не от “religere”, а от “religare” (связывать) — Лактанций, IV, 28.

81. *Ты... вчера сказал* — судя по этим словам Бальба, а также словам Котты в III, 18, Цицерон первоначально рассчитывал, что диалог будет продолжаться четыре дня, между тем как начальные слова II и III книг показывают как будто, что беседа длилась без всяких перерывов.

82. *Ареопаг* — название афинского государственного совета.

83. *Провидение богов... устроило* — заметим, что стоики, как и эпикурейцы, не признавали творения «из ничего».

84. Следует заметить что Цицерон, так же как Лукреций, употребляет термины “simulacrum” и “imago” безразлично, переводя ими ἑἰδολά Демокрита.

85. *Единым миром* — в противоположность бесчисленным мирам Эпикура.

86. *Свыше (a superis)* — по учению стоиков — от эфира, звезд.

87. *Все подчинено природе* — на этот раз, конечно, «мыслящей природе» (natura sentiens) стоиков.

88. *Иные* — имеются в виду философы эпикурейской школы. Ср. I, 35; II, 43; III, 27.

89. *Другие же* — в частности, стоики.
90. Ср.: *Секст Эмпирик*, IX, 333.
91. *То, что им присуще* — качественные особенности, такие, как величина, цвет, тяжесть...
92. *Земля... получает питание от выше расположенных... природ* — имеются в виду вода, воздух, эфир.
93. *Воздух с нами видит, с нами слышит, с нами поет* — ср. *Диог. Лаэрт.*, VII, 157—158; VII, 55.
94. *Что тянется к центру... кверху... вокруг* — земля и вода вследствие своей тяжести тянутся вниз, воздух и огонь стремятся вверх, эфир движется вокруг земли. Ср.: I, 103; II, 116.
95. Большинство стоиков считали, что этот мир «подвержен гибели, как все имеющее начало». Однако Панэтий, напротив, объявляет мир неразрушимым. См.: *Диог. Лаэрт.*, VII, 141—142. Ср.: II, 118.
96. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VII, 136.
97. Стоики, которые не могли отрицать некоторые несовершенства в мире, пытались преодолеть эту трудность ссылкой на качество материала, с которым «мыслящей природе» приходится иметь дело. Ср.: *Сенека*. О провидении, V, 9: «не может мастер изменить материю».
98. Первый небесный глобус был сконструирован в Сиракузах (Сицилия) знаменитым математиком и механиком Архимедом (287—212). После него то же сделал Посидоний. Ср.: *Цицерон*. О государстве, I, 14; *Он же*. Тускуланские беседы, I, 63.
99. *Луций Акций* — римский поэт (ок. 170—80) автор ряда трагедий большею частью по греческим образцам. Приведенные стихи — из трагедии «Медей».
100. *Подобное Сильвана песне*. — Сильван — древнеримский бог, покровитель лесов, полей и стад, был позже отождествлен с греческим Паном. Его также представляли играющим на свирели. Но «пение» скорее относится к Орфею, который со своей лирой также находился на корабле аргонавтов.
101. *Марк Пакувий* — (219—130) — римский поэт, автор нескольких трагедий и комедий, которые в большинстве своем были обработкой греческих, и действующие лица в них — греками. Из какого именно его произведения взяты приведенные стихи, не установлено в точности, по мнению Риббека, — из трагедии «Хрис».
102. Римляне насчитывали в своем алфавите 21 букву. Буквы Y и Z рассматривались как греческие.
103. Слово «качество» (*qualitas*) в латинском языке времен Цицерона было еще неологизмом, почему Цицерон и счел нужным привести его по-гречески. Ср.: *Цицерон*. Учение академиков, I, 24—25.
104. *Сказал Аристотель* — вероятно, в недошедшем до нас трактате «О философии».
105. Извержение вулкана Этны в Сицилии произошло в 44 г., незадолго до смерти Цезаря.
106. В действительности диаметр Луны почти в 4 раза меньше, чем Земли.
107. *Теми же путями* — т. е. по поясу Зодиака.
108. *Арат* из Солы (Малая Азия) (ок. 315—240) — греческий поэт, автор научной поэмы «Явления и приметы», в которой описываются явления в небе и в атмосфере, в частности, предвещающие изменения в погоде. Цицерон перевел ее на латинский язык еще в молодые годы. Впоследствии появились и другие переводы на латинский язык ряда авторов.
109. *Не заходят [за горизонт]* — для жителей северного полушария от 360 северной широты.
110. *Киносура* — малая Медведица. Название, означающее по-гречески «собачий хвост», дано, может быть, по кривому ряду звезд в конце созвездия. *Гелика* — по мифу имя одной из возлюбленных Зевса. Ревнивая супруга Зевса, Гера, превратила Гелику в медведицу. Но Зевс перенес ее на небо, где она стала созвездием Большой Медведицы.
111. *Семью Волами* — лат. *septentriones*; это слово стало по-латыни означать также «север».
112. *Для моряков полезней* — по Малой Медведице легче определять северное направление.
113. Созвездие Дракона.
114. *Восход единится с закатом* — на горизонте, когда ночи коротки.

115. «Энгонасин» — греч. «На коленях» — созвездие Геркулеса; греки усматривали в этом созвездии образ Геракла, сражающегося с Драконом.
116. «Змееносец» — в этом созвездии видели образ Эскулапа. Сын Аполлона — Эскулап был наделен способностью не только исцелять больных, но и воскрешать мертвых. Разгневавшись на Эскулапа за это, Юпитер убил его своей молнией. Но затем он был помещен на небо, среди созвездий.
117. *Арктофюлакс* — греч. «Страж Медведицы». *Боотес* — греч. «волопас» — созвездие Волопас. *Аркт* — греч. «Медведь».
118. *Кефей* (Цефей) — эфиопский царь, по мифу, был вместе с женой Кассиопеей и дочерью Андромедой вознесен на небо и помещен среди звезд. Ср.: *Овидий*. *Метаморфозы*, IV, 663 сл.
119. *Конь* — созвездие Пегаса.
120. *Аквилон* — Северный ветер, Север.
121. *Персей* — мифический герой, спасший *Андромеду* от морского чудовища, был вместе с Андромедой вознесен на небо и превращен в созвездие, и чудовище — тоже (созвездие «Кит»).
122. *Вергилии* (лат. «Склоняющиеся») — у греков назывались Плеяды — семь звезд в созвездии Тельца. По мифу, семь дочерей океаниды (дочери Океана) Плейоны, опечаленные участью своего отца Атланта, обреченного вечно подпирать небесный свод, покончили с собой, после смерти были вознесены на небо и превращены в звезды.
123. *Лебедь крылатый* — созвездие Лебедь.
124. *В круге* — Зодиака.
125. *Козерог* — в этом созвездии видели образ Пана, которого представляли с полузвериным телом.
126. *Титан* — Солнце.
127. *Орион* — мифический герой; вызвал гнев богини Дианы, которая убила его своей стрелой. Позже боги вознесли Ориона на небо и поместили среди звезд.
128. *Арго* — название корабля аргонавтов, совершивших на нем путешествие в Колхиду за «Золотым руном».
129. *Реки берегов* — созвездие Эридан названо по мифической реке, протекающей в подземном царстве мертвых.
130. *Четвероногое... огромное* — созвездие Волка.
131. *Мечущиеся... тельца* — т. е. атомы.
132. *Той природой* — имеется в виду наделенная разумом, мыслящая природа стоиков.
133. *К небу* — т. е. к эфиру.
134. *Панетий... сомневается* — см.: II, 85, *примеч.*
135. *Ниже Марса две планеты повинуется Солнцу* — Венера и Меркурий, находясь ближе к Солнцу, сильнее испытывают его власть.
136. Ср.: *Плиний*. *Естественная история*, XVII, 24.
137. *Раковина Пина* — «Морское перо», род морского моллюска (*Pina nobilis*). *Squilla* — род мелкого краба. Ср.: *Плиний*. *Естественная история*, IX, 98; IX, 142.
138. *Platalea* — неясно, о какой птице идет речь. У Плиния (*Естественная история*, X, 40) описана птица с похожим названием platea, в которой можно узнать пеликана. Но тот способ добывания пищи, который Цицерон приписывает platea, пеликану не свойствен.
139. *Морские лягушки* (*Ranae marinae*) — неясно, о каких пресмыкающихся идет речь. Описанный способ ловли рыбок применяет хищная рыба «морской черт», которая водится в Средиземном море.
140. *У кориуна... война с вороном*. — Ср. также: *Плиний*. *Естественная история*, X, 203.
141. *На что обратил внимание Аристотель* — описанное ниже о журавлях ни в одном из сочинений Аристотеля не обнаруживается.
142. *Собаки излечивают себя рвотой* — ср.: *Плиний*. *Естественная история*, XXIX, 58; *Ибисы лечат... клювом*. — Там же, VIII, 99.
143. *Охотничьи стрелы* (*venantis sagittis*) — приняв исправление Allens'а вместо стоящего в списках *venenantis sagittis* — «отравленными стрелами» — явная ошибка

- переписчика: коз отравленными стрелами не стреляли. И Аристотель, так же сообщающий об этом, об отравленных стрелах не упоминает. Ср.: *Аристотель*. История животных, IX в, 144. *Dictamnus* — ясенец, дикий бадьян; *seselis* — трава жабрица.
145. *Инд... величайшая из всех рек* — ср. также: *Арриан*. Поход Александра, V, 4, 1: «Инд — величайшая река не только в Азии, но и в Европе».
146. *Инд... поля... также засеивает* — ср.: *Страбон*. География, XV, 1, 16.
147. *Этесийские ветры* — пассаты, дующие в Эгейском море с севера и северо-запада в самое жаркое время лета.
148. *Хотя многое уже сказано* — некоторые издатели считают эти слова позднейшей вставкой потерявшего терпение переписчика.
149. В описании человеческого тела, которое дает Бальб, допущен ряд ошибок, некоторые из которых были подмечены еще в древности.
150. Представление, будто сердце вводит воздух в тело наряду с легкими, было широко распространено в древности.
151. Древние греки и римляне считали, что кровь течет по венам, а по артериям проходит воздух, пока знаменитый Клавдий Гален (129—199) путем вивисекции не выяснил действительную роль артерий. Впрочем, и после этого старое представление продержалось вплоть до XVII в. н. э., когда В. Гарвей доказал, что кровь оттекает от сердца по артериям и возвращается по венам.
152. [*От богов*] — признано большинством издателей позднейшей глоссой; рядом стоящий глагол «устроила» (*constituit*) стоит в единственном числе и, очевидно, относится к «провидению природы».
153. «*Pupula*» — «девчурка».
154. *Способности ноздрей* — текст испорчен, перевод по смыслу.
155. В оригинале — *artes*, что может означать «искусства» или «науки». Ср.: *Цицерон*. Об ораторе, I, 92.
156. Ср.: *Цицерон*. Об ораторе, I, 33.
157. *Голос, берущий свое начало от ума* — большинство стоиков считали, что «главное», «управляющее» в человеке (*ἡγεμονικόν*) — его ум, пребывает в сердце, т. е. в груди. Ср.: *Секст Эмпирик*, IX, 119. Поэтому исходящий из груди голос, звуками передающий мысли человека, «берет свое начало от ума».
158. *Плектр* — палочка, которой ударяли по струнам кифары.
159. В оригинале — *cognua* — «*прога*», по изогнутой форме струнного музыкального инструмента.
160. Ср.: *Цицерон*. О пределах добра и зла, II, 88; *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию, 73, 12.
161. *Сам мир создан ради богов и людей* — так считали и Хрисипп и Посидоний. Ср.: II, 133; *Цицерон*. Об обязанностях, I, 22; *Он же*. Тускуланские беседы, I, 69.
162. *Животные-то порождены ради людей* — критикуя эту идею стоиков, Карнеад задавал вопрос: а змеи и другие ядовитые животные — тоже? (*Цицерон*. Учение академиков, II, 120).
163. Перевод из Арата: «Явления», 129 сл. Ср.: *Вергилий*. Георгики, II, 536.
164. *Есть его мясо считалось преступлением* — ср.: *Колумелла*, VI, предисл.: «К быкам относились с таким почтением, что наказывали смертью за убийство быка, как и человека».
165. *Alites* — птицы, по которым гадали, наблюдая их полет (орлы, коршуны); *oscines* — предвещающие будущее криком, пением (ворон, ворона, и некоторые другие).
166. «*Круг земли*» (*orbis terrae*) — некоторые стоики, в частности Посидоний, считали, что за пределами известного «круга земли», в который включались Европа, Азия и Африка, есть еще три других круга, также окруженные морем.
167. *Никто никогда не стал бы великим человеком* — ср.: *Цицерон*. О дивинации, I, 80; II, 29; II, 35; II, 117; *Он же*. Тускуланские беседы, I, 64; *Он же*. Об ораторе, II, 194.
168. *Боги пекутся о великом, но малым пренебрегают* — ср.: *Цицерон*. О дивинации, I, 118.
169. С точки зрения стоиков добродетель сама по себе достаточна для того, чтобы быть счастливым. Ср.: *Цицерон*. О пределах добра и зла, V, 28: «Пусть кто-нибудь будет слепцом,

калекой, тяжело больным, изгнанником, бездетным, бедняком, пусть его пытаются, как ты его назовешь, Зенон? — Счастливым, — отвечает он. — Даже счастливейшим? — Конечно, ответит он, ведь я учил, что здесь нет никаких ступеней, как и в добродетели, а в ней заключено само блаженство». Ср.: *Диог. Лаэрт.* VII, 27.

* Перевод Ф. Зелинского.

Книга III¹

I. (1) Когда Бальб закончил свою речь, Котта, улыбаясь, сказал: «Поздно ты мне советуешь, Бальб, что я должен защищать. Пока ты рассуждал, я сам обдумал, что мне возразить тебе, не столько для того, чтобы тебя опровергнуть, сколько — чтобы постараться уяснить для себя то, что мне не совсем понятно. И так как каждый должен иметь свое мнение, то мне трудно рассуждать так, как ты хочешь». (2) Тут вмешался Веллей: «Ты представить себе не можешь, Котта, с каким нетерпением я хочу тебя выслушать. Бальбу было, конечно, очень приятно слушать твою речь против Эпикура. Теперь я готов самым внимательным образом выслушать, что ты будешь говорить против стоиков, ибо я надеюсь, что ты и к этому, по своему обыкновению, хорошо подготовился».

(3) «Клянусь Геркулесом, — ответил Котта, — это так, но против Луцилия мне не так легко спорить, как против тебя». «Отчего же?» — спросил Веллей. «Потому что, — пояснил Котта, — ваш Эпикур, как мне кажется, не слишком-то сражался за бессмертных богов!² Только для того, чтобы не подвергнуться упрекам и осуждению³, он не посмел отрицать существование богов. Но когда он утверждает, что боги ничего не делают, что они наделены человеческими членами, но совсем ими не пользуются, то он, очевидно, издевается, считая достаточным то, что он признал существование блаженной и вечной природы [богов].

(4) Что касается Бальба, то, я уверен, ты обратил внимание, как о многом он рассказал, если не все верно, то очень складно и связно. Итак, я собираюсь, как уже сказал, не столько опровергать его речь, сколько прояснить то, что я хуже понял. Поэтому, Бальб, предоставляю тебе на выбор, что ты предпочитаешь: или будешь отвечать мне на некоторые вопросы, которые я задам тебе о том, что я мало понял, или сперва выслушаешь мою речь целиком?»

«Предпочитаю ответить на твои вопросы, если ты хочешь, чтобы я тебе что-то пояснил, и если ты даже хочешь спрашивать меня не столько ради уяснения, сколько ради опровержения, я поступлю по твоему желанию, или сразу буду отвечать на отдельные вопросы, или, когда закончишь свою речь, отвечу на все сразу».

II. (5) Тогда Котта сказал: «Отлично. В таком случае пойдем по тому пути, по которому нас ведет сама твоя речь. Но прежде, чем о деле, немного о себе. Поистине, Бальб, на меня основательно подействовали и твой авторитет, и твоя речь, которая закончилась призывом помнить, что я — и Котта, и понтифик. Это, я полагаю, клонилось к тому, чтобы я выступил в защиту тех мнений о бессмертных богах, тех обрядов, святынь и религиозных учреждений, которые мы восприняли от предков. Я же всегда буду защищать их и всегда защищал. И это мое мнение, которое я воспринял от предков, о почитании бессмертных богов, не колеблет никогда никакая речь ни ученого, ни неученого. Только, когда дело касается религии, я следую Т. Корунканию, П. Сципиону⁴, П. Сцеволе, а не Зенону или Клеанфу, или Хрисиппу, я имею перед собой пример Г. Лелия, авгура и в то же время мудреца; и его, произносящего свою знаменитую речь о религии⁵, я бы охотнее выслушал, чем кого-нибудь из глав стоической школы.

Так как вся религия римского народа первоначально состояла из обрядов и ауспиций, а затем к этому добавилось третье — прорицания, которые давались на основании чудес и знамений толкователями Сивиллы⁶ и гаруспиками, то я всегда считал, что ни одной из этих составных частей религии нельзя пренебрегать. И я убежден, что Ромул ауспициями, Нума, учредив жертвоприношения, заложили основу нашего государства, которое, конечно, никогда бы не достигло такого могущества, если бы высшим благочестием своим не заслужило милости бессмертных богов. (6) Вот, Бальб, что думает об этом Котта, что думает понтифик. А теперь дай мне понять, что ты думаешь, так как от тебя, философа, я должен получить доказательства в пользу религии, предкам же нашим должен верить без всяких доказательств».

III. «Какие же доказательства ты хочешь от меня получить?» — спросил Бальб. «Ты, — сказал Котта, — поделил свою речь на четыре части. В первой ты хотел доказать, что боги действительно существуют. Затем — каковы они. Далее — что они управляют миром. И наконец, — что боги пекутся о делах человеческих. Таково, если мне не изменяет память, было деление твоей речи?»

«Совершенно верно, — сказал Бальб, — Жду дальнейших вопросов».

(7) «Так рассмотрим каждое твое утверждение по отдельности. Что боги существуют, — с этим согласны все, кроме разве самых нечестивых людей, и меня в этом никто не сможет разубедить. Но это мне внушено авторитетом предков, ты же мне ничего не доказываешь».

«Но как же так, — сказал Бальб, — если ты в этом убежден, то зачем ты хочешь у меня учиться?»

«Потому, — сказал Котта, — что в этом нашем обсуждении я буду выступать так, как если бы никогда ничего не слышал о бессмертных богах, ничего о них не думал: прими меня за грубого и необразованного ученика и объясняй то, о чем я спрашиваю». «Итак, говори — сказал Бальб, — какие у тебя вопросы?» (8) «У меня? Ну, во-первых, почему ты, сказав вначале, что существование богов настолько очевидно и общеизвестно, что об этом и говорить не стоит, затем так много о том же самом наговорил?»

«По той причине, — ответил Бальб, — по которой и ты, Котта, как я заметил, часто, выступая на форуме с судебной речью, забрасываешь судью как можно большим числом доказательств, если только судебное дело тебе предоставляет такую возможность. Так ведь и философы делают, и я, как смог, сделал. Ты же, задав мне этот вопрос, поступил подобно тому, как если бы ты меня спросил, почему я гляжу на тебя обоими глазами, хотя вполне мог бы и одним тебя увидеть».

IV. (9) «Так ли подобно, — возразил Котта, — это ты позже сам увидишь. Ибо я, и выступая на суде, как раз не имею обыкновения доказывать то, что очевидно и с чем все согласны, ведь доказательствами только ослабляется очевидность. Да если бы даже я так поступал в судебных делах, то в такого рода беседе, как наша, требующей особенной строгости мысли, не стал бы этого делать. А что можно было бы увидеть и одним из твоих двух глаз — это тоже не доказательство, и потому что оба глаза видят одно и то же, и потому, что природа, которой вы приписываете мудрость⁷, захотела так, чтобы мы обладали двумя просветами, ведущими от души к глазам⁸. Именно потому, что ты не был твердо уверен, что это совершенно очевидно, ты и решил доказать существование богов многими аргументами. Для меня же достаточно одного: так нам наши предки передали. Но ты авторитетом пренебрегаешь, воюешь разумом. (10) Позволь же моему разуму побороться с твоим. Ты приводишь все эти доводы, чтобы доказать существование богов, и тем самым то, что, по моему мнению, является несомненным, делаешь сомнительным. Я запомнил не только число,

но и последовательность твоих доказательств. Первым было, что когда мы обращаем свои взоры к небу, то сразу понимаем, что есть некое божество, которое этим управляет. Отсюда и известные слова поэта:

Ты взирай на эту высь сияющую, что зовут
Все Юпитером.

(11) Как будто кто-нибудь из наших соотечественников скорее ее, эту высь, назвал бы Юпитером, а не того бога, Капитолийского! Или как будто для всех вполне очевидно и признанно, что богами являются те, которых Веллей и многие, кроме него, отказались признать даже одушевленными существами⁹. Тебе также показался веским аргумент, что представление о бессмертных богах и свойственно всем людям, и все более распространяется с каждым днем. Стало быть, вам угодно судить о столь важных вопросах, основываясь на мнении глупцов, вам в особенности, которые считаете, что глупые это — те же безумные!

V. Мы, говоришь, видим богов, лицом к лицу, как видел их Постумий у Регильского озера, Ватиний на Соляной дороге¹⁰; еще ты сказал, уже не помню что, о сражении локров вблизи Сагр. И ты действительно считаешь, что эти Тиндариды, как ты их называл, т. е. люди, рожденные человеком¹¹, о которых Гомер, живший лишь немного позже¹², говорит, что они были похоронены в Лакедемоне¹³, что эти Тиндариды на белых меринах, не сопровождаемые ни одним конюхом, вышли навстречу Ватинию и предпочли сообщить о победе римского народа этому простому крестьянину, а не М. Катону, бывшему в то время первоприсутствующим (princeps) сената? Стало быть, ты веришь и тому, что след на камне, как будто от копыта, который и теперь еще ясно виден у Регильского озера, что этот след оставил конь Кастора? (12) Но не лучше ли верить — и такую веру действительно можно одобрить, — что души славнейших людей, какими были и эти Тиндариды, божественны и вечны¹⁴, чем верить, что те, которые однажды были преданы сожжению, могли ездить верхом и сражаться в строю? Или если ты утверждаешь, что это действительно могло произойти, то нужно, чтобы ты объяснил, каким образом, а не ссылаясь на бабьи сказки».

(13) Тут Луцилий возразил: «Тебе это кажется сказками? Но разве не посвятил Постумий храм на форуме Кастору и Поллуксу? Разве ты не видел постановление сената о Ватинии? А о случае в Саграх у греков даже есть народная поговорка: если они хотят в чем-то заверить, то говорят: “Это вернее, чем то, что произошло под Саграми”. И эти свидетельства разве не должны тебя поколебать?» На это Котта ответил: «Ты, Бальб, воюешь со мной слухами, а я от тебя добиваюсь доказательств». [Лакуна]

VI. (14) «...следует то, чему быть должно¹⁵. Ибо никто не может избежать того, что должно состояться. И часто даже не полезно знать, что произойдет в будущем: ведь это несчастье — сокрушаться о том, чему нельзя помочь и не иметь последнего и, однако, всеобщего утешения — надежды¹⁶. В особенности если, как вы говорите, все происходит от судьбы¹⁷, а судьба — это то, что всегда извечно было истинным¹⁸. Так какая же польза от знания будущего, как это может помочь нам уберечься, если это будущее обязательно состоится?

Далее, откуда взялась эта дивинация? Кто первый понял смысл карканья вороны? Кто открыл гадание по выемке в печени жертвенного животного? Кто избобрел гадание по жребию?¹⁹ Я, положим, верю в это все²⁰ и не могу пренебрежительно относиться к жезлу Атта Навия²¹, о котором ты вспомнил. Но как до этого додумались — это я должен узнать от философов, в особенности потому, что во многих случаях эти провидцы обманывали.

(15) Но врачи тоже (это ты так говорил) порой ошибаются. Но какое же сходство между медициной, в которой я вижу разумную основу, и дивинацией, которая, не знаю, откуда

взялась? Еще ты считаешь, что боги были умиловлены тем, что Деции принесли себя в жертву. Но как же велика была тогда суровость богов, если римский народ ничем не мог их умиловать, как только убийством столь великих мужей! На самом деле это был полководческий замысел, то, что греки называли *στρατήγεια*, но это были такие полководцы, которые приходят на помощь родине ценою своей жизни. Они знали, что войско, увидев своего полководца, верхом на коне несущегося на врага, последует за ним. Что и произошло.

А вот голоса фавна я, признаться, никогда не слышал. Тебе, если ты, по твоим словам, слышал, я поверю, хотя совсем не знаю, что такое фавн.

VII. Итак, пока что ты, Бальб, не убедил меня в существовании богов. Я-то верю, что они существуют, но стоики это нисколько не доказывают. (16) Ты говорил о Клеанфе, по мнению которого знание о богах формируется в душах людей четырьмя способами. Один — тот, о котором я уже достаточно сказал, — рождается из предчувствия будущего. Другой — от потрясений, вызванных бурями и другими движениями. Третий — от изобилия полезных вещей, которые мы получаем. Четвертый — от порядка звезд и постоянства небес. О предвидении мы уже сказали. О бурях и других потрясениях, которые происходят и в небе, и в море, и на земле, — мы не можем отрицать, что есть много людей, которые пугаются их и думают, что они вызываются бессмертными богами. (17) Но вопрос ведь не о том, есть ли люди, верящие в существование богов, вопрос: есть боги или их нет?

Другие доказательства, которые приводит Клеанф, — изобилие полезных вещей, которыми мы пользуемся, и последовательность в смене времен года, неизменность небесных явлений — будут рассмотрены позже, когда мы станем обсуждать провидение богов, о чем ты, Бальб, много наговорил. (18) Отнесем также на позже рассмотрение довода Хрисиппа, который, по твоим словам, говорил, что раз в природе есть нечто такое, чего не может совершить человек, то есть также и нечто лучшее, чем человек. Тогда же я рассмотрю твоё сравнение красоты мира с красивым домом, твои доводы о гармонии и взаимосвязи всего в мире. Отнесем также краткие и не лишённые остроумия доводы Зенона в ту часть беседы, где речь пойдет о провидении. Тогда же, в своё время, будет рассмотрено все то, что ты, физик, говорил об огненной силе (*vis ignea*) и том жаре (*calor*), от которого все произошло. И все, что тобою было сказано позавчера²², когда ты старался доказать существование богов тем, что и Вселенная, и Солнце, и Луна, и звезды обладают и чувством и умом, я отложу на то же время. (19) А пока я снова и снова буду от тебя допытываться: какими доводами ты докажешь, что боги существуют?»

VIII. «Право же, — сказал Бальб, — мне казалось, что я уже привел доводы, но ты их опровергаешь таким образом, что, когда ты как будто задаешь мне вопрос, и я уже готовлюсь на него ответить, то вдруг сворачиваешь речь на другое и не даешь мне возможности ответить. Так мы и обошли молчанием такие важнейшие вопросы, как вопрос о дивинации и о судьбе, ты их только вскользь задел, между тем как наши обычно их обсуждают очень подробно; правда, эти вопросы к той проблеме, что мы сейчас обсуждаем, и не имеют прямого отношения. Все же, будь добр, не создавай путаницы, чтобы нам все же выяснить до конца вопрос, которым мы занимаемся».

(20) «Превосходно», — ответил Котта. «Итак, поскольку ты разделил весь вопрос на четыре части, и о первой мы уже сказали, обсудим теперь вторую. В ней ты, как мне показалось, желая показать, каковы боги, на самом деле показал, что никаких богов нет. Ты сказал, что самое трудное — это заставить разум отвлечься от того, что стало привычным для наших глаз. Так как нет ничего превосходнее бога, то ты утверждал, что мир — это, несомненно, бог, потому что в природе лучше мира нет ничего. По-твоему, мы даже можем считать мир одушевленным существом, и, более того, созерцать его нашим умом, как все остальное видим

глазами. (21) Но, говоря, что нет ничего лучше мира, какой смысл ты вкладываешь в слово «лучше»? Если «красивее» — согласен. Если ты имеешь в виду, что мир весьма приспособлен для удовлетворения наших нужд, — согласен и с этим. Но если ты подразумеваешь также, что нет ничего разумнее мира, то я решительно, никоим образом не согласен. И не потому, что трудно ум отвлечь от глаз, а потому, что чем больше отвлекаю, тем менее могу постичь умом то, что ты хочешь.

IX. Нет ничего лучше в природе, чем мир, говоришь ты. А на земле, скажу я, нет лучше города, чем наш. Так что же, ты считаешь, что городу присущи поэтому разум, мышление, ум? Или, так как не присущи, неужели ты считаешь, что по этой причине можно предпочесть этому прекраснейшему городу муравья, поскольку городу не присуще никакое чувство, а муравей обладает не только чувством, но также умом, рассудком, памятью?²³ Нужно видеть, Бальб, что тебе уступают, а не хватать самому, что тебе хочется. (22) То, о чем мы пространно говорим, содержится в известном высказывании Зенона, кратком и, как тебе показалось, остроумном: «То, что пользуется разумом, лучше чем то, что разумом не пользуется; нет ничего лучше мира, следовательно, мир пользуется разумом». (23) Но так ты, если угодно, докажешь даже, что мир, очевидно, отлично читает книги. Ибо, следуя Зенону ты сможешь, рассуждая подобным образом, прийти к заключению: «То, что грамотно, лучше того, что неграмотно. Нет ничего лучше мира. Итак, мир грамотен»²⁴. Подобным же образом мир может оказаться и красноречивым оратором, и математиком, и музыкантом, и вообще изощренным во всякой науке, и, наконец, мир станет философом.

Ты часто говорил, что нет ничего такого, что не происходило бы из мира (*nisi ex eo*)²⁵ и что в природе нет такой силы, чтобы она производила неподобное себе; но если согласиться с этим, то мир не только одушевлен и мудр, он еще и кифаред, и флейтист, потому что от него рождаются представители этих искусств.

Итак, никак не доказывает этот ваш родоначальник стоиков, почему мы должны считать, что мир пользуется разумом и даже почему мы должны считать его одушевленным. Нет, мир — не бог, и, однако, нет ничего лучше его; ибо нет ничего прекраснее его, ничего благотворнее для нас, ничего красивее на вид, постояннее в своем движении. А так как мир в целом не бог, то также и звезды, которых ты бесчисленное множество отнес к числу богов. Ты восхищался их размеренным, вечным движением, и — клянусь Геркулесом — с полным основанием, ибо им действительно присуще поразительное, невероятное постоянство. Но, Бальб, не все, чему присуще определенное и постоянное движение, должно быть приписано скорее богу, чем природе.

X. (24) Что, по-твоему, может быть постояннее смены приливов и отливов в проливе Еврипе у Халкидики? Или в Сицилийском проливе? Или течения в океане, в тех местах, где

Стремительный вал отделяет Европу от Ливии²⁶.

А морские приливы и отливы у берегов Испаний или Британии с их регулярностью и постоянством тоже не могут происходить без бога? Так, пожалуй, если все, что происходит постоянно, через определенные промежутки времени, мы будем считать божественным, то не пришлось бы назвать божествами и трехдневную и четырехдневную лихорадки, ибо что может быть постояннее чередования их приступов. (25) Нет, всем этим явлениям следует давать разумное объяснение. А так как вы этого не можете сделать, то и прибегаете к богу, точно к спасительному убежищу²⁷.

Тебе кажется, что и Хрисипп, человек, бесспорно, изворотливого ума и изощренный в спорах, очень остроумно рассудил. «Если, — сказал он, — есть нечто такое, что человек не

может сделать, то тот, кто это делает, лучше, чем человек. Но человек не может сделать всего того, что есть в мире; стало быть, тот, кто смог это, превосходит человека. Но кто же может превосходить человека, если не бог? Значит, есть бог!». Но во всем этом то же заблуждение, что у Зенона. (26) Ибо что такое «лучше», «превосходнее», какое различие между природой и разумом, при этом не рассматривается. Тот же Хрисипп рассуждает: «Если бы не было богов, то во всей природе не было бы ничего лучше человека. Но если какой-то человек считает, что нет ничего лучше человека, то это величайшее самомнение». Конечно, самомнение ценить себя выше, чем мир, но вовсе не самомнение, а скорее здравый смысл, понимать, что в человеке есть чувство и разум, которых нет ни в Орионе, ни в Сириусе.

И еще рассуждает Хрисипп: «Если дом красив, то мы понимаем, что он был выстроен для хозяев, а не для мышей; так же мы должны считать, что мир — это дом богов». И я совершенно так же думал бы, если бы считал, что мир был сотворен²⁸, а не образован природой, что я постараюсь доказать²⁹.

XI. (27) Но вот у Ксенофонта Сократ спрашивает: «Откуда бы мы отхватили свою душу, если бы у мира не было никакой души?»³⁰ А я спрашиваю, откуда — речь? Откуда — счет? Откуда — пение? Или мы будем считать, что солнце, когда подступает поближе к луне, заводит с ней разговор? Или, что мир поет для гармонии (*ad harmoniam*), как полагает Пифагор?³¹ Все это, Бальб, от природы, но не той природы, которая, как говорит Зенон, «искусно прогуливается» (*artificiose ambulans*)³², — об этой природе Зенона я еще буду говорить — я имею в виду природу, которая, будучи сама в движении и изменении, этим все приводит в движение и возбуждение.

(28) Мне понравилась та часть твоей речи, в которой ты говорил о согласованности и взаимосвязанности различных частей природы, которые, как ты сказал, как бы связаны узами давнего родства. Не могу я, однако, согласиться с тобой, когда ты утверждаешь, будто это можно объяснить только тем, что природа вся объята одним божественным духом (*uno divino spiritu contineretur*). Нет, это постоянство и взаимосвязь причиняют только силы природы, не богов. Есть в природе как бы «сочувствие», греки это называют *συμπάθεια*. Но то, что велико само по себе, менее всего следует объяснять воздействием божественного ума.

XII. (29) А каким образом вы опровергнете доводы Карнеада? Если, говорит он, нет никакого тела бессмертного, то нет и тела вечного. Но нет ни одного бессмертного тела, ни такого, которое нельзя было бы разделить на части, разобрать или растащить. А так как всякое живое существо по природе своей способно быть восприимчивым к внешнему воздействию (*patibilis*), то нет среди них такого, которое избежало бы какого-то воздействия извне, т. е. как бы необходимости переносить и терпеть [страдания]. И если все живое таково, то нет ни одного бессмертного. Равным образом, если всякое живое существо может быть рассечено и разделено на части, значит, нет среди них ни одного неделимого, ни одного вечного. Притом всякое живое существо устроено так, что вынуждено испытывать воздействие внешней силы и переносить его. Итак, оно по необходимости смертно и распадается на части.

(30) Всякий воск имеет свойство менять форму, поэтому и нет такой вещи, сделанной из воска, которая не могла бы изменить свою форму. Это же относится и к предметам из серебра, меди, поскольку такова природа этих металлов. Подобным же образом, поскольку все [стихии], из которых все состоит, подвержены изменениям, то не может быть такого тела, которое было бы неизменным. А ведь сами вы считаете, что [стихии], из которых все состоит, изменчивы. Следовательно, и всякое тело изменчиво. Но если бы было какое-нибудь бессмертное тело, то оно вовсе не было бы изменчивым. Так получается, что всякое тело смертно. А поскольку всякое тело представляет собой или воду, или воздух, или огонь, или землю или состоит из смеси этих элементов или какой-то их части, то нет среди них такого,

которое бы не погибало. (31) Ибо и все, что из земли, распадается, и влага так мягка, что ее легко можно и соединить и разделить на части. Огонь же и воздух легко поддаются любому давлению, они по природе своей наиболее податливы и легко расходятся. Кроме того, каждая из этих [стихий] гибнет³³, когда превращается в другую. Это происходит, когда земля превращается в воду, и когда из воды рождается воздух, из воздуха — эфир, и когда все эти стихии совершают обратный переход.

Итак, если подвержены гибели те [стихии], из которых состоит всякое живое существо, то нет ни одного живого существа вечного.

ХIII. (32) Чтобы покончить с этим вопросом, скажу еще, что невозможно найти такое существо, которое никогда не родилось и вечно будет существовать. Ибо всякое живое существо способно ощущать; оно, стало быть, ощущает теплое и холодное, сладкое и горькое, и невозможно, чтобы оно каким-нибудь чувством воспринимало только приятное и не воспринимало противного. Если, следовательно, оно способно испытывать наслаждение, то испытывает также и страдание. А то, что испытывает страдание, неизбежно подлежит также и смерти³⁴. Значит, следует признать, что всякое живое существо — смертно. (33) С другой стороны, если есть нечто не испытывающее ни наслаждения, ни страдания, то это не может быть живое существо, живое же существо должно все это испытывать, а то, что это испытывает, не может быть вечным. Всякое же живое существо способно испытывать [и наслаждение и страдание], следовательно, нет живого существа вечного. Далее, не может быть такого живого существа, в котором не было бы естественного стремления или отвращения; стремятся к тому, что соответствует природе, отвращаются от противного. Всякое живое существо к чему-то стремится и чего-то избегает. То, чего оно избегает, противно его природе, а что противно природе, имеет губительную силу. Следовательно, всякое живое существо неизбежно должно погибнуть. (34) Бесчисленны факты, свидетельствующие о том, что все, способное чувствовать, неминуемо погибает. Ибо все, что мы чувствуем, как, например, холод, тепло, наслаждение, страдание и прочее, когда чрезмерно — губит. Но нет ни одного живого существа, которое было бы совсем лишено способности чувствовать. Стало быть, нет вечно живого существа.

XIV. Всякое живое существо имеет или простую природу, если оно состоит из одного только элемента — из земли, или из огня, или из воздуха, или из воды (но такое существо невозможно себе представить, каково оно); или живое существо имеет сложную природу, если оно представляет собой соединение нескольких элементов, из которых каждому свойственно его место, куда он по природе своей стремится: одни — вниз, другие — вверх, третьи — в середину. Эти элементы могут пребыть в смешанном состоянии некоторое время, но всегда — никоим образом не могут, ибо по природе своей каждый из них неизбежно прорвется на свое место. Поэтому ни одно живое существо не вечно.

(35) Но ваши, Бальб, обычно сводят все к огненной стихии, следуя, как я полагаю, за Гераклитом³⁵. Этого философа не все толкуют одинаково, а так как он и сам не хотел, чтобы другие понимали, что он говорит³⁶, то не будем касаться этого. Вы же учите, что вся сила в огне (*omnem vim igneam esse*), так что и живые существа, когда в них подходит к концу тепло, умирают, и во всей природе только то живет, то процветает, что содержит в себе тепло. Я же не понимаю, почему тела погибают от исчезновения в них тепла, а не, скажем, от утраты влаги или воздуха, тем более что тела погибают также и от излишка тепла? (36) Так что жизнь в живых существах зависит от огня не в большей степени, чем от других элементов. Вы, как я понимаю, считаете, что в природе и в мире единственный носитель жизни вне нас (*animal extrinsecus*) — это огонь. А почему не воздух (*anima*)? Ведь из него состоит и дух (*animus*)³⁷ живого существа, от чего оно и называется животное (*animal*). Почему вы принимаете как бы в качестве бесспорного, что душа — это не что иное, как огонь? Ведь кажется куда более

вероятным, что душа — это нечто такое, что состоит из огня и воздуха, смешанных должным образом³⁸. Если огонь сам по себе, без примеси какого-либо другого элемента, есть живое существо, то, поскольку он, находясь в наших телах, делает так, что мы способны чувствовать, не может быть, чтобы он и сам был лишен этой способности. Но против этого можно возразить так же: то, что имеет чувства по необходимости должно ощущать и наслаждения и страдания. А к кому приходит страдание, к тому приходит также и смерть. Так получается, что вы не можете даже огонь представить вечным. (37) Как же так? Разве вы сами не утверждаете, что всякий огонь нуждается в пище, и что он не может никоим образом сохраниться, если его не питать? Что и солнце, и луна, и звезды питаются: одни пресными водами, другие морскими? Клеанф даже полагает, что именно по этой причине солнце не отходит слишком далеко от линии тропиков, чтобы не отдалиться от своей пищи. Но об этом я еще скажу позже³⁹. А сейчас уже можно заключить, что то, что может погибнуть, по природе своей не может быть вечным. Огонь, будучи лишен пищи, перестает существовать. Следовательно, огонь по природе своей не вечен.

XV. (38) Можем ли мы представить себе бога, не наделенного никакой добродетелью? Что ж, наделим бога благоразумием — добродетелью, которая предполагает знание того, что хорошо и что плохо, и что ни хорошо, ни плохо. Но для того, кого не касается и не может коснуться зло, какая нужда различать добро и зло? Какая ему нужда в разуме, в понимании (*intelligentia*), которыми мы пользуемся для того, чтобы через явное постигать сокровенное? Ведь для бога нет ничего сокровенного. А правосудие, которое каждому воздает должное, какое имеет отношение к богам? Ведь вы сами говорите, что правосудие порождено человеческим обществом, общностью людей. Далее, воздержание; оно состоит в пренебрежении плотскими наслаждениями. Но если на небе есть место воздержанию, то — также и наслаждениям. А как понимать, что бог мужествен? В чем мужествен? В преодолении страданий или трудностей? Или опасности? Но ведь бога ничто из этого не затрагивает. (39) Так как же мы можем представить себе бога, который ни разумом не пользуется и никакой добродетелью не наделен? Когда я обдумываю то, что говорят о богах стоики, я уже не могу относиться с презрением к невежеству необразованной толпы. Во что только не веруют невежды! Сирийцы поклоняются рыбе⁴⁰. Египтяне обоготворили почти все виды животных. Даже в Греции многих людей причислили к богам: Алабанда — в городе, носящем его имя, Теней — тенейцы⁴¹, вся Греция чтит в качестве богов: Левкотою, которую прежде называли Ино, и ее сына Палемона⁴². Наши чтут Геркулеса, Эскулапа, Тиндаридов, Ромула и еще многих других, в которых видят как бы новых, приписных граждан неба⁴³. Так судят о богах необразованные. XVI. (40) Но вы, философы, разве лучше? Я не буду останавливаться на том, что вам кажется наиболее ясным. Пусть сам мир будет богом. Поверю, что так это и есть:

Высь сияющая, что зовут все Юпитером...

Но почему мы к этому добавляем еще многих богов? И такое их множество! Мне, поистине, кажется, что их уж слишком много. Ты ведь и отдельные созвездия называешь богами, давая им или названия животных, как, например, Коза, Скорпион, Телец, Лев; или неодушевленных вещей, как: Арго, Жертвенник, Корона. (41) Но если даже с этим примириться, то другое не только невозможно допустить, но даже — понять. Когда мы называем земные плоды Церерой, вино Либером, то просто применяем общеупотребительные выражения. Но кого ты считаешь настолько безумным, чтобы поверил, будто то, что он ест, — это бог?⁴⁴

А что касается тех, которые, по твоим словам, из людей превратились в богов, то объяснил бы ты мне способ, каким образом это могло произойти? И почему это перестало происходить теперь, хотел бы я знать? В наше время я не представляю себе, каким образом тот [Геркулес], по словам Акция,

Сгоревший на костре, разложенном на Эте,

переселился бы из этого пламени

...в вечный дом отца?⁴⁵

Однако Гомер заставил Улисса встретиться с Геркулесом в подземном царстве, а также с другими ушедшими из жизни⁴⁶. (42) Притом я очень хотел бы знать, предпочтительно какого Геркулеса нам следует почитать? Ибо те, которые исследуют тайные и малоизвестные письмена⁴⁷, сообщают, что Геркулесов было много: древнейший был рожден Юпитером, тоже древнейшим (потому что из древних греческих писаний мы узнаем, что и Юпитеров было много). От этого, стало быть, Юпитера и Лисифои и родился тот Геркулес, который, как мы слышали, состязался с Аполлоном за треножник⁴⁸. А другой Геркулес, египетский, как передают, был рожден Нилом⁴⁹. Он, говорят, сочинил фригийские книги⁵⁰. Третий — из дигитов горы Иды⁵¹, ему жители Коса приносят жертвы в честь подземных богов⁵². Четвертый — сын Юпитера и Астерии⁵³, сестры Латоны⁵⁴, особенно почитаемый жителями Тира, которые считают, что Карфаген был ее дочерью⁵⁵. Пятый — в Индии, носит еще имя Бэл⁵⁶. Шестой — тот, который произошел от Алкмены и Юпитера, но Юпитера третьего, потому что и Юпитеров, как мы уже знаем, тоже много. Об этом я еще буду говорить.

XVII. (43) Раз об этом зашла речь, скажу, что о том, как следует почитать бессмертных богов, я лучше узнал из уставов понтификов, из обычаев предков и из тех жертвенных сосудов⁵⁷, которые нам оставил Нума и о которых говорил в своей коротенькой, но блестящей речи Лелий, чем из учений стоиков. Если идти за вами, то скажи, что мне ответить тому, кто поставит вопрос таким образом: «Если есть боги, то являются ли богинями также и нимфы? Если и нимфы, то также и паниски⁵⁸, и сатиры? Но эти не боги, значит, и нимфы не богини. Однако в их честь были официально учреждены и посвящены храмы. Что же получается? Выходит, и прочие, которым посвящены храмы, не боги? Далее, ты причисляешь к богам Юпитера и Нептуна, значит, и брат их Орк тоже бог? И те [реки], которые, как говорят, текут в царстве мертвых: Ахерон, Коцит, Стикс, Флегетон? И Харон⁵⁹ и Цербер⁶⁰ тоже должны считаться богами? Но этого же нельзя допустить! Стало быть, и Орк не бог. (44) А что вы скажете о его братьях?» Вот, как рассуждал Карнеад⁶¹, не для того, чтобы подкопаться под богов, что совсем не подходит для философа, но чтобы показать, что стоики ничего не могут объяснить о богах. Он еще рассуждал следующим образом: «Как же так, — говорил он, — если эти братья входят в число богов, то неужели можно отрицать, что и их отец, Сатурн, которого повсюду, и более всего на Западе, почитают, тоже бог? Но если Сатурн бог, то следует признать, что и его отец, Небо — бог. А если так, то и родители Неба также должны считаться богами: Эфир и День, и их братья и сестры, которые древними генеалогами⁶², именуются: Любовь, Обман, Страх, Труд, Зависть, Рок, Старость, Смерть, Мрак, Несчастье, Жалоба, Милость, Коварство, Упрямство, Парки, Геспериды, Сны, и которые все, как считают, рождены от Эреба⁶³ и Ночи? Так что или и этих чудовищ должно считать богами, или тех, кого мы называли первыми, не считать».

XVIII. (45) Может быть, ты скажешь, что Аполлон, Вулкан, Меркурий и другие — это боги, а Геркулеса, Эскулапа, Либера, Кастора, Поллукса поставишь под сомнение? Но и этих, ведь, почитают наравне с теми, а некоторых из них даже гораздо больше. Значит, и их, рожденных смертными матерями, должно считать богами? А Аристей, сын Аполлона, который открыл оливковое дерево, а Тесей, сын Нептуна, и остальные, у которых отцами были боги, разве не будут в числе богов? А у кого матери [богини]? Очевидно, тем более [должны быть зачислены]. Ведь и по гражданскому праву рожденный свободной матерью считается свободным; так и по естественному праву (*ius naturae*) рожденный матерью богиней, несомненно, — бог⁶⁴. Вот жители острова Астипалеи⁶⁵ и чтут благоговейно Ахилла. А если он

бог, то и Орфей и Рез⁶⁶ — боги, поскольку их матерью была муза (если только морским бракам не отдавать предпочтения перед теми, которые совершаются на суше). А если эти не боги, так как им нигде не поклоняются, то каким образом те считаются богами?

(46) И заметь, что эти были почтены не за их бессмертие, а за то, что в них видели людей, исполненных человеческими добродетелями, о чем, впрочем, ты сам, Бальб, говорил⁶⁷.

Но как же можешь, если считать богиней Латону, не считать таковой также и Гекату⁶⁸, которая родилась от Астерии, сестры Латоны? Или и эта тоже богиня? Ведь мы и храмы ей, и жертвенники видели в Греции. А если и она богиня, то почему не евмениды? Ведь и они имеют в Афинах храм, и у нас, как я понимаю, им посвящена роща Фурины, фурии же это — те же богини — преследовательницы и мстительницы за преступления и злодеяния⁶⁹. (47) Так что, если мы будем считать богами тех, которые принимают участие в том, что происходит с человеком, то следует считать богиней также и Рождение (Natio), которой мы, когда обходим храмы на Ардейском поле, обычно приносим жертву. Она и название такое получила от «рождать» (nascere), так как оберегает женские роды. Если же эта — богиня, то боги и все те, которые были упомянуты тобою⁷⁰: Честь, Верность, Разум, Согласие, стало быть, также Надежда и Предостережение (Moneta)⁷¹, и вообще все, что нам придет в голову. Но если все это не правдоподобно, то неправдоподобно и то, из чего это следует.

XIX. Что ты на это скажешь? И еще. Если богами считать тех, кого люди чтут и признают за богов, то почему не причислить к тому же роду Сераписа и Исиду?⁷² А если мы это сделаем, почему отказать в этой [почести] богам варваров? Давайте же отнесем к числу богов быков и лошадей, ибисов, ястребов, змей, крокодилов, рыб, собак, волков, кошек, лисиц и еще многих зверей. Или, если мы их отвергнем, то давайте же отвергнем и тех, о которых мы говорили раньше.

(48) Что же дальше? Ино, которую греки называют Левкотеей, а наши — Матутой⁷³, будет считаться богиней, хотя она дочь Кадма. А Кирку, и Пасифаю⁷⁴, и Ээта, которых Перса, дочь Океана, родила от Солнца, мы разве не включим в число богов? Ведь Кирку наши колонисты, жители колонии, названной ее именем, благочестиво почитают. Итак, и ее будем считать божеством? А что ты мне ответишь относительно Медеи? Ведь она-то имела двух [богов] дедами — Солнце и Океан, отцом Ээта, матерью Идию. А что о брате ее Абсирте (у Пакувия он носит другое имя — Эгиалей, но то, старое имя, более употреблялось в книгах древних)? Если же эти не боги, то мне страшно за Ино, все ведь они текут из одного источника. (49) И Амфиарай будет богом? И Трофоний?⁷⁵ Когда по цензорскому закону земли в Беотии, посвященные бессмертным богам, были объявлены не подлежащими налогообложению, то наши публиканы⁷⁶ заявили, что нельзя считать бессмертными тех, кто раньше были людьми. Но если Амфиарай и Трофоний являются богами, то уж, конечно, — и Эрехтей, у которого в Афинах есть и храм и жрец⁷⁷, — мы их видели. А если его сделаем богом, то как можно сомневаться относительно Кодра⁷⁸, или других, которые погибли, сражаясь за родину. Если это неприемлемо в отношении этих, то также и в отношении тех, о которых было сказано ранее.

(50) Вполне можно понять, что если во многих государствах воздали божеские почести памяти тех, кто прославился своей доблестью, то это было сделано для того, чтобы воспитать граждан еще более доблестными и чтобы каждый благородный (optimus) человек готов с охотой был подвергнут любым опасностям ради общего блага. По этой самой причине в числе богов и оказались у афинян и Эрехтей и его дочери. Равным образом и у дочерей Леонта⁷⁹ есть в Афинах храм, который и называется Леокорион. А жители Алабанда чтут Алабанда, основателя их города с большим благоговением, чем какого-нибудь из прославленных богов. Когда по этому поводу один из жителей этого города стал назойливо

убеждать Стратоника⁸⁰, что, мол, Геркулес не бог, а вот Алабанд — это бог, тот ему не без остроумия ответил: «Так пусть же гнев Алабанда падет на мою голову, а гнев Геркулеса — на твою».

XX. (51) Разве ты, Бальб, не видишь, как далеко заводит сказанное тобой о небе и звездах? Богами стали Солнце и Луна, в первом греки видят Аполлона, во второй — Диану. Если же Луна — богиня, то войдут в число богов также и Люцифер⁸¹ и прочие планеты, а, стало быть, также и неподвижные звезды. Но почему не отнести к богам еще и радугу? Она ведь так прекрасна, что ее за изумительную красоту считают дочерью Тауманта⁸² и внучкой Океана. А если радуга — божество, то почему — не облака? Ведь сама радуга образуется из облаков, каким-то образом окрасившихся. А одно облако, говорят, даже родило кентавров⁸³. Но если ты внесешь в список богов облака, то следует внести, конечно, и бури, которые у римлян действительно обоготворены⁸⁴; — значит, и дожди, и туманы, и бури, и смерчи должны считаться богами? Наши полководцы ведь имели обыкновение, пускаясь в плавание по морю, приносить жертвы морским волнам. (52) Далее, если, как ты говорил, мы должны видеть в самой почве, по причине ее плодородия, богиню Цереру, то что это еще за другая богиня Теллус⁸⁵? Если это земля, то и море — бог, ты и говорил, что это Нептун. Стало быть, и реки и источники тоже боги? Оттого-то Мазон, завоеватель Корсики, и посвятил храм источнику⁸⁶, а в молитве авгуров упоминаются Тибр, Спинон, Анемон, Нодин и названия других близлежащих рек.

Итак, или это [обоготворение] продолжится безмерно, или мы ничего из этого не примем, чтобы тем самым не способствовать бесконечному росту суеверия.

XXI. (53) А теперь, Бальб, нам следует сказать и против тех, которые говорят, что боги, благоговейно и свято чтимые нами, были людьми, которые не на самом деле, а людским воображением были перенесены на небо⁸⁷.

Начнем с Юпитера. Те, которых называют теологами (theologi)⁸⁸, насчитывали сначала трех Юпитеров. Из них первый и второй родились в Аркадии, у одного отцом был Эфир, от этого Юпитера родились, как говорят, Прозерпина и Либер. Другой был сыном Неба и родил, говорят, Минерву, от которой, по преданию, пошли войны, она их придумала. Третий Юпитер, сын Сатурна, был критянин, на этом острове и могилу его показывают⁸⁹.

Διόσκουροι [Диоскуров] греки тоже называют на разные лады. Первые трое, которые у афинян называются «покровителями» (Anactes), родились от древнейшего царя Юпитера и Прозерпины: Тритопатрей, Эвбулей, Дионисий. Затем двое были рождены Ледой от Юпитера третьего — Кастор и Поллукс. Третих некоторые называют: Алкон, Меламп и Эмол, это сыновья Атрея, внуки Пелопа.

(54) Что касается муз, то сначала их было четыре: Тельксиопа, Аэда, Арха, Мелета, отцом их был Юпитер второй. Вторая группа муз родилась от Юпитера третьего и Мнемозины, их было девять. Третья группа, тоже девять муз, с теми же именами родились от Пиерона и Антиопы, поэты их обычно называют пиеридами и пиериями.

Хотя о Солнце ты сказал, что оно получило такое название оттого, что оно одно единственное⁹⁰, а какое множество солнц [богов] упоминают теологи. Один из них сын Юпитера, внук Эфира; другой — сын Гипериона⁹¹, третий — сын Вулкана, внук Нила, египтяне считают Гелиополь его городом⁹². Четвертый — тот, который, как говорят, в героические времена был рожден нимфой Аканто на Родосе и был предком Иализа, Камира, Линда и Рода⁹³, от пятого, как считают, на Колхиде родились Ээт и Кирка.

XXII. (55) И Вулканов тоже много. Первый родился от Неба. От этого Вулкана Минерва родила того Аполлона, которого древние писатели (*historici*) считают покровителем Афин. Второго, рожденного Нилом, египтяне называют Фта⁹⁴ и считают хранителем Египта. Третий — от третьего Юпитера и Юноны; он, как считают, руководил ремесленными мастерскими на Лемносе⁹⁵. Четвертый родился от Мемалия и утвердился на островах вблизи Сицилии⁹⁶, которые и называются Вулкановыми.

(56) Из Меркуриев один родился от отца Неба и матери Дня⁹⁷, у него, по преданиям, позорно похотливая природа, так как он возбудился при виде Прозерпины. Еще один, сын Валента и Корониды, живет под землей, он зовется еще Трофонием. Третий — сын Юпитера третьего и Майи; от него и Пенелопы, говорят, родился Пан. Четвертый имел своим отцом Нила, египтяне считают недозволенным называть его по имени. Пятый, которому поклоняются фенеты⁹⁸, как говорят, убил Аргуса, по этой причине бежал в Египет и сообщил египтянам законы и письменность⁹⁹. Египтяне этого называют Тотом, и так же называется у них первый месяц в году.

(57) Из Эскулапов первый — сын Аполлона. Ему поклоняются в Аркадии. Он изобрел медицинский зонд и, как говорят, первый стал бинтовать раны. Вторым Эскулап был братом Меркурия. Этот, пораженный молнией, говорят, был похоронен в Киносурах¹⁰⁰. Третий — сын Арсиппа и Арсинои, первым открыл способы очищения желудка и удаления зубов. В Аркадии показывают неподалеку от реки Лузия его могилу и посвященную ему рошу.

XXIII. Из Аполлонов древнейший тот, который, как я уже сказал, родился от Вулкана и считается хранителем Афин. Другой, сын Корибанта¹⁰¹, родился на Крите и, как говорят, за этот остров вступил в спор с самим Юпитером. Третий — сын Юпитера третьего и Латоны, он, по преданию, от гипербореев¹⁰² пришел в Дельфы. Четвертый — в Аркадии, аркадяне его называют Номием (Νόμιον), так как думают, что от него они получили свои законы¹⁰³.

(58) И Диан много. Первая — дочь Юпитера и Прозерпины, говорят, родила крылатого Купидона. Вторая — наиболее известная, как считают, родилась от Юпитера третьего и Латоны. Отцом третьей, по преданиям, был Упис¹⁰⁴, матерью — Глауце (Glauce), эту греки часто называют отцовским именем.

Много у нас и Дионисов. Первый родился от Юпитера и Прозерпины. Вторым — от Нила, этот, говорят, убил Низу¹⁰⁵. Отцом третьего был Кабир, и он, говорят, был царем Азии, это в его честь учреждены празднества Сабазии¹⁰⁶. Четвертым — сын Юпитера и Луны; в его честь, как считают, устраиваются орфические празднества. Пятый родился от Низа и Тионы, его считают учредителем Триетерид¹⁰⁷.

(59) Венера первая была рождена богиней Деметрой от Неба. Ее храм мы видели в Элиде. Вторая — родилась от морской пены¹⁰⁸, от нее и Меркурия, говорят, родился Купидон второй. Третья, родившаяся от Юпитера и Дионы¹⁰⁹, вышла замуж за Вулкана. Но от нее и Марса родился, говорят, Антэрос¹¹⁰. Четвертая — была зачата Сирией от Кипра и зовется Астартой. Она была женой Адонису¹¹¹.

Минерва первая — это та, которая, как я уже сказал, была матерью Аполлона. Вторая — дочь Нила, ее особенно почитают египтяне Саиса¹¹². Третья была рождена самим Юпитером, я уже сказал и об этом. Четвертая — от Юпитера и Корифы, дочери Океана, ее аркадяне называют «Кория» (Κορία) и считают изобретательницей квадрати¹¹³. Пятая была дочерью Палланта¹¹⁴, и она же, говорят, убила своего отца, который попытался нарушить ее девственность. Ее изображают с крылатыми сандалиями.

(60) Купидон первый, говорят, родился от Меркурия и Дианы первой. Второй — от Меркурия и Венеры второй. Третий, Антэрос, — от Марса и Венеры третьей.

Эти и другие подобного рода вымыслы были заимствованы из Греции, и ты понимаешь, Бальб, как важно противодействовать им, чтобы они не замутили религию. А ваши¹¹⁵ не только не опровергают эти [басни], но даже укрепляют веру в них, толкуя что к чему. Однако возвратимся к тому, на чем мы остановились.

XXIV. (61) Итак, неужели ты считаешь, что для опровержения всего этого нужны еще более тонкие доводы? Мы видим в уме, верности, надежде, добродетели, чести, победе, здоровье, согласии и прочем в том же роде естественное (*rerum vim*), а не божественное. Это либо присуще нам самим, как ум, как верность, как надежда, как добродетель, как согласие, либо должно быть желанно для нас, как честь, как здоровье, как победа. И вот то, в чем я вижу только пользу, я вижу также представленным в форме статуи, которой воздается поклонение. Почему мы должны верить, что в добродетели, чести и прочем заключена божественная сила? Я пойму это только в том случае, когда узнаю. В особенности это относится к удаче (*fortuna*). Никто не может отделить от нее непостоянство и случайность, но божеству эти черты, конечно, не пристали.

(62) Далее, я не понимаю, как может вам нравиться такое объяснение басен, толкование имен. Бог Небо был оскотлен своим сыном, Сатурн был также закован в цепи своим. Это и прочее в том же роде вы защищаете таким образом, что те, которые это выдумали, выглядят не только не безумцами, но прямо мудрецами. Следует только сожалеть, что вы занялись также толкованием имен: Сатурн — потому, что он насыщается годами; Марс — потому, что он ворочает великими делами; Минерва — потому что сокрушает, или — потому, что угрожает. Венера — потому, что приходит ко всему; Церера — потому, что производит¹¹⁶. Какой опасный метод! Ведь во многих именах вы определенно завязнете. Что ты сделаешь с Вейовисом?¹¹⁷ Что с Вулканом? Хотя, судя по тому, что ты имя «Нептун» производишь от «плавать»¹¹⁸, не найдется, пожалуй, ни одного имени, которого происхождение ты не смог бы вывести по одной только букве. И, как мне кажется, ты в этом, пожалуй, плаваешь больше, чем сам Нептун.

(63) Много труда, тяжелого и совсем бесполезного, затратили сперва Зенон, после него Клеанф, а затем Хрисипп, чтобы объяснить смысл этих выдуманных басен, чтобы объяснить причины, почему то или иное божество носит свое имя. Но, занимаясь этим, вы, конечно, сознаете, что дело обстоит совсем по-другому, и что это — только людские домыслы. В действительности, то, что вы называете богами, — это естественное, а не божественное.

XXV. Но еще большим заблуждением было присваивать божеское звание многому губительному, и даже учреждать этому святилища. Ведь на Палатинском холме есть храм Лихорадки, а возле храмов в честь ларов¹¹⁹ там находится храм, посвященный Орбоне¹²⁰. И на Эсквилине мы видим алтарь Злой Судьбе. (64) Да будут изгнаны философией эти заблуждения, чтобы, когда мы рассуждаем о бессмертных богах, то говорили бы только достойное бессмертных богов. Я о них говорю то, что чувствую, а тебе я не сочувствую. Ты говоришь, что Нептун — это распространенный по всему морю дух с разумением. Так же ты говоришь о Церере. Но я это разумение ни у моря, ни у земли не только не могу постигнуть своим умом, но даже и представить себе не могу, что это такое. Так что мне придется в другом месте поискать доказательств того, что и боги существуют, и каковы они; я знаю только, что они не таковы, какими ты хотел бы, чтобы они были.

(65) Теперь перейдем к следующим вопросам. Во-первых, управляет ли миром провидение богов? Затем: печется ли оно о делах человеческих? Ибо из выдвинутых тобою положений¹²¹

эти два остались нерассмотренными. И я считаю нужным, если вам угодно, рассмотреть их более подробно».

«Мне, — сказал Веллей, — очень даже угодно. Потому что я и с тем, что уже было сказано, совершенно согласен и ожидаю еще большего».

«А я, — сказал Бальб, — не хочу перебивать твою речь. Но... выберем для возражений другое время, и я, конечно, постараюсь убедить тебя, но...»¹²²

XXVI. [Лакуна]

Нет, так дело не пойдет¹²³, у нас теперь великий спор.
Чтоб я к нему взмолилася? Почтила речью лстивой?¹²⁴

(66) Разве не кажется, что она немало раздумывала, а ведь сама себе подстроила нечестивую гибель. А вот это, о Медее, куда как умно:

Если желаешь того, чего хочешь добиться,
Дело ты так рассуди, как велит само дело.

Между тем этот стих способен посеять всякие бедствия: [А слова Медеи]

Он теперь своим предательством мне руки развязал.
Дам я ныне волю гневу, погублю предавшего!
Мне печаль, ему стенанья, смерть ему, изгнание мне¹²⁵.

Вот он этот разум, которого животные не имеют, и только человек, по-вашему, наделен им по особому благоволению богов. (67) Видишь, какой ценный подарок мы от них получили! И та же Медея, убегая от отца и из отечества, —

Когда отец¹²⁶ уж нагонял, уж задержать готовился,
Она ребенка-брата рубит на куски,
Разбрасывает части тела братнина
Повсюду по полям, все для того, чтобы,
Пока родитель собирал их плачущий,
Сама она сбежать могла, отца ж ее —
Скорбь задержала, чтобы не догнал.
Братоубийством так себя спасла она.

У Медеи, несомненно, не было недостатка ни в коварстве, ни в уме.

(68) А тот¹²⁷, который подготовил для брата роковое угощение, разве не обдумал это со всех сторон?

Задумал я теперь зло величайшее,
Чтоб сердце брата сокрушить жестокое.

XXVII. Не обойдем мы молчанием и того самого,

Коему мало было
Царя супругу соблазнить, в разврат втянуть,

о чем правильно и очень верно сказал Атрей:

Опаснейшее дело, так считаю я,
Касаться тела царских матерей,
Их осквернив, — род царский осквернить,
Чужое семя подмешать к нему.

А ведь и Фиест куда как хитро искал царства, используя прелюбодеяние. [Атрей об этом так] говорит:

Добавлю¹²⁸: чудо мне отец богов во знаменье
Послал, чтоб трон мой этим укрепить сильней.
Среди овечек агнца златорунного
Из царского дворца его осмелился
Фиест похитить, взяв себе в помощницы
Неверную мою жену...

(69) Не правда ли, величайшее злодеяние было совершено с величайшим умом?

Но не только театральная сцена заполнена подобными злодеяниями. Едва ли не больше и не в большем количестве совершаются они в повседневной жизни. Знает любой частный дом, знает форум, знает курия, [Марсово] поле, знают союзники, провинции, что с помощью разума делаются как добрые дела, так и злые. Причем добрые дела совершаются немногими и редко, зато злодеяния — и часто, и многими. Так что, пожалуй, лучше бы боги бессмертные вовсе не дали нам никакого разума, чем разум столь губительный. Как больным людям вино, редко помогающее, а гораздо чаще приносящее вред, лучше совсем не употреблять, чем в надежде на сомнительное спасение приближать верную гибель, так, думаю я, лучше было бы со стороны богов вовсе не давать роду человеческому эту живость мысли, эту хитрость, эту изобретательность — все то, что мы называем разумом, раз он несет с собой бедствия многим, выгоду немногим. Не лучше ли было бы для людей вовсе не получать этот щедрый дар? (70) Вот почему я считаю, что если боги имели в виду облагодетельствовать людей, щедро наделив их разумом, то это касается лишь тех, кому они даровали добрый разум, а таких, если мы и встречаем, то очень немногих. Но ведь невозможно представить себе, что боги бессмертные заботятся только о немногих. Из этого следует, что боги не заботятся ни о ком.

XXVIII. На это вы обычно так возражаете: боги-де заботятся о нас наилучшим образом, но многие люди их благодеяниями пользуются превратно. Так-де и бывает среди людей: многие, получив от родителей наследство, дурно его используют, но ведь это не значит, что они не были облагодетельствованы своими родителями. Кто же это отрицает? Но сравнение-то неудачное. Деянира¹²⁹ не хотела причинить вред Геркулесу, когда послала ему тунику, пропитанную кровью кентавра. Не хотел также помочь Ясону, тирану Феры¹³⁰, человек, ударивший его мечом, а ведь этим ударом он только вскрыл мучивший тирана нарыв, который не смогли вылечить врачи. Многие, желая повредить, помогают, а желая помочь — вредят, так что дар еще не обнаруживает истинные намерения подарившего. И если получивший дар использовал его хорошо, то это еще не значит, что тот, кто его дал, сделал это по-дружески.

(71) Какое распутство, какое стяжательство, какое преступление не бывает заранее обдуманно и, когда совершается, не сопровождается ли движением духа и размышлением, т. е. рассуждением? Ибо всякое мнение — это рассуждение, хорошее, если мнение истинно, плохое, если ложно. Но от бога мы только получаем рассудок (если только получаем), а будет ли он употреблен на благо или во зло, это зависит от нас. Так что не стоит считать рассудок благодеянием, полученным людьми от богов, вроде наследства, которое родители оставляют

своим детям. Если бы боги хотели причинить вред людям, то лучшего способа, чем подарить им разум, они бы не могли найти. Ибо где еще скрываются семена таких пороков, как несправедливость, разнузданность, трусость, как не в разуме?

XXIX. Мы тут вспоминали Медею и Атрея, трагедийных героев, которые всю силу своего ума направили на обдумывание тягчайших преступлений. (72) Но разве не пускают в ход свой ум и незначительные люди, персонажи комедий? Разве не тонко рассуждает тот персонаж из «Евнуха»?

То гонит, то зовет меня... Вернуться к ней?
Нет, если даже станет слезно умолять меня¹³¹...

А, другой, из «Синэфебов», наподобие философов Новой Академии, направив свой разум в бой против общепринятого мнения, говорит, что, если

Любовь сильна, а денег вовсе нет,

то хорошо¹³²

Отца иметь скупого, к детям грубого,
Что их совсем не любит, не сочувствует.

(73) И это необычное мнение он подкрепляет следующими рассуждениями [у такого родителя, мол, не грешно]

Или обманом выманить дохода часть,
Иль по подложному письму, иль чрез раба
До смерти напугать, ну, а затем —
Что от отца скупого этак выудил,
Насколько ж промотать тебе приятнее.

И он же доказывает, что неудобен для влюбленного сына как раз мягкий и щедрый отец,

Которого ни обмануть не хочется,
Ни что-нибудь стянуть, уловку выдумав,
Не знаю как. Так все хитросплетения,
Все сдерживает доброта родителя.

Но разве эти хитрости, эти уловки, эти обманы могли быть придуманы без участия разума? О, этот замечательный дар богов! [Без него] разве мог бы Формион¹³³ сказать [свои слова в комедии]:

А теперь мне старика подай, в уме уж план готов.

XXX. (74) Однако выйдем из театра, перейдем на форум. Вот идет претор на заседание суда. Кого судить? Того, кто поджег государственный архив. А кто же это сделал? Знатный римский всадник из Пицена Кв. Созий сам сознался, что сделал это. А еще кого будут судить? Л. Алена¹³⁴, который, переписывая государственные долговые списки, подделал подписи шести главных [писцов казначейства]. Тоже ведь хитроумнейший человек. А вспомни другие дела: о толосском золоте¹³⁵, о заговоре Югурты¹³⁶ — и более давние: дело Тубуллы¹³⁷, который открыто брал взятки. А позже поднятое Педуцем¹³⁸ дело о преступных кровосмесительных связях. А уже в наше время эти ежедневные процессы об убийствах, отравлениях, растратах, о

подделанных завещаниях, в связи с чем недавно даже новый закон вышел; оттуда ведь эта процессуальная формула: «Я утверждаю, что кража совершена тобой и по твоему замыслу». А сколько проходит процессов о злоупотреблениях опекунов, о невыполнении денежных обязательств между компаньонами при закладах, при купле, при продаже, при аренде, при сдаче в наем. Добавим, к этому процессы по закону Плетория¹³⁹. Затем — метлу, чтобы выметать всякие жульничества, — закон о злонамеренных хитростях, который провел наш друг Г. Аквиллий (под хитростью Аквиллий подразумевал тот случай, когда одно делают для вида, другое на самом деле)¹⁴⁰.

(75) Что же, будем мы считать, что это семя стольких зол создано бессмертными богами? Ибо, если бессмертные боги действительно дали людям рассудок, то выходит, они дали им и склонность ко злу. Потому что склонность ко злу — это и есть извращенный и направленный во вред рассудок. Выходит также, что те же боги наделили людей ложью, преступностью и прочим, что ни замыслить, ни совершить невозможно без участия рассудка. Старая [кормилица Медеи] воскликнула:

О если б в роде Пелиона срублена¹⁴¹
Не пала на землю та ель высокая...

Так лучше бы боги не дали людям эту способность, которую ведь очень немногие используют на благо, да и эти часто сами оказываются жертвами тех, кто использует свой ум во зло, а таких ведь, бесчестно использующих рассудок, бесчисленное множество. Так что кажется будто боги наделили людей этим даром — рассудком и рассудительностью не для добрых дел, а для плутней.

XXXI. (76) Но вы без устали повторяете, это-де вина людей, а не богов, как если бы врач обвинял в своей неудаче жестокость болезни, а кормчий — силу бури. Даже этих, хотя они слабые людишки, следовало бы высмеять: «Да если бы не было болезней и бурь, то кому бы вы были нужны!» — сказал бы им любой. Но против бога можно спорить еще основательнее.

Вот, ты говоришь, что вина на людях, в их порочности. Так дал бы ты, боже, людям такой рассудок, который исключает пороки и преступность. Разве боги могли ошибиться? Мы оставляем своим детям наследство в надежде, что они им хорошо воспользуются. Мы можем в этом ошибиться. Но как смог ошибиться бог? Как могло ошибиться Солнце, когда этот бог посадил на свою колесницу сына Фазтона¹⁴², или Нептун — когда обещал Тезею исполнить три желания и этим погубил своего же внука Ипполита¹⁴³?

(77) Это, конечно, вымыслы поэтов, а мы же хотим быть философами и иметь дело не с вымыслами, а с фактами. Однако если бы эти самые боги поэтов знали, что их уступчивость окажется губительной для их же детей, то следовало бы считать преступлением с их стороны, такой ценой показаться добрыми. Аристон Хиосский¹⁴⁴ имел обыкновение говорить, что вредят философы тем слушателям, которые хорошие мысли плохо толкуют (так что из школы Аристиппа могут выйти распутники, и из школы Зенона — жестокие)¹⁴⁵. Если его мысль верна, то философам лучше бы вовсе не открывать школы, из которых выходят ученики с такими пороками из-за превратного толкования слов учителя. Лучше бы молчать философам, чем вредить тем, кто их слушает. (78) Также, если люди обращают на зло и обман разум, который богами бессмертными был им дан с добрыми намерениями, то лучше бы боги его совсем не давали роду человеческому. Подобно тому как виновен врач, который велел больному выпить неразведенного вина, зная наперед, что тот напьется сверх меры и тут же умрет, так должно обвинять ваше Провидение за то, что оно наделило разумом тех, о которых оно знало, что они используют его превратно и бесчестно. Или скажете, что Провидение этого

не знало? Хотел бы я это услышать! Но вы не осмелитесь так говорить. Я ведь знаю, как высоко вы цените это Провидение.

XXXII. (79) Пожалуй, можно уже заключить и эту часть. Если все философы согласны, что глупость — это большее зло, чем все остальные, проистекающие и от внутренних качеств человека и от внешних случайностей, вместе взятые, а мудрости никто не достигает, то выходит, что все мы находимся под властью величайшего из зол, мы, о которых, вы говорите, боги наилучшим образом позаботились. Ибо как выражения «никто не здоров» и «никто не может быть здоров» имеют одинаковый смысл, так, по-моему, нет разницы и между утверждениями «никто не мудр» и «никто не может быть мудрым». Впрочем, я уже и так слишком много наговорил о совершенно очевидных вещах. Теламон¹⁴⁶ одним только стихом выразил ту мысль, что боги пренебрегают людьми:

Если б боги опекали, было б хорошо хорошим
Людам, худо злым, а ведь на деле не бывает так теперь.

(80) Если бы боги действительно пеклись о роде человеческом, то они должны были бы сделать всех людей добрыми или, по меньшей мере, особенно опекать добрых. Так почему же двух Сципионов, мужей храбрейших и добрейших (optimi), одолел в Испании пуниец?¹⁴⁷ Почему Фабий Максим¹⁴⁸ похоронил своего сына, консуляра?¹⁴⁹ Почему Ганнибал предал смерти Марцелла?¹⁵⁰ Почему Канны отняли жизнь у Эмилия Павла?¹⁵¹ Почему тело Регула стало жертвой карфагенской жестокости?¹⁵² Почему стены своего дома не защитили [Сципиона] Африканского?¹⁵³

Но это все из прошлого, и можно было бы привести еще много примеров. Рассмотрим некоторые, более близкие к нашему времени. Почему мой дядя, Рутилий¹⁵⁴, муж невиннейший и учнейший, находится в изгнании? Почему мой друг, Друз, был убит в своем доме?¹⁵⁵ Почему верховный понтифик Кв. Сцевола¹⁵⁶, образец сдержанности и благоразумия, был зверски убит перед статуей Весты? Почему незадолго до этого столько знатнейших граждан нашего государства (principes civitatis) были загублены Цинной?¹⁵⁷ Почему коварнейший из всех Г. Марий¹⁵⁸ смог приказать Кв. Катулу¹⁵⁹, человеку превосходнейших достоинств, чтобы тот наложил на себя руки?

(81) Дня не хватило бы, если бы я захотел перечислить, скольким добрым людям пришлось плохо, или если бы я стал вспоминать, сколько бесчестных счастливо прожили свою жизнь? Почему тот же Марий, в седьмой раз став консулом, счастливо умер в своем доме глубоким старцем? Почему кровожаднейший Цинна столь долго продержался у власти?

XXXIII. Но, скажешь, кара его в конце концов все же постигла. Лучше было бы не допустить, не дать ему погубить столько прекрасных людей, чем когда-то покарать погубившего их. Кв. Варий, человек негоднейший, был предан мучительной казни; если за то, что он убил Друза кинжалом, а Метелла — ядом; то лучше было бы их сохранить для жизни, чем Вария карать за преступление¹⁶⁰.

(82) Дионисий тридцать восемь лет был тираном богатейшего и прекраснейшего города. А задолго до него в славнейшем городе Греции — Писистрат. Но, скажешь, Фаларида и Аполлодора¹⁶¹ постигла же кара! Да, но после того, как они замучили и убили множество людей. И многие разбойники были казнены, но мы не можем сказать, что казненных разбойников больше, чем захваченных и убитых ими людей.

Мы знаем, что Анаксарх, ученик Демокрита, был изрублен на куски кипрским тираном, что Зенон Элейский¹⁶² был после жестоких пыток казнен. А что уж сказать о Сократе, смерть

которого я обычно оплакиваю¹⁶³, читая Платона? Так неужели же ты не видишь, что боги, если и рассматривают человеческие дела, то, судя по их приговорам, не видят [между добродетелью и злодейством никакой] разницы.

XXXIV. (83) Диоген-киник обычно говаривал, что Гарпал¹⁶⁴, который в его времена прослыл самым удачливым разбойником, является наиболее верным свидетельством против богов, раз ему так долго улыбается счастье. Дионисий, о котором я уже упоминал, ограбив храм Прозерпины в Локрах, отплыл в Сиракузы¹⁶⁵. Попутный ветер помогал плыть его кораблям, и он, смеясь, сказал: «Смотрите, друзья, как благоприятствуют бессмертные боги плаванию святотатца». Этот остроумец после столь удачного начала и в дальнейшем придерживался тех же взглядов. Пристав со своим флотом к берегам Пелопоннеса, он вторгся в храм Юпитера Олимпийского и стащил с бога золотой плащ тяжелейшего веса (этим одеянием украсил Юпитера тиран Гелон из добычи, которая досталась ему после победы над карфагенянами). И при этом Дионисий еще издевательски пошутил: «Летом, — сказал он, — золотая одежда тяжела, зимою — холодна» — и, накинув на статую шерстяной плащ, добавил: «Вот эта одежда — на все времена года»¹⁶⁶. Он же приказал снять у Эскулапа в Эпидавре золотую бороду: не пристало-де сыну быть бородатым, когда отец во всех храмах безбородый¹⁶⁷. Дионисий приказал также вынести из всех храмов серебряные жертвенники, на которых, по обычаю древних греков, была надпись: «Добрым богам», говоря при этом, что он хочет воспользоваться добротой богов. Он же, нимало не колеблясь, снял с протянутых рук богов сделанные из золота маленькие статуи Победы, а также золотые чаши и венки, приговаривая, что он их принимает, а не отнимает, ибо, говорил он, глупо не хотеть брать у тех, кого мы просим о всяких благах, то, что они сами протягивают и дают.

(84) О Дионисии же сообщают, что он все вещи, которые он, как я сказал, вынес из храмов, выставил затем на рынок, и они были проданы с торгов. А получив деньги, Дионисий издал указ, чтобы каждый, имеющий в своем доме вещи из храмов, к определенному дню вернул их в тот храм, откуда они были взяты. Таким образом, к нечестию в отношении к богам он добавил бесчестие к людям.

XXXV. Однако же его ни Юпитер Олимпийский не поразил молнией, ни Эскулап не истощил до смерти тяжелой и продолжительной болезнью. Умер он в своей постели, был с почетом похоронен, и ту власть, которую сам Дионисий приобрел через преступление, он передал сыну в наследство как бы справедливую и законную.

(85) Речь моя приняла в этом месте нежелательный оборот; как будто в ней поощряется беззаконие. Так бы это и выглядело, если бы не важная роль совести человеческой, которая безо всякого божественного разума способна взвешивать добродетели и пороки. Не будь ее — все бы пропало. Как ни отдельная семья, ни государство в целом не будут выглядеть разумно устроенными и организованными, если в них добрые дела не вознаграждаются, а дурные не наказываются, так и в целом мире, конечно, нет божественного управления, коль скоро в нем не делается никакого различия между добрыми и злыми.

(86) Но, скажешь, это потому, что боги пренебрегают мелочами¹⁶⁸, не приглядывают за каждым клочком земли, за отдельной виноградной лозой. И если даже головня или град причинят какой-то вред, то это не Юпитера забота. И в царствах цари о всяких мелочах не заботятся (вы ведь именно так и говорите); как будто я перед этим сетовал, что П. Рутилий потерял одно только свое Формианское поместье, а не лишился всякого благосостояния и родины.

XXXVI. Все люди придерживаются того мнения, что внешние блага: виноградники, посевы, оливковые насаждения, изобилие плодов земли — вообще все, что составляет

жизненное благополучие и процветание, они имеют от богов. Добродетель же никто и никогда не считал полученной от бога¹⁶⁹. (87) И это очень верно. За добродетель мы законно восхваляемы, добродетелью мы справедливо гордимся, что не могло бы быть, если бы она была даром от бога, а не зависела от нас самих. Если мы неожиданно были почтены какой-либо новой почестью, или случайно увеличилось наше богатство, или мы случайно приобрели что-нибудь приятное для нас, или избежали неприятности, и мы за это благодарим богов, то этим самым мы признаем, что в этом никакой нашей заслуги нет и хвалить нас не за что. А кто когда возносил благодарность богам за то, что он добрый человек? За то, что богатый, что в почете, что здоров и невредим, благодарят. И Юпитера за это называют и всеблагим и величайшим; не за то, что он нас сделал справедливыми, воздержанными, мудрыми, а за то, что — здоровыми, невредимыми, богатыми. (88) Никто не дает обета пожертвовать Геркулесу десятину, если сделается мудрым. Хотя о Пифагоре и рассказывают, что он, открыв что-то новое в геометрии, принес музам в жертву быка, но я этому не верю. Ведь он не пожелал даже Аполлону Делосскому принести подобную жертву, чтобы не запятнать кровью его жертвенник.

Короче говоря, все люди убеждены в том, что счастье следует просить у бога, мудрость — приобретать самому. Мы можем сколько угодно посвящать храмов Уму, Добродетели, Верности, но все эти [качества] находятся в нас самих. Надежду же, здоровье, богатство, способность побеждать должно просить у богов.

XXXVII. (89) А процветание и преуспевание бесчестных — это действительно, как говорил Диоген, аргумент против богов и влияния их могущества [на происходящее с людьми]. Но, скажешь, иногда и хорошим людям сопутствует успех. Верно, только мы безо всяких оснований приписываем его бессмертным богам. Диагор (тот, кому присвоили прозвище ἄθεος — «Безбожник»¹⁷⁰) приехал однажды в Самофракию, и там один его друг задал ему вопрос: «Вот ты считаешь, что боги пренебрегают людьми. Но разве ты не обратил внимания, как много [в храме] табличек с изображениями и с надписями, из которых следует, что они были пожертвованы по обету людьми, счастливо избежавшими гибели во время бури на море и благополучно прибывшими в гавань?» «Так-то оно так, — ответил Диагор, — только здесь нет изображений тех, чьи корабли буря потопила, и они сами погибли в море».

Тот же Диагор в другой раз плыл на корабле, и началась сильная буря. Оробевшие и перепуганные пассажиры стали говорить, что эта беда приключилась с ними не иначе как оттого, что они согласились взять его на корабль. Тогда Диагор, показав им на множество других кораблей, терпящих то же бедствие, спросил, неужели они считают, что и в тех кораблях везут по Диагору. Стало быть, дело обстоит таким образом, что твоя участь, счастливая или несчастливая, несколько не зависит от того, каков ты и как ты ведешь себя в жизни.

XXXVIII. (90) Ты говоришь: не на все обращают внимание боги так же, как цари. Но что это за сравнение! И на царях лежит большая вина, если, зная, они оставляют то без внимания. Но бога-то не может извинить незнание. Вы ведь сами распрекрасно защищаете богов, говоря, что сила богов такова, что если кто умрет, так и не понесет заслуженной кары за свои преступления, то должны ожидать наказания его дети¹⁷¹, внуки, еще более далекие потомки. О поразительное правосудие богов! Разве потерпело бы любое государство такого законодателя, который бы внес такой закон, чтобы за преступление, совершенное отцом или дедом, был осужден сын или внук? [Как это у Акция сказано:]

Когда же Танталидов избиению конец придет?
Или когда уж кара будет сочтена достаточной
Во искупление Миртиловой гибели!¹⁷²

(91) То ли поэты испортили стоиков, то ли стоики внушили поэтам, не легко сказать, но и те и другие придумали много позорного. Ведь тот, кто был уязвлен ямбом Гиппонакта или ранен стихом Архилоха, не считал свою обиду «скорбью, ниспосланной богом», а считал, что он ее сам заслужил. И мы, когда узнаем о похоти Эгисфа¹⁷³ или Париса, когда вина их как бы криком кричит, мы ведь тоже не ищем причины в боге. Я, со своей стороны, не считаю, что многие больные своим выздоровлением скорее обязаны Эскулапу, чем Гиппократу, и никогда я не скажу, что лакедемонские законы Спарта получила скорее от Аполлона, чем от Ликурга¹⁷⁴. Я скажу, что Критолай¹⁷⁵ разрушил Коринф, а Газдрубал — Карфаген. Эти два человека выкололи два ока морского побережья, [уничтожив эти два славнейших города], а не какой-то рассердившийся бог, который, как вы утверждаете, вовсе и сердиться-то не может¹⁷⁶.

XXXIX. (92) Но прийти на помощь этим столь великим и столь славным городам и сохранить их бог определенно мог. Вы ведь сами обычно говорите, что для бога нет ничего невозможного, он все может сделать и притом без всякого труда¹⁷⁷. Подобно тому, как человек может привести в движение члены своего тела без всякого напряжения, стоит ему только подумать и пожелать, так волею богов может все на свете образоваться, передвинуться, измениться. И вы при этом ссылаетесь не на бабьи сказки, а на физику, на разумные выводы. Вы говорите, что та материя, из которой состоят все вещи и в которой все заключается, настолько податлива и изменчива, что из нее можно мгновенно все, что угодно, образовать и преобразовать. А создатель и управитель всего этого — божественное Провидение. Стало быть, оно, куда бы ни двинулось, может сделать все, что захочет. Но в таком случае Провидение или не знает, что может, или делами человеческими пренебрегает, или не может рассудить, что для людей лучше всего¹⁷⁸.

(93) [Ты говоришь] Провидение не печется об отдельных людях¹⁷⁹. Ничего удивительного, оно не печется ведь и о целых городах. Городах? Даже о целых народах и племенах! А если так, то не удивительно, что ему вообще безразличны судьбы всего рода человеческого. Но каким же образом, вы, утверждая, что боги отнюдь не занимаются мелкими делами, в то же время учите, что они распределяют и делят между людьми сны? Поскольку это вы верите в вещие сны, я предоставляю тебе разобраться в этом.

Кроме того, вы говорите, что богам также нужно давать обеты. Обеты же дают отдельные люди, стало быть, божественный ум прислушивается также и к отдельным личностям. Как видно, он не так уж занят, как вы считали? Но пусть он завален делами, поворачивает небо, наблюдает за землею, распоряжается морями. Почему же он терпит, что столь многие боги ничего не делают, бездельничают? Почему не возложит заботу о человеческих делах на некоторых, ничем не занятых богов, а таких, по твоим же, Бальб, словам, бесчисленное множество?

Вот, приблизительно то, что я хотел сказать о природе богов, не для того, чтобы отвергнуть их, но чтобы вы поняли, насколько темен этот вопрос, какие трудности он представляет для разъяснения».

XL. (94) Этими словами Котта закончил свою речь. Луцилий же заметил: «Ты, Котта, очень сурово раскритиковал учение стоиков о провидении богов, учение, которое они выработали весьма благоговейно и продуманно. Но так как уже вечерет, то ты дашь нам, наверное, какой-нибудь другой день, чтобы мы ответили на твою критику. Потому, что я намерен вступить с тобой в спор об алтарях домашних богов, о храмах и святилищах, и о стенах Рима, которые, вы, понтифики, считаете священными и защищаете Рим религией более, чем он защищен этими стенами. От всего этого отступить я считаю для себя непозволительным, пока я жив».

(95) «А я, — ответил Котта, — и сам хотел бы, чтобы ты, Бальб, опровергнул меня. Я предпочел бы, чтобы ты все мои доводы рассеял, а не согласился со мною. Я даже уверен, что ты легко победишь меня».

«Еще бы, — сказал Веллей, — всего можно ожидать от человека, который считает, что Юпитер посылает нам даже сны, сны же, какими бы они не были пустыми, все же не так пусты, как речи стоиков о природе богов».

После сказанного мы разошлись с тем, что Веллею показалось более правильным суждение Котты, а мне — более похожим на истину мнение Бальба.

ПРИМЕЧАНИЯ О ПРИРОДЕ БОГОВ. Книга III

1. В третьей книге «О природе богов» Котта с позиций Новой Академии подвергает критике взгляды стоиков по вопросу о богах. Он строит свою речь по тому же плану, что и выступивший перед ним Бальб: § 1—6 — Введение. § 7—19 — существуют ли боги? § 26—64 — о свойствах богов. § 65 — о божественном провидении. § 66—93 — о том, что боги проявляют преимущественную заботу о роде человеческом.
2. *Эпикур... не слишком-то сражался* — ср.: I, 75.
3. *Чтобы не подвергнуться... осуждению* — ср.: I, 23. *Издевается* — ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, II, 45.
4. Ср.: I, 115, *примеч.*; Публий Корнелий Сципион Назика — верховный понтифик 150 г.
5. *Гай Лелий*, прозванный Мудрым, консул 140 г., близкий друг Сципиона Младшего. Котта имеет в виду речь Лелия по поводу внесенного народным трибуном Крассом в 145 г. законопроекта о жреческих коллегиях. Красс предложил, чтобы они пополнялись не путем кооптации, самими членами коллегий, а избирались народом. Лелий в своей речи доказывал, что принятие этого закона поставит под угрозу само существование религии. Ср.: III, 43; Цицерон. Брут, 83.
6. Ср.: Цицерон. О законах, II, 20.
7. *Природа, которой вы приписываете мудрость* — ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, I, 46—47.
8. *Просветы от души к глазам* — ср.: Там же; Плиний. Естественная история, XI, 145—146: «Ибо в глазах обитает душа... душой мы видим, душой созерцаем».
9. Котта имеет в виду небо и небесные светила.
10. *На Соляной дороге* — дорога, по которой вывозили соль из солеварен в Остии, на берегу моря. Эта дорога проходила через Рим.
11. *Тиндариды... люди, рожденные человеком* — ср.: II, 6, *примеч.*
12. *Гомер, живший лишь немного позже* — здесь Цицерон считает Гомера чуть ли не современником Троянской войны, но в другом месте (Тускуланские беседы, V, 7) он переносит Гомера в намного более поздние времена Ликурга, легендарного законодателя Спарты.
13. *Гомер*. Илиада, III, 243—244.
14. *Души... божественны и вечны* — старшие стоики считали, что души долговечны, но не бессмертны. Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, I, 77.
15. *Следует то, чему быть должно* — перед этими словами, по-видимому, выпала значительная часть текста.
16. Ср.: Цицерон. О дивинации, I, 82; II, 22—25; II, 54; II, 105.
17. *Все происходит от судьбы* — ср.: Цицерон. О дивинации, I, 125; *Он же*, О судьбе, 21; Диог. Лаэрт., VII, 149.
18. Ср.: I, 40; I, 55; Цицерон. О дивинации, I, 125; II, 19; *Он же*. О судьбе, в ряде мест.

19. *Жребиями* (*sortes*) назывались деревянные (или бронзовые) таблички (или палочки), на которых были начерчены определенные буквы или стихи. Жребии закладывали в урну, ее встряхивали и затем обычно ребенок вытаскивал жребий. Ср.: Цицерон. О дивинации, II, 86.
20. *Я... верю в это все* — прямо противоположное говорит Цицерон в другом месте (О дивинации, II, 86): «Какое же высокое должностное лицо, какой образованный человек, использует сейчас жребий?»
21. *К жезлу Атта Навия* — ср.: II, 9; Цицерон. О дивинации, I, 31—33 и *примеч.*
22. *Что тобою было сказано позавчера* — ср.: II, 73, где речь Бальба отнесена ко второму дню диалога. См. *примеч.* к II, 73.
23. *Муравей... обладает... чувством... умом... памятью* — стоики думали иначе. Ср.: II, 33.
24. Ср.: Секст Эмпирик, IX, 108, где подобная аргументация приписывается греческому философу Алексину (III в.).
25. В тексте: «не из него» — т. е. не из мира. В некоторых списках вместо *nisi ex eo* читается *nisi deo* — помимо бога, смысл близкий, поскольку стоики и видели в мире бога.
26. Стих из «Анналов» Энния.
27. *Точно к спасительному убежищу* — в подлиннике — к «жертвеннику» — преследуемый искал убежища в храме, и, пока он держался за жертвенник, он считался неприкосновенным.
28. *Сотворен* — в оригинале *aedificatum esse* — выражение, у стоиков обычно связанное с творческой деятельностью божества. Ср.: I, 19: *aedificator mundi* — «творец мира».
29. *Что я постараюсь доказать* — но эта часть доказательств в трактате Цицерона как раз отсутствует, может быть, не сохранилась.
30. См.: II, 18, *примеч.*; ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, V, 38.
31. *Мир поет для гармонии (ad harmoniam)* — Котта высмеивает учение Пифагора о гармонии небесных сфер. По Пифагору, семь небесных сфер своим движением издают звучание подобно струнам музыкального инструмента — семь звуков разной высоты. Ср.: Цицерон. О государстве, VI, 18; Платон. Государство, X, 617 в.
32. *«Искусно прогуливается»* — Котта, несомненно, пародирует выражение Зенона (II, 57).
33. *Каждая из... [стихий] гибнет* — стоики, однако, усматривали во взаимопревращении стихий не гибель, а только изменение состояния.
34. *То, что испытывает страдания... подлежит... смерти.* — Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, I, 79; Секст Эмпирик, IX, 70.
35. Стоики, и в частности Зенон, во многом испытывали влияние Гераклита. Они восприняли и его учение о мире, который «возникает из огня и вновь исходит в огонь попеременно» (Диог. Лаэрт., IX, 8).
36. *Не хотел, чтобы другие понимали, что он говорит.* — Ср.: I, 74, *примеч.*
37. *Воздух... из него состоит и дух* — в древности довольно распространенное у многих народов представление, что душа, дух, состоит из воздуха. Ср.: Библия. Книга Бытия, II, 7.
38. Именно это, однако, утверждали и некоторые стоики, например, Панэтий. Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, I, 42.
39. *Скажу позже* — и эта часть трактата также опущена или не сохранилась.
40. Сирийскую богиню Атаргатис представляли с рыбьим хвостом.
41. *Алабанд и Теней* — легендарные основатели городов Алабанда в Кarii (Малая Азия) и Тенедоса на одноименном острове, недалеко от Троады.
42. *Левкотей и Палемон* — дочь и внук легендарного царя Кадма, основателя Фив. Левкотей, спасаясь от гнева своего мужа, Атаманта, на которого Гера, жена Зевса, наслала безумие, бросилась в море вместе со своим сыном, Палемоном, и оба они стали морскими божествами. Ср.: III, 48.
43. *Приписных граждан* — в оригинале *adscripticii cives*, так называли первоначально беднейших граждан, которым по реформе Сервия Туллия было предоставлено право участия в народном собрании и, стало быть, гражданские права. Здесь, конечно, в ироническом смысле.
44. *То, что он ест, — это бог* — Котта намеренно огрубляет учение стоиков. Ср.: II, 60—61 сл.; Секст Эмпирик, IX, 39.
45. Цитата из недошедшей трагедии Акция (по Риббеку, из «Гераклид»).

46. См.: *Гомер*. Одиссея, IX, 601—603.

47. *Те, которые исследуют... письма* — Цицерон, очевидно, имеет в виду александрийских ученых, которые, с целью как-то согласовать бесчисленные противоречия между мифами о богах, предложили считать, что многие боги носили одни и те же имена.

48. *Состязался с Аполлоном* — Геркулес рассердился на Пифию, которая отказалась изречь для него оракул, и похитил треножник, на котором она восседала во время прорицаний. Геркулес вознамерился в другом месте основать свой оракул, но за это на него разгневался покровитель дельфийской Пифии Аполлон.

49. *Рожден Нилом* — в Египте с Геркулесом был идентифицирован бог Шу (или Хонсу). Ср.: *Геродот*, II, 43; II, 113.

50. *Сочинил фригийские книги*. — Ср.: Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 29.

51. *Дигитов горы Иды* — гора Ида во Фригии считалась местом обитания демонов — служителей великой богини-матери Кибелы. Греки их называли дактилами («пальцами»), на латинском языке «дигиты» (*digiti*). Ср.: *Павсаний*. Описание Эллады, V, 7, 6; IX, 19, 5.

52. *Жертвы в честь подземных богов* — согласно мифу, Геракл-Геркулес после смерти стал одним из богов подземного царства мертвых. Ср.: *Геродот*, II, 44. *Кос* — один из островов Sporадского архипелага в Эгейском море.

53. *Астерия* — дочь титана Коя и титаниды Фебы (Ср.: *Гесиод*. Теогония, 409), в период эллинизма была отождествлена с финикийской богиней *Астартой*, а Геркулес — с ее сыном, богом Мелькартом.

54. *Латона* — другая дочь Коя и Фебы, была супругой Юпитера (до Юноны) и матерью Аполлона и Дианы.

55. *Карфаген был ее дочерью* — в латинском языке «Карфаген» (*Carthago*) — слово женского рода.

56. *Бэл* — вавилонский бог (соответствует общесемитическому Баалу), но Индия не знала его культа.

57. *Лелий* в своей речи о коллегиях (см.: III, 5 и *примеч.*), восхваляя простоту религии предков, упомянул о скромных глиняных сосудах, из которых совершали возлияния богам патриции и сам царь Нума Помпилий.

58. *Паниски* — козлоногие сельские божки.

59. *Орк* — (у греков Плутон) — бог подземного царства мертвых. *Харон* — перевозчик душ через реку Ахерон в подземное царство мертвых.

60. *Кербер* (Цербер) — фантастический трехголовый пес, охраняющий вход в царство мертвых.

61. Ср.: *Секст Эмпирик*, IX, 182—190.

62. *Генеалогии* — в данном случае составители родословий богов, например Гесиод.

63. *Эреб* — греч. Мрак. У Гесиода — сын Хаоса, брат и супруг Ночи, отец Дня, Эфира и других божеств.

64. Под гражданским правом (*ius civile*) понималось римское право, под естественным правом — правовые нормы, принятые у всех народов, всех людей (*ius omnius hominum, ius gentium*). Ср.: Цицерон. Об обязанностях, III, 69.

65. *Астипалея* — остров в Спорадском архипелаге. У Ахилла отцом был легендарный эгинский царь Пелей, матерью — морская богиня Фетида.

66. *Орфей* — см.: I, 41, *примеч.* Его считали сыном музы Каллиопы. *Рез* — легендарный царь Фракии, сын той же Каллиопы.

67. Ср.: II, 61—62.

68. *Геката* — отождествлялась то с Артемидой-Дианой, то с Селеной (Луной). Ср.: *Гесиод*. Теогония, 404—406.

69. *Евмениды* — они же эринии, у греков первоначально богини мщения за пролитую кровь, у римлян были отождествлены с фуриями. *Фурина* — древнеримская богиня. Цицерон без достаточных оснований, опираясь, по-видимому, на сходство названий, сближает ее с фуриями.

70. *Те, которые были упомянуты тобою* — см.: II, 61.

71. *Moneta* — слово неясной этимологии. Древние обычно производили его от *monere* — предвещать. Ср.: Цицерон. О дивинации, I, 101; II, 69.
72. Культы египетских богов *Сераписа* и *Исиды*, несмотря на ряд запретов со стороны римского сената, получили в последние десятилетия Римской республики значительное распространение в Италии. Серапис был отождествлен с Эскулапом (и с Плутоном), Исида — с Персефоной.
73. *Матута* — у римлян богиня утренней зари; считалась покровительницей беременных женщин и рожениц.
74. *Пасифая* — лунная богиня.
75. *Амфиарай* — см.: II, 7, *примеч.*; ср.: Цицерон, О дивинации, I, 88. *Трофоний* — греческое божество, отождествлялось в одних местах с Гермесом, в других — с Зевсом.
76. *Публиканы* — римские откупщики государственных доходов, в частности, бравшие на откуп сбор налогов в провинциях, подвластных Риму.
77. *Эрехтей* — сын богини Геи, легендарный царь Аттики. По преданию, когда Афины вели войну с соседним Элевсином, Эрехтею был дан оракул, что победу он одержит только в том случае, если его дочери будут принесены в жертву богам. Жертва была принесена и победа одержана. Однако отец элевсинского царя Эвмолпа бог Посейдон упротил Зевса отомстить Эрехтею, и Зевс поразил его своей молнией. Афиняне обожествляли и Эрехтея, и его дочерей; посвященный им храм вошел в комплекс афинского акрополя.
78. *Кодр* — последний царь Афин. По преданию, он во время войны с дорьями пожертвовал собой ради спасения своей страны.
79. *У дочерей Леонта* — дочери аттического царя Леонта принесли себя в жертву богам, чтобы спасти страну от морового поветрия (или голода).
80. *Стратоник* — афинский поэт (IV в.), славившийся своим остроумием.
81. *Люцифер* — римское название планеты Венеры, «утренней звезды», предвещавшей наступление дня. Ср.: II, 53, *примеч.*
82. *Таумант* — морское божество, сын Понта (олицетворение моря) и Геи, отец Ириды (греч. «Радуга») и гарпий (олицетворение штормовых ветров).
83. *Облако родило кентавров.* — ср.: Овидий. Метаморфозы, XII, 211.
84. В Риме был храм Бури, воздвигнутый П. Корнелием Сципионом в 249 г., после того как римский флот уцелел во время сильной бури на море.
85. *Теллус* — древнеримская богиня, называемая также Мать Земля (*Terra mater*).
86. У римлян действительно было божество Фонс (лат. «Источник»), которому полководцем Мазоном в Риме был посвящен храм после завоевания Корсики в 231 г.
87. Котта имеет в виду философов, разделяющих взгляды Продика и Евгемера. Ср.: I, 118—119 и *примеч.*; II, 60.
88. *Теологи* — этим термином обозначали не только ученых, но и поэтов, сочинявших произведения о богах и прорицателях.
89. Ср.: I, 38; I, 42; I, 119; Цицерон. Тускуланские беседы, I, 29.
90. См.: II, 53.
91. *Гиперион* — по Гесиоду, титан, отец Гелиоса (Солнца) (Теогония, 134—135), у Гомера — эпитет Солнца (Илиада, VIII, 480).
92. *Гелиополь* — древнеегипетский город Он, культовый центр солнечного бога Ра.
93. *В героические времена* — ср.: Цицерон. О дивинации, I, 1; Он же. Тускуланские беседы, V, 7. На острове Родосе культ Гелиоса-Солнца был в особенном почете, недаром там в честь этого бога была сооружена огромная статуя Колосса Родосского — одно из «семи чудес света». *Иализ*, *Камир*, *Линд*, *Род* — легендарные эпонимы древнейших городов на Родосе.
94. *Фта* — по эмендации Джеральди, принятой большинством издателей, вместо непонятного «Опас» в списках.
95. *Руководил ремесленными мастерскими на Лемносе* — следы вулканической деятельности на о. Лемносе были приписаны Вулкану.
96. *На островах вблизи Сицилии* — имеются в виду Липарские острова. Ср.: Плиний. Естественная история, III, 92.

97. *Матери Дня* — слово «день» в греческом и латинском языках — женского рода.
98. *Фенеты* — жители города Фенея в Аркадии (Пелопоннес), который был культовым центром Гермеса-Меркурия.
99. *Аргус* — многоглазый великан был поставлен Герой, ревнивой женой Зевса, сторожить превращенную в корову Ио. Гермес, усыпив Аргуса, убил его. Гермес-Меркурий был отождествлен с египетским богом Тотом, которому приписывали открытие письменности.
100. *Киносуры* — где находилась эта местность, в точности не установлено.
101. *Корибанты* — служители культа фригийской богини Кибелы.
102. *Гипербореи* — мифическая страна и народ на крайнем севере.
103. *Номионом, потому что от него получили свои законы* — по-гречески «закон» — «номос».
104. *Унис, или Окис* (греч. «око»), — одно из наименований Дианы (Луна светлое око ночи), но как мужское имя — только здесь.
105. *Низа* — одна из нимф, которые заботились о младенце Дионисе. Миф о ее убийстве неизвестен.
106. *Сабазии* — празднества в честь фригийского бога Сабазия, отождествленного с Дионисом, празднества эти сопровождалась оргиями.
107. *Низ* — ближе неизвестен. *Тиона* — другое имя матери Диониса, Семелы. *Триетерии* — праздник в честь Диониса, который справлялся в Фивах каждую третью зиму.
108. *Родилась из морской пены* — один из вариантов мифа о рождении Венеры. Ср.: *Гесиод*. Теогония, 176—200. Когда Кронос оскопил своего отца Урана, то капли крови Урана попали в море у острова Кипра и превратились в пену, из которой родилась богиня Афродита-Венера.
109. *Диона* — одна из титанид, позже отождествлялась с Герой.
110. *Антэрос* — бог взаимной любви, мстящий за отвергнутую любовь.
111. *Зачатая Сирией от Кипра* — в Сирии и на Кипре культ Венеры-Астарты был особенно в почете. *Адонис* — греческая форма имени семитического бога Адоная («Господин»), культ которого был также распространен в Сирии и на Кипре и связан с культом Астарты.
112. *Саис* — город и ном в дельте Нила.
113. *Квадрига* — колесница, запряженная четверкой лошадей.
114. *Паллант* — один из гигантов, убитый Афиной, откуда и эпитет, применяемый к Афине, «Паллада».
115. *Ваши* — стоики.
116. См.: II, 64 сл.
117. *Вейовис* (или Ведиовис) — другое имя Зевса. Этимология этого имени была неясной уже во времена Цицерона.
118. *От «плавать»* — см.: II, 66.
119. *Лары* — боги охранявшие дом и семью. Был также культ общественных ларов — покровителей города и государства.
120. *Орбона* — богиня смерти, чаще — губительница детей.
121. *Выдвинутых тобой положений* — см.: III, 6.
122. Перед XXVI главой выпала, по-видимому, часть текста, в котором должна была содержаться критика третьей части речи Бальба (попечение богов о мироздании в целом) и начало четвертой части (забота богов о людях). Лактанций еще мог читать эту часть текста трактата в экземпляре, который он использовал, подвергая критике Цицерона. К. Циглер (Hermes, 71, (1936) 421—440), показал, что традиция, приписавшая Лукрецию сумасшествие, возникла в конце III или в IV в. н. э. (Лактанций об этом вымысле еще не знал), и предположил, что в этот же период подвергся искажению и оригинальный текст трактата Цицерона. И скорее всего — от руки христианина. Достаточно сказать, что места, критикующие чисто языческие представления о богах, остались в трактате нетронутыми.
123. *Нет, так дело не пойдет* — этот и последующий стих — цитаты из трагедии Энния «Медея» (Фален, 266—269).

124. *К нему* — Креонту, коринфскому царю, который приказал Медею покинуть его царство, после чего Ясон, муж Медеи, должен был жениться на царской дочери. Медея в отместку решила погубить своих и Ясона детей.
125. *Смерть... изгнание* — Энний. Медея (Фален, 270—272).
126. *Когда отец...* — стихи, возможно, из «Медеи» Акция.
127. *А тот* — Атрей, следуют стихи из трагедии Акция «Атрей». Атрей, мстя своему брату Фиесту, соблазнившему его жену, убил детей Фиеста и мясом их накормил их отца.
128. *Добавлю* — Акций. Атрей.
129. *Деянира* — жена Геракла. Умирая от стрелы Геракла, кентавр Несс дал Деянире коварный совет, собрать его кровь и омочить в ней одежду Геракла, это поможет ей сохранить любовь мужа. Деянира так и поступила. Но кровь кентавра была отравлена. Геракл погиб от нее в страшных мучениях, а Деянира тем самым стала невольной причиной его гибели.
130. *Фера* — город в Фессалии (Северная Греция). Тиран Ясон правил в нем с 478 г. Об этом случае упоминают также Плиний (Естественная история, VII, 51) и Валерий Максим (I, 8, 6).
131. *Персонаж из «Евнуха»* — Федрия; стихи из комедии Теренция «Евнух». Она — Таис, возлюбленная Федрии.
132. *То хорошо* — далее стихи из «Синэфебов» Цецилия. См.: *примеч.* к. I, 13.
133. *Формион* — парасит в комедии Теренция «Формион».
134. *Квинт Созий* — ближе неизвестен. *Л. Ален* — также неизвестное лицо.
135. *О толосском золоте* — Квинт Сервилий Цепион, захватив в 109 г. город Толосу в Нарбоннской Галлии, разграбил находившийся там храм Аполлона и присвоил хранившееся в нем золото [Кв. Сервилий Цепион был проконсулом Нарбоннской Галлии в 105 г., а не в 109 г. (Liv. Per. 67). — Прим. О. Любимовой.]. В 95 г. его политические противники возбудили против него судебное дело по обвинению в оскорблении божества и Цепион был осужден на изгнание.
136. *О заговоре Югурты* — нумидийский царь Югурта неоднократно подкупал видных римских политических и военных деятелей. В 110 г. над ним состоялся суд в Риме, но Югурта вновь прибегнул к подкупу и таким образом избежал осуждения.
137. Дело претора *Тубуллы* рассматривалось в 142 г.
138. *С. Педуцей* — народный трибун 113 г. возбудил судебный процесс против весталок, обвинив их в разврате, и они были осуждены. Ср.: Дион Кассий. Римская история, XXVI, 87, 1—5.
139. *Процессы по закону Плетория* — по этому закону наказывались те, кто использовал в корыстных целях неопытность или малолетство.
140. Ср.: Цицерон. Об обязанностях, III, 60.
141. *О если б* — вступительные стихи в трагедии Энния «Медея». На горе Пелион, в Фессалии, были срублены деревья, из которых построили корабль «Арго», привезший в Колхиду Ясона, будущего мужа Медеи, ставшего причиной ее бедствий.
142. Бог Гелиос-Солнце клятвенно обещал своему сыну *Фаэтон* исполнить его просьбу. Фаэтон упросил отца дать ему на один день управление солнечной колесницей, на которой тот объезжал небо. Фаэтон не сумел справиться с конями и погиб.
143. Одно из трех желаний Тезея — смерть его сына Ипполита, которого Тезей заподозрил в любовной связи со своей женой Федрой, мачехой Ипполита. Ср.: Об обязанностях, I, 32.
144. *Аристон Хиосский* — см.: I, 37, *примеч.*
145. *Распутники из школы Аристиппа... Зенона* — жестокие — Аристипп — основатель философской школы киренаиков, учил, что наслаждение — это высшее благо, но призывал не к распутству, а, наоборот, к умеренности в наслаждениях. По учению стоика Зенона, высший долг человека — быть добродетельным и презирать наслаждения.
146. *Теламон* — легендарный древний царь Саламина, герой одноименной трагедии Энния. Этот стих идет сразу после приведенного в «О дивинации» (II, 104).
147. *Двух Сципионов* — братья Публий и Гней в Испании, во время Второй Пунической войны потерпели поражение от карфагенян и погибли в сражениях.
148. *Квинт Фабий Максим* — диктатор во время Второй Пунической войны.

149. *Консуляр* — лицо, побывавшее однажды консулом.
150. *Марк Клавдий Марцелл* — герой Второй Пунической войны, завоеватель Сиракуз (212) был в 208 г. разбит Ганнибалом и пал в бою.
151. *Марк Эмилий Павел* [*Луций Эмилий Павел* — прим. О. Любимовой.] — консул 216 г.; в том же году потерпел поражение от Ганнибала при Каннах и погиб в этом сражении.
152. *Марк Аттилий Регул* — консул во время Первой Пунической войны. В 255 г. он попал в плен к карфагенянам и был ими казнен. Считался образцом римского гражданина и патриота.
153. *Публий Корнелий Сципион Африканский* — противник гракханских реформ, был в 129 г. найден убитым в своем доме. Ср.: II, 14.
154. *Публий Рутилий Руф* — консул 105 г.; выступил против злоупотреблений, которые чинили в провинциях всадники-публиканы, сборщики налогов. В 92 г. всадники добились его осуждения и изгнания.
155. *Марк Ливий Друз* — народный трибун 91 г.; также выступал против всаднического сословия.
156. *Квинт Муций Сцевола* — верховный понтифик, современник и сторонник Суллы. В 82 г., спасаясь от преследовавших его марианцев, укрылся в храме Весты, там он и был убит.
157. *Луций Корнелий Цинна* — один из наиболее активных марианцев. После отъезда Суллы на Восток, Цинна устроил жестокое избиение сторонников Суллы в Риме.
158. Ср. этот отзыв Котты о Марии с явно положительной его оценкой самим Цицероном в его поэме. См.: *Цицерон. О дивинации*, I, 106.
159. *Квинт Лутаций Катул* — консул в 102 г.; вместе с Марием провел в 101 г. победоносную войну против кимвров. Позже он выступил против Мария, и последний заставил его покончить с собой в 87 г.
160. *Квинт Варий* — народный трибун в 92 г. Его политические противники обвиняли его во многих преступлениях, и в том числе убийстве М. Ливия Друза. Позже он был предан суду и казнен.
161. *Дионисий Старший* был тираном в Сиракузах с 405 по 367 г. *Писистрат* — тиран в Афинах в 560 по 527 г. (с перерывами). *Фаларид* — тиран в городе Агригенте (Сицилия) с 565 по 549 г. *Аполлодор* — в Кассандрее (Средняя Греция) в первой половине III в.
162. *Анаксарх Абдерский* — философ, современник Александра Македонского, о его гибели сообщает также Диоген Лаэртский (IX, 58—59). *Зенон Элейский* (род. ок. 500 г.) был участником неудавшегося заговора против тирана. Не желая выдать других участников заговора, откусил себе язык и был предан мучительной смерти. Ср.: *Цицерон. Тускуланские беседы*, II, 52.
163. Сократ был в 399 г. присужден к смерти афинским судом, как гласило обвинительное заключение, «за введение новых божеств и за развращение молодежи». Считая своим долгом подчиниться решению суда, несмотря на его несправедливость, он добровольно принял яд. Смерть его описал Платон в диалоге «Федон». Ср.: *Цицерон. Тускуланские беседы*, I, 24.
164. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 74, где, однако, приводится другое имя пирата — Скирпал.
165. Неизвестно, из каких источников Цицерон почерпнул свое описание случаев святотатства со стороны Дионисия (ср.: *Валерий Максим*, I, 1, 3; *Лакций*, II, 4, 25—26).
166. По другим источникам Дионисий ограбил храм Юпитера Олимпийского в Сиракузах.
167. *Отец... безбородый* — Аполлон, отец Эскулапа, всегда изображался без бороды.
168. *Боги пренебрегают мелочами* — ср.: II, 167.
169. Ср.: III, 71.
170. *Диогор... Безбожник* — ср.: I, 2; I, 63 и примеч.,.
171. *Должны ожидать наказания его дети* — Ср.: Гомер. Илиада, IV, 160.
172. *Когда же... избиению* — стихи из трагедии Акция «Атрей». Пелопс, сын Тантала, подкупив Миртила, возничего царя Эномая, уговорил его вынуть чеку из колесницы последнего. Во время ристания колесница перевернулась и Эномай погиб. Однако вместо награды Пелопс приказал бросить Миртила в море. Тот, погибая, проклинал Пелопса, и это проклятие передалось нескольким последующим поколениям танталидов: Атрею, Фиесту, Агамемнону.

173. *Эгисф* — один из танталидов, любовник Клитемнестры, убивший ее мужа, царя Агамемнона. Эсхил использовал этот сюжет в своей «Орестее».
174. *Ликур* — легендарный законодатель в Спарте. Согласно преданию, он получил указания от Аполлона через дельфийскую пифию. Ср.: *Геродот*. История, I, 65.
175. *Критолай* — один из руководителей Ахейского союза в Греции, побудивший этот союз поднять восстание против Рима в 146 г. Восстание было подавлено, ряд греческих городов были разрушены, в том числе Коринф. *Газдрубал* — карфагенский военачальник, напал на нумидийского царя Массиниссу, союзника Рима. В результате Рим объявил войну карфагенянам (Третья Пуническая война — 149—146 гг.), которая закончилась полным разрушением Карфагена.
176. *Бог... сердиться не может* — ср.: Об обязанностях, III, 102, где Цицерон излагает мнение стоиков, что «бог никогда не гневается и никому не причиняет вреда». Ср.: *Сенека*. О гневе, II, 27, 1: «Боги не хотят вредить и не могут».
177. Ср.: I, 22; II, 59; *Цицерон*. О дивинации, II, 86.
178. Ср.: II, 77; *Цицерон*. О дивинации, 182—83; II, 101—102.
179. Об отдельных людях — см.: II, 167.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга I	(стр. 1)
Книга II	(стр. 35)
Книга III	(стр. 77)